

Драмокл: Межгалактическая мыльная опера

Джей, с любовью

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Король Драмокл, правитель Глорма, проснулся, огляделся и не смог вспомнить, где он находится. Такое случалось с ним нередко, ибо король привык засыпать в разных покоях дворца, под настроение. Королевский дворец в Ультрагнолле был самым большим творением рук человеческих на Глорме, а то и во всей Галактике. Он был так велик, что пришлось оборудовать его внутренней транспортной сетью. Одних личных королевских спален в этом колоссальном сооружении насчитывалось сорок семь штук. А кроме того, еще в шестидесяти комнатах у Драмокла были кушетки, откидные кровати, раскладные диваны, воздушные матрацы и прочие приспособления на случай, если вдруг захочется соснуть. Поэтому выбор постели был для него ежевечерним приключением, а пробуждение - еже утренняя загадкой.

Сев и посмотрев по сторонам, Драмокл обнаружил, что провел ночь на куче подушек в одной из Косматых комнат, названных так из-за пучков черных волос, в изобилии росших по углам. Разобравшись с проблемой местонахождения, король задумался над вопросом кофепития.

Обыкновенно вопрос этот решался простым нажатием кнопки возле кровати. В королевской кухне раздавался звонок и включалась громадная машина «капучино». Бойлер у нее был таких размеров, что энергии хватило бы на целый локомотив; десять слуг круглосуточно поддерживали под ним огонь, прочищали фильтры, добавляли свежесмолотый кофе и выполняли прочие подготовительные операции. Стоило лишь прозвенеть звонку, как дымящийся «капучино», подслащенный в точности по королевскому вкусу, устремлялся по

медным трубам длиною в несколько миль и лился из крана в любой комнате, где пожелает испить кофе Драмокл.

На сей раз, однако, Драмокл ночевал в той части дворца, что не была еще подключена к кофейной сети. Король сердито натянул джинсы и тенниску и вышел в коридор, монорельсовая дорога: стало быть, хотя бы дворцовая транспортная сеть здесь работает. Но поезда, конечно же, нет и в помине. Драмокл сверился с настенным расписанием и обнаружил, что следующий поезд - «Прямой дворцовый местный» - будет минут через сорок, не раньше. Король снял со стены телефонную трубку экстренной связи и позвонил в транспортную центральную.

В трубке долго гудели сигналы. Наконец развязный голос спросил:

- Ну, чего надо?

- Пришлите мне поезд немедленно, - сказал Драмокл.

- А еще чего? И не мечтай, приятель. Половина составов у нас в ремонте, а другая половина на линиях, куда более важных, чем твоя. Там, откуда ты звонишь, ни черта нету, кроме косматых спален.

- Я король Драмокл, - грозным голосом сказал Драмокл.

- Да ну? Щас, сверим твой голос с записью... Да, действительно.

Слушайте, сир, я извиняюсь за свой тон, а только вы не представляете, как заколебали меня ваши придворные! Трезвонят, понимаете, день-деньской и требуют, чтобы поезда сворачивали туда, куда им угодно. А в особенности сейчас, из-за праздников...

- Ладно, все ясно, - сказал Драмокл. - Когда ты сможешь прислать мне поезд?

- Через семь минут, сир. Я заверну «Пантеон-экспресс» прямо перед станцией Капультепек.

- Приличная кофеварка в этом экспрессе есть?

- Минуточку, щас гляну... Нет, сир, в «Пантеоне» только растворимый кофе и слабенький голландский. Дайте мне двадцать минут, и я пришлю вам поезд с новейшим оборудованием для завтрака...

- Пришли который поскорее, - сказал Драмокл - Я позавтракаю позже.

Прошло пятнадцать минут. Поезд так и не появился. Драмокл снова снял телефонную трубку, но услышал лишь бесконечные щелчки. Потом записанный на пленку голос заявил, что все линии заняты и ему следует звонить через дворцового оператора. Тщетно Драмокл орал, что он король и-»что все прочие разговоры должны быть прерваны сию же секунду. Никто его не слышал.

Он пошел обратно в спальню за сигаретами, но заблудился: все покои здесь были волосатые, и король не смог отыскать комнату, где провел ночь. Ни один телефон не работал. И даже на сигнал пожарной тревоги никто не отозвался.

Разгневанный, Драмокл зашагал вперед по коридору. Прошел целый час, пока он пешком добрался до одного из населенных районов Ультрагнолла. Каким ветром его занесло в те забытые Богом спальни прошлой ночью? Он смутно помнил давешнюю вечеринку - немножко выпивки, немножко нар-коты, много смеха, а потом забвение. Король побрел дальше, но, услышав позади шум мотора, остановился.

Вдали замигали крохотные желтые огоньки. Они приблизились, и оказалось, что это коридорная машина - одноколесное транспортное средство, используемое аристократией для спешных передвижений по дворцу.

Машина аккуратно притормозила возле короля. Круглая крыша откинулась, и жизнерадостный кудрявый мальчик лет двенадцати, высунув голову, спросил:

- Это вы, отец?

- Конечно, я, - сказал Драмокл. - Тебя как звать-то?

- Самизат, отец, - ответил мальчик. - А мою маму зовут Андреа - вы развелись с ней два года назад.

- Андреа? Такая маленькая, темноволосая, с писклявым голосом?

- Точно. Мы живем в районе Святого Михаила. Мама часто звонит вам по телефону и рассказывает свои сны.

- Вещие, как она утверждает. - Драмокл уселся в машину рядом с Самизатом. - Отвези-ка меня в дворцовый центр.

Самизат рванул машину с места с такой скоростью, что воск, которым был натерт в коридоре пол, расплавился и задымил.

Вскоре коридор вывел их на широкий балкон с балюстрадой. Самизат резко свернул, промчался вниз по длинным лестничным пролетам и немного сбросил скорость, лишь когда подъехал к просторному помещению под куполом, где раскинулась площадь св. Леопольда. Это была большая базарная площадь, усеянная полосатыми тентами, под которыми сидели люди и нелюди и торговали всякой всячиной. Гейзельянцы, жители северных окраин Глорма, предлагали покупателям глянцевитые бельмогоды в плетеных корзинках. Гроты - остатки древней расы, населявшей Глорм до прибытия людей, - покачивали головами над чашками с наркотической кашей. Брунгеры из Диспазии и флатландцы из Арнапеста, в красочных национальных костюмах из блестящей кожи и тафты, Продавали резные уличные тросточки и свои знаменитые миниатюрные персики. А высоко над толпой реяли огромные золотисто-голубые транспаранты, возвещавшие о тридцатой годовщине Pax Glormicae <Мир Глормииский (лат.)>.

Драмокл заметил кофейню и велел сыну посадить его. Заглотив двойной «каппучино», король расписался в получении кофе и поехал на коридорном такси в дворцовый центр.

Пухлое усатое лицо гофмейстера королевского двора Рудольфа, поджидавшего Драмокла на ступеньках внутренней лестницы, подергивалось от нетерпения.

- Сир! - сказал гофмейстер. - Вы опоздали на аудиенцию!

- Поскольку я король, - заявил Драмокл, - я никуда не могу опоздать, ибо, когда бы я ни появился, я всегда появляюсь вовремя.

- Не путайте меня своей казуистикой, - сказал Рудольф. - Вы сами назначили время аудиенции и велели мне выбрать вас, если опоздаете.

- Считай, что ты меня выбрал. Насколько я помню, сегодня вечером официальное открытие празднования Рах Glormicae?

- Точно так, сир. Все приготовления уже окончены. Адалберт, король Аардварка, прилетел вчера вечером. Мы разместили его в небольшом особняке на рю Монжуа. Руфус, правитель Друга, прибыл со свитой, и его поселили в Тронтийском замке. Снинт, король Лекка, остановился в отеле «Розовый сад» на Храмовой авеню. Ваш брат Джон, граф Кармино-сольский, только что прибыл в космопорт. Лишь Хальдемар, король Ванира, не соизволил объявиться даже по радио или видео.

- Чего и следовало ожидать. Я встречусь с королями позже. В почте было что-нибудь интересненькое?

- Обычная дребедень.

Рудольф отдал Драмоклу пачку писем, и тот сунул ее в карман джинсов. - Потом разберусь. А сейчас давай начнем аудиенцию. И постарайся на сей раз не затягивать ее, Рудольф.

- Воля ваша, сир, но до получения специальных указаний я буду придерживаться протокола, установленного вашим достопочтенным батюшкой Отто Странным.

Драмокл пожал плечами. Правила, законы и указы Отто большей частью были весьма разумны, и Драмоклу никогда не приходило в голову их менять. Сопровождаемый Рудольфом, король проследовал в зал для приемов.

Глава 2

Аудиенция протекала скучно, как всегда, и в основном сводилась к определению меры наказания разным графьям и баронам, попавшим в монаршую немилость из-за того, что они обманывали крестьян, или налоговые машины, или кого-нибудь еще. Делать Драмоклу было абсолютно нечего, поскольку гофмейстер уже вынес решения в соответствии с предписаниями Отто Странного. Рудольф бубнил приговор за приговором, а Драмокл сидел на высоком троне и жалел себя.

Несмотря на свой титул абсолютного монарха Глормийского и верховного правителя Местных планет, Драмокл осознавал, что, всю жизнь попросту плывет по течению, машинально реагируя на незначительные события, происходившие на Глорме в этот беспрецедентно долгий мирный период Одуревший от скуки, несчастный король ерзал на троне, прикуривая одну сигарету от другой, и думал про себя, что быть великим монархом - не такое уж великое удовольствие. И тут к трону вдруг приблизилась какая-то старушка, и с этой минуты жизнь короля совершенно переменялась.

Старушка была маленькая, сгорбленная, вся в черном, за исключением серых туфель и серой же мантильи. Она пробралась сквозь толпу придворных почти к самому трону, где путь ей преградили скрещенные алебарды стражников. Тогда она воззвала:

- О великий король!

- Да, старая леди, - откликнулся Драмокл, жестом повелевая возмущенному Рудольфу молчать. - Ты, по-видимому, желаешь обратиться к нам. Пожалуйста, говори. Надеемся - для твоего же блага, - что твое известие порадует нас.

- Сир! - сказала старушка. - Я вынуждена покорнейше просить вас о приватной аудиенции. Мое известие предназначено исключительно для королевских ушей.

- Вот как? - сказал Драмокл.

- Да, так, - сказала старушка.

Драмокл смерил ее взглядом, и еле заметная тень затуманила его ясное чело. Он затушил сигарету в пепельнице, выточенной из цельного смарагда.

- Проводите ее в Зеленую палату, - приказал он ближайшему стражнику. - Пускай подождет там наше величество. Тебя это устраивает, любезнейшая?

- Да, сир, главное, чтоб не в Оранжевую.

Придворные ахнули от такой бесцеремонности, но Драмокл только улыбнулся и, когда страж увел старушонку, подал гофмейстеру знак продолжать аудиенцию.

Часом позже ежедневный прием был окончен. Драмокл отправился в Зеленую палату. Усевшись в удобное мягкое кресло, он закурил и устался на старушку, сидевшую перед ним на стуле с прямой спинкой.

- Итак, - сказал он, - ты пришла.

- В назначенный час, - откликнулась старушка. - И я осмелилась предстать пред ваши очи, сир, только потому, что еще больше боялась не сделать этого.

- Сначала я решил, что ты ненормальная, - сказал Драмокл. - Но потом я спросил тебя: «Вот как?», и ты ответила:

«Да, так», то есть дала мне отзыв на пароль, которым я пользуюсь в разговорах с личными агентами. В следующую фразу я ввернул кодовое слово «зеленая», а ты сказала в ответ «оранжевая» и тем самым рассеяла последние сомнения. Сообщил ли я тебе еще какие-нибудь пароли?

- Еще десять, то есть всего двенадцать, чтобы я могла подать вам знак в любой ситуации, о чем бы мы ни разговаривали.

- Двенадцать паролей! - изумился Драмокл. - Весь мой запас! Твое известие должно быть сногшибательно важным. Кстати, я даже не знаю твоего имени, старая леди.

- Да, сир, вы предупреждали, что забудете его, когда велели мне затвердить пароли. Меня зовут Кларой.

- Чудеса! И они происходят со мной наяву, а не во сне! - воскликнул счастливый король. - Поведай же мне свою историю, Клара.

- О великий король! - сказала Клара. - Вы посетили меня тридцать лет тому назад в моем родном городе Мерле, где я зарабатывала себе на пропитание, запоминая разные вещи для людей, слишком занятых, чтобы помнить их самим. Вы сказали мне: «Клара (прочитав мое имя на дверной табличке: "Воспоминатории Клары"), у меня есть очень важное сообщение, и я хочу, чтобы ты запомнила его наизусть и передала мне ровно через тридцать лет, когда я должен буду о нем вспомнить. Сам я забуду даже наш нынешний разговор, пока ты не придешь и не напомнишь, ибо так тому положено быть».

«Вы можете положиться на меня, ваше величество», - сказала я.

«Я в этом не сомневаюсь, - ответили вы, - поскольку предосторожности ради я занес твое имя в официальный календарь, чтобы тебя казнили ровно через тридцать лет и один день. А потому я рассчитываю, что ты появишься вовремя». Затем вы улыбнулись мне, сир, передали свое сообщение и удалились.

- Ты, наверное, немного тревожилась, как бы не случилось какой задержки в пути, - заметил Драмокл.

- Чтобы избежать непредвиденных случайностей, я перебралась в вашу столицу Ультрагнолл вскоре после нашей встречи и открыла воспоминаторий на Оружейной улице в пяти минутах ходьбы от дворца.

- Ты мудрая и предусмотрительная женщина, Клара. А теперь скажи мне, что я велел себе передать?

- С удовольствием, сир. Ключевое слово - «шазаам»! Услышав это слово из древнего языка, Драмокл унесся просветлевшей памятью на тридцать лет назад.

Глава 3

Тридцать лет отмотались обратно, словно кинолента, снятая наплывом. Юный Драмокл, двадцати лет от роду, сидел в своем кабинете и рыдал. Только что он узнал, что отец его Отто, король Глорма, прозванный в народе Станным, погиб несколько минут назад при взрыве лаборатории на спутнике Глорма Глизе. Взрыв произошел, по-видимому, из-за оплошности Отто, поскольку в лаборатории, да и вообще на Глизе, он был в тот день один. Король ушел в мир иной эффектно, в блеске атомной вспышки, разорвавшей в клочья целый спутник.

Завтра о нем будет скорбеть весь Глорм. А через неделю состоится коронация и Драмокла провозгласят королем. Но несмотря на предвкушение этой церемонии, Драмокл плакал, потому что любил своего непонятого и непредсказуемого отца. Горе боролось в его сердце с радостью, ибо перед своим злополучным полетом на Глиз Отто провел с сыном задушевную беседу, в которой напомнил ему о королевских обязанностях и ответственности, а потом неожиданно открыл Драмоклу, что ему уготована великая судьба.

Драмокла потрясло сообщение отца. Судьба всегда была его заветной мечтой. Теперь наконец его жизнь исполнится смысла и значения, а это две самые ценные вещи, какими может обладать человек.

Мешало лишь одно препятствие. Как объяснил Отто, Драмокл не сможет сразу же пуститься в погоню за судьбой. Ему придется подождать, и ожидание будет долгим. Тридцать лет пройдет, прежде чем настанет срок. Только тогда начнет разматываться нить судьбы Драмокла - и ни денечком раньше.

Тридцать лет! Целая жизнь! И ему придется не просто ждать - ему придется хранить это известие в тайне до тех пор, пока не настанет время действовать. Доверить столь важную тайну нельзя никому. Ни один человек не должен знать о ней, даже самые преданные друзья и советники.

- Будь оно все проклято! - проворчал Драмокл. - Если подумать, так я и себе самому не могу доверять. Я просто выболтаю все кому-нибудь по пьянке или забалдев от наркоты. Я последний человек на свете, кому бы я доверил такой секрет.

Он задумался, непрерывно смоля сигареты и прикидывая разные варианты. В конце концов, решившись, он вызвал своего андроида-психиатра доктора Фиша.

- Фиш! - резко сказал Драмокл - У меня в мозгу есть некая последовательность мыслей. Я не хочу их помнить.

- Нет ничего легче - мы запросто можем изъять мысль или даже целый набор мыслей, - сказал Фиш скрипучим голосом, характерным для андроидов, несмотря на достижения технологии голосового синтеза. - Ваш почтенный батюшка Отто постоянно велел мне стирать из памяти имена бывших любовниц, оставляя лишь даты их рождений, поскольку был человеком великодушным. Он также настаивал на забвении голубого цвета.

- Но я не хочу потерять свою мысль! - сказал Драмокл. - Это очень важная мысль. Я хочу вспомнить ее через тридцать лет.

- Это куда сложнее, - заметил Фиш.

- А ты не мог бы заблокировать мою мысль и дать мне постгипнотическую команду вспомнить ее спустя тридцать лет?

- Подобную методику я с успехом применял к королю Отто. Он хотел думать о Гилберте и Салливане каждые шесть месяцев, не открывая мне причин своего желания. К сожалению, тридцать лет - чересчур долгий срок для надежного постгипнотического внушения.

- Но что-то ты можешь сделать для меня или нет?

- Ну, я могу закрыть вашу память ключевым словом или фразой. Затем ваше величество отдаст ключ какой-либо достойной доверия персоне, которая напомним вам это слово по прошествии тридцати лет.

- Я могу доверить его воспоминателю. - Драмокл задумался. Хотя и не стопроцентно надежный, план казался приемлемым. - Какое слово ты посоветуешь в качестве ключевого? - спросил он Фиша.

- Я лично выбрал бы «шазаам», - ответил андроид.

Драмокл порылся в «Галактическом желтом справочнике» в поисках надежного воспоминателя. Выбрав Кларин, он собственноручно отвел свою космическую яхту в город Мерль и сообщил Кларе ключевое слово.

Вернувшись в Ультрагнолл, король вызвал Фиша еще раз.

- Теперь я хочу, чтобы ты запечатал мою память, как мы решили ранее, под ключевое слово «шазаам». Только прежде чем ты начнешь, я

должен обсудить с тобой еще один вопрос... Даже и не знаю, с чего начать.

- Не утруждайтесь понапрасну, мой король. Я уже привел все свои дела в порядок, поскольку, если я не ошибаюсь, вы намерены меня уничтожить.

- Откуда ты знаешь? - с удивленной усмешкой спросил Драмокл.

- Это элементарно, сир, для того, кто изучил ваш характер и уважает ваше стремление сохранить все в строжайшей тайне.

- Надеюсь, ты на меня не в обиде, - сказал Драмокл. - Я хочу сказать, ты ведь не такой, как живые люди, правда?

- У нас, андроидов, нет инстинкта самосохранения, - ответил доктор Фиш. - Позвольте мне лишь пожелать вам на прощание удачи на том блистательном поприще, что вас со временем ожидает.

- Благодарю тебя, Фиш, - сказал Драмокл. Прилепив клейкий шарик из голубого пластика к воротничку андроида, он воткнул в него светло-зеленый детонатор. - Прощай, дружище. А теперь приступай к работе.

Фиш включил наркопсихосинтезатор и приступил. (Драмокл не мог потом вспомнить своих последних распоряжений, поскольку велел Фишу перезаписать их на более позднюю дату.) Фиш закончил. Драмокл встал с операционного стола в полной уверенности, что ему только что сделали массаж, и ощутил желание срочно выйти на прогулку. Повинуясь постгипнотическому внушению, он удалился от лаборатории Фиша на сотню ярдов. Где и услышал взрыв. Драмокл бросился назад и обнаружил, что доктор Фиш растерзан в клочья.

Король не мог себе представить, зачем кому-то понадобилось взрывать такого безобидного андроида. Ему и в голову не пришло, что он совершил это сам, поскольку взорванные андроиды не очень-то болтливы.

Доктор сделал свое дело на совесть, и Драмокл принялся править планетой, гадая по временам, каково же его истинное предназначение. Так продолжалось ровно тридцать лет.

Глава 4

После того как память завершила свой бег, Драмокл откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления. Какая удивительная и неожиданная штука жизнь, думал он. Всего лишь час назад он томился и страдал, и ничего не светило ему впереди, кроме докучного управления планетой, которая прекрасно управлялась и без него. А теперь все переменялось и жизнь его стала совсем иной - или вскорости станет. У него все-таки есть настоящая судьба! Чего еще желать человеку, когда он и так уже король, когда богатство его превосходит самые смелые

мечтания алчности, а в постели у него перебивало бесчисленное количество красивейших женщин из разных миров? Когда все это у вас есть, духовные ценности поневоле начинают обретать кое-какое значение.

Драмокл помедлил еще немного, восхищаясь собственным умом - вернее сказать, гениальностью, позволившей ему все так удачно устроить тридцать лет назад, чтобы сейчас, когда ему стукнуло пятьдесят, жизнь его наполнилась новым смыслом. Он не без труда оторвался от самолюбования.

- Клара, - сказал он, - ты заработала свой мешок с золотыми дукатами. Нет - я дам тебе два полных мешка и замок в деревне в придачу.

Король вызвал клерка, ведавшего вознаграждениями, и приказал выдать Кларе два стандартных мешка с золотыми дукатами и один стандартный замок в Монастырском графстве, где велел содержать ее в соответствии с режимом номер четыре.

- Ну, Клара, - сказал Драмокл, - надеюсь, ты довольна?

- Конечно, сир, - ответила Клара. - Но могу ли я поинтересоваться, что означает «режим номер четыре»?

- Коротко говоря, это означает, что ты будешь жить в своем замке, ни в чем не нуждаясь, однако не сможешь выходить за крепостные стены, а также принимать гостей и общаться с кем бы то ни было, за исключением слуг-роботов. - О! - сказала Клара.

- Я ничего против тебя не имею, разумеется, - , продолжал Драмокл. - Я уверен, что ты достойна всяческого доверия, старая леди, но ты ведь понимаешь: никто не должен пронюхать о том, что мне стала известна моя судьба - или вскорости станет известна. Иначе враги ополчатся против меня. Я не вправе рисковать столь важными вещами.

- Я понимаю, сир, и ценю ваше мудрое решение относительно моей жизни, принятое вами несмотря на мою незапятнанную репутацию.

- Я так рад! - сказал Драмокл. - Я боялся, что ты сочтешь меня неблагодарным, а это было бы утомительно.

- Не бойтесь, великий король. Если мое заточение пойдет вам на пользу, я буду счастлива, пусть даже мне придется прожить остаток дней своих в одиночестве, без дружеской поддержки и не имея ни малейшей возможности потратить то золото, коим вы меня наградили.

- Знаешь, - сказал Драмокл, - об этом я как-то не подумал.

- Только не поймите меня превратно - я не жалуясь, сир.

- Клара! - Драмокл задумчиво сплел на затылке пальцы и тут же расплел их, еле успев выхватить из волос Дымящуюся сигарету и затушить ее в массивной серебряной банке из-под сардин. - Я скажу тебе, что я сделаю. Составь мне списочек своих друзей - человек

двадцать, не больше. Я велю их арестовать по облыжным обвинениям, заточу в твой замок, и они никогда не догадаются, что ты об этом знала.

- Вы потрясающе великодушны, сир. Бог с ним, с золотом, которое я не смогу потратить. Это такая мелочь, что мне не стоило даже упоминать о ней!

- Насчет золота я тоже придумал, Клара. Один из моих клерков будет посылать тебе каталоги из лучших магазинов Глорма. Ты сможешь заказать себе все, что душе угодно. И я позабочусь, чтобы тебе предоставили королевскую скидку, которая достигает шестидесяти процентов от стоимости товара, так что дукатов тебе хватит надолго.

- Господь да благословит ваше величество, и да будет судьба ваша так же великолепна, как и ваша щедрость!

- Спасибо, Клара. Клерк-кассир в конце коридора все для тебя оформит. Только ответь мне еще на один вопрос: не говорил ли я тебе тогда, какая конкретно судьба меня ожидает и что я должен предпринять, дабы исполнить свое предназначение?

- Ни словечка, великий король. Но разве ключевое слово не открыло вам этого?

- Нет, Клара. Я вспомнил только, что судьба у меня есть и я должен что-то сделать для ее осуществления. Но что именно - не знаю.

- О Господи! - сказала Клара.

- Впрочем, я уверен, что выясню это. Клара присела в реверансе и удалилась.

Глава 5

Целый час Драмокл силился вспомнить, что, собственно, предназначено ему судьбой, но безуспешно. Подробности, указания, предписания, даже намеки, казалось, потеряны или же упрятаны невесть куда. Нелепая ситуация, прямо скажем. Что же ему предпринять?

Так ничего и не придумав, король спустился в Вычислительную палату посоветоваться со своим компьютером.

У компьютера была маленькая личная комнатка рядом с Вычислительной палатой. Когда Драмокл зашел туда, компьютер, развалившись на диване, читал «Общую теорию относительности» Эйнштейна и хихикал над математикой. Компьютер был самопрограммирующейся моделью Марк-Ультима, уникальной и неповторимой, созданной древней наукой Земли, которая погибла во время необъясненного до сих пор катаклизма, как-то связанного с аэрозольными баллончиками. Отто приобрел его в свое время за немалые деньги.

- Добрый день, сир, - сказал компьютер, вставая с дивана. На нем был черный плащ, на боку - церемониальная шпага, а на округлой поверхности, которая могла бы называться головой, не засунь изготовители его мозги в желудок, красовался белый завитой парик. Четыре костлявые металлические ноги были обуты в расшитые китайские шлепанцы.

Одевался он так потому - как объяснил в свое время компьютер Драмоклу, - что чувствовал себя неизмеримо умнее всех окружающих и, чтобы не свихнуться, позволил себе маленькую иллюзию, воображая себя латышом семнадцатого столетия, живущим в Лондоне. Драмокл считал эту иллюзию вполне безобидной. Он даже привык к язвительным высказываниям компьютера в адрес какого-то забытого землянина по имени сэр Исаак Ньютон.

Драмокл поведал компьютеру о своих затруднениях.

Компьютер не впечатлился.

- Глупая проблема. Все задачи, которые вы мне задаете, яйца выеденного не стоят. Нет чтобы позволить мне раскрыть для вас тайну сознания! В такую задачку я с удовольствием запустил бы зубы, если можно так выразиться.

- Сознание для меня не проблема, - сказал Драмокл. - Я хочу узнать свою судьбу.

- Боюсь, я последний настоящий математик в Галактике, - посетовал компьютер. - Старина Исаак Ньютон был единственным человеком в Лондоне, с которым я мог общаться, когда прибыл из Риги в Лаймхаус на той грузенной углем посудине. Как мы чудесно проводили времечко, болтая о том о сем. Правда, мое предсказание грядущей гибели цивилизации от аэрозольного загрязнения оказалось сэру Исааку не по зубам. Он обозвал меня галлюцинацией и погрузился в эзотерические изыскания. Бедняга просто не смог переварить реальность такой, какая она есть, несмотря на свой уникальный математический гений. Странно, не правда ли?

- Заткнись! - процедил сквозь зубы Драмокл. - Реши мою проблему, не то я сорву с тебя этот плащ!

- Я прекрасно обойдусь и без него, моя иллюзия не пострадает. Что же до вашей недостающей информации... Погодите минуточку, сейчас подключусь к своим периферийным устройствам...

- Ну? - спросил Драмокл.

- По-моему, вы ищете вот это, - сказал компьютер, запустив руку в карман плаща и выудив оттуда запечатанный конверт.

Драмокл взял конверт и узнал оттиск своего собственного кольца с печаткой. Надпись на конверте - «Судьба. Первая фаза» - была сделана почерком Драмокла.

- Как он к тебе попал? - спросил король.

- Не задавайте лишних вопросов, если не хотите испортить себе настроение, - ответил компьютер. - Радуйтесь, что нашли конверт без особых хлопот.

- Ты читал послание?

- Мне ничего не стоило прочесть его - жаль было время зря терять.

Драмокл вскрыл конверт и извлек из него лист бумаги. Там его почерком было написано: «Захвати Аардварк немедленно».

Аардварк! У Драмокла было такое ощущение, будто в мозгу открылся потайной уголок. Заржавелые извилины поскрипели немного, а затем зашевелились ритмично и быстро. Аардварк! Короля захлестнуло волной восторга. Вот он, первый шаг навстречу судьбе!

Глава 6

Драмокл провел напряженные полчаса в Военной палате, после чего проследовал в Желтый конференц-зал, где уже поджидал его Макс - адвокат, специалист по связям с общественностью и официальный казуист. Макс был невысокий, чернявый и очень верткий. Нахальное лицо его обрамляла курчавая черная борода. Драмокл не раз представлял себе, как хорошо смотрелась бы эта голова на острие копья. Он, впрочем, не собирался ее туда водружать - представлял просто так, отвлеченно, поскольку прекрасно знал, какое жалкое зрелище на самом деле являют собою большинство голов, наколотых на пику.

Лира, нынешняя жена Драмокла, тоже была в конференц-зале. Она обсуждала с Максом планы вечерних торжеств и как раз завершала описание декораций, коими следовало украсить главную Бальную залу в честь прибытия королевских особ.

- Мой дорогой! - обратилась она к Драмоклу. - Хорошо ли вы провели сегодня день? :

- Да, пожалуй, - ответил Драмокл. Он уселся на диван и издал хриплый горловой смешок, похожий на львиный рык. Для Лир это было верным признаком того, что король что-то затевает.

- Вы что-то затеваете! - весело воскликнула королева, изящная хорошенькая женщина с тонкими чертами лица и копной блестящих белокурых кудряшек.

- Вы читаете меня, как раскрытую книгу, - снисходительно улыбнулся Драмокл.

- Скажите же, скажите мне! Вы готовите сюрприз для вечернего приема?

- Да уж, это будет сюрприз, - подтвердил Драмокл.

- Я не в силах больше терпеть, вы должны сказать мне!

- Ну, раз вы настаиваете, я дам вам ключ к разгадке. Я только что из Военной палаты.

- Это откуда вы командуете всеми своими звездолетами, да? И чем вы там занимались?

- Я отправил генерала- Руула и его ударные войска на Аардварк. Планета была захвачена силами двух боевых групп клонов лейб-гвардейцев. - Аардварк? - переспросила Лира. - Я не ослышалась?

- Такое название трудно с чем-либо перепутать.

- Вы захватили планету? Без шуток? Драмокл кивнул:

- Оборона Аардварка была отключена. Планета лежала перед нами, как яичко на сковородке. Единственные наши потери - это несколько рядовых, которых затоптали насмерть, когда кончился запас наркотиков.

- Сир, вы меня изумляете! - сказала Лира. - Вы не можете не знать, почему на Аардварке отключили оборону.

- Полагаю, из-за нехватки энергии.

- Если это шутка, то довольно жестокая. Аардварк был беззащитен и не готов к отпору потому, что вы дали священное королевское слово охранять планету от любого захватчика, в особенности сейчас, когда король Адальберт у нас в гостях. Ах, Драмокл, ваше безрассудное поведение испортит нам все торжество. Тридцать лет мира - и на тебе! Что же вы скажете бедняге Адальберту?

- Что-нибудь придумаю, - ответил Драмокл.

- Но зачем, Драмокл, зачем вы сделали это?

- Дорогая моя! - сказал Драмокл. - Я вынужден напомнить вам: никогда не спрашивайте короля «зачем»!

- Простите, сир, - сказала Лира. - Надеюсь, вы понимаете, что ваш опрометчивый поступок может привести к войне?

- Время от времени не худо и повоевать немножко, - проворчал Драмокл.

Лира бросила на него взор, исполненный почтительного неодобрения, и вышла из зала. Драмокл проводил ее взглядом, отметив про себя, какая прелестная у нее фигурка, и почти жалея о том, что скоро он лишит себя этой прелести. Хоть Лира и была хорошим человеком и верной женой, Драмокл разлюбил ее тотчас же после свадебной церемонии.

Неспособность любить своих жен была одной из маленьких слабостей короля. Он был уверен, что, благодаря его умелому притворству, Лира ни о чем не догадывается. Если повезет, она так ничего и не заподозрит до тех пор, пока гофмейстер не вручит ей указ о разводе. Конечно, для девочки это будет жестоким ударом, но Драмокл не выносил сцен. В его супружеской жизни их было вполне достаточно, в том числе и совершенно безобразных.

Драмокл обернулся к Максусу.

- Ну и? - проговорил король.

Макс подошел и пожал королевскую руку.

- Примите поздравления с блестящей победой, мой король, - сказал он сердечно. - Аардварк - ценная планетка. И то, что король Адальберт сейчас здесь, тоже весьма кстати: он не сможет поднять восстание против вашего величества.

- Все это ерунда, - сказал Драмокл.

- Конечно, - согласился Макс. - Главное то, что... Ну, в общем, мне трудно придумать так с ходу, но мы же с вами знаем, что оно - то есть главное - безусловно существует, не так ли?

- Все, что мне нужно от тебя, - заявил Драмокл, - это объяснение причины моего поступка.

- Сир?

- Я что, непонятно изъясняюсь, Макс? Люди будут спрашивать, зачем я это сделал. А, кроме того, есть еще пресса и телевидение. Мне нужно что-то сказать им!

- Конечно, сир. - Глаза у Макса зажглись внезапным гневом. - Мы можем сказать им, что король Адальберт был только что разоблачен как подлый предатель, использовавший Аардварк для создания секретных вооруженных сил, несмотря на мирный договор с вами, и что он собирался неожиданно напасть на вас, дабы захватить ваши владения, взять вас в плен и заточить на пустынном астероиде в тесной клетке, где вы будете носить собачий ошейник и ходить на четвереньках, ибо низкий потолок не даст вам распрямиться. Прослышав о заговоре, вы...

- Идея хорошая, - сказал Драмокл, - но в данном случае не годится. Адальберт мой гость. Я не хочу выбивать его из колеи больше, чем необходимо.

- Ну что ж, тогда мы можем сказать им, что хемреги подняли восстание, как только король Адальберт покинул планету.

- Хемреги?

- Одно из национальных меньшинств Аардварка, известное своей воинственностью. Они намеревались захватить контроль над обороной Аардварка, пока Адальберта не будет дома. Узнав об этом от своего резидента, вы упредили хемрегов, послав на планету свои войска.

- Отлично, - сказал Драмокл. - Можешь добавить, что мы вернем Адальберту трон, как только все утрясется.

- Желаете ли вы, чтобы заговор хемрегов был задокументирован?

- Да, желаю. Подготовь нам угрожающую картину» повстанческого движения хемрегов. Упомяни о жестоких расправах, от которых жители были избавлены лишь благодаря решительным действиям глормийских военных сил. И чтобы все выглядело убедительно!

- Слушаюсь, сир! - Макс застыл в ожидании.

- Ну тогда иди. Чего ты ждешь? Макс глубоко вздохнул:

- Как один из старейших и преданнейших слуг, а также - льщу себя надеждой - почти что друг вашего величества, плечом к плечу сражавшийся с вами когда-то в походе на Баталию и сопровождавший вас при отступлении с Бочага, я ожидал, что ваше величество просветит меня - исключительно ради собственной пользы, разумеется, - насчет истинной причины захвата Аардварка.

- Минутный каприз, - сказал Драмокл.

- Да, сир, - сказал Макс и повернулся.

- Ты, кажется, не веришь мне?

- Милорд, - сказал Макс, - мой долг повелев повелевает мне каждому королевскому слову, даже когда от него за милую душу разит враньем.

- Послушай, дружище! - сказал Драмокл, опустив ладонь на крепкое Максово плечо. - Есть вещи, которые нельзя разглашать преждевременно. Настанет время, Макс, - время, которое течет без начала и конца, являя нам свой лик в виде череды событий, - настанет такое мгновение, когда я непременно последую твоему совету. Но пока... Околевшую кобылу что в лоб бей, что по лбу, как говаривали наши предки.

Макс кивнул.

- Иди, готовь свидетельства, - сказал Драмокл. Они обменялись дружескими взглядами. Макс поклонился и ушел.

Глава 7

Принц Чач, старший сын короля и наследник глормийского престола, был в своем огромном поместье Мальдороре, расположенном за полпланеты от Ультрагнолла, когда стало известно о захвате Драмоклом Аардварка. Чач вышел на прогулку и стоял, задумавшись, на вершине холма над своим величественным замком. Принц был высокий и тонкий, черноволосый, с длинным мрачным желтоватым лицом, - прочерченным ниточкой усов. Черный бархатный плащ его был обкинут назад, открывая взорам символ власти - кольца, обвивавшие левое предплечье. Под плащом принц носил джинсы «Левис» и белую трикотажную тенниску, ибо любил классические одеяния предков. Рассеянно поигрывая украшенным драгоценными камнями флуувером, принц уселся под ивой на замшелый валун; мысли его, как всегда, где-то витали.

Уединение его нарушил гонец, спешно посланный из замка, чтобы сообщить принцу об Аардварке. Звали гонца Вителло.

- Сир, - сказал Вителло с низким поклоном, - я принес вам экстренные новости из Ультрагнолла.

- Хорошие новости или плохие?

- Все зависит от того, как вы их воспримете, милорд, а этого я не в силах предугадать.

- Но уж весомые наверняка, не так ли?

- Весом с планету.

Принц задумался на минутку, потом щелкнул пальцами:

- Знаю! Аардварк захвачен неистовым Драмоклом!

- Как вы догадались, сир?

- Назови это предчувствием.

- Я назову это отлаженной системой тайных донесений, если ваше высочество не возражает, - сказал Вителло. - Меня зовут Вителло.

Чач смерил его пронизательным взглядом:

- А ты понятливый. Скажи, Вителло, ты мог бы оказать мне услугу?

- Ах, сир, - проговорил Вителло. - Вы только прикажите! Кого вашему высочеству желательно убить?

- Ну-ну, не спеши, - сказал Чач. - В данный, момент вполне достаточно будет загубить одну идейку.

- Его высочество скрывает свои мысли за темной пеленою слов, чье значение блистает сквозь тень подобно молнии, заставляя трепетать эту жалкую осинку с головы до пят.

- Ты и сам мастер наводить тень на плетень, как я погляжу, - сказал Чач. - Однако я привык все лучшие реплики оставлять за собой. Не забывай об этом.

- Не забуду, сир.

- Я немедленно возвращаюсь в Ультрагнолл. Странные дни наступают, Вителло. Кто знает, какой приз я выловлю в этой мутной водиче? Ты поедешь со мной. Иди и вели приготовить мой корабль.

Вителло отвесил почтительный поклон. Они обменялись взглядами хозяина и слуги. Вителло ушел.

Чач сидел на косогоре, пока нижний край солнца не коснулся горизонта. Когда голубые сумерки затопили окрестности, принц улыбнулся своим тайным мыслям, встал, сложил украшенный драгоценными камнями флуувер и вернулся в замок. Часом позже он вместе с Вителло покинул Мальдорор на борту своей космической яхты.

Глава 8

Главная гостиная зала Ультрагноллского дворца была просторной, с высоким потолком и стенами из серого необтесанного камня. В одну из стен был встроен гигантский камин, в котором весело резвился огонь. На стенах висели желтые вымпелы с красочными гербами и вышитыми

названиями провинций Глорма. Сквозь стеклянные своды потолка струились желтые солнечные лучи.

Зала была прекрасна и величественна. В ней находились четыре короля, и они ожидали пятого.

Драмокл сидел в маленькой соседней прихожей, наблюдая за четырьмя королями в смотровой глазок. В кресле-качалке, закинув толстую ногу за ногу и попыхивая сигарой, развалился его брат Джон, только что прибывший со своей планеты Карминосол. Напротив камина, сжав за спиною могучие руки, стоял Руфус, старейший Драмоклов друг, воинственный и сильный правитель Друта - самой близкой к Глорму планеты. В десяти футах от него стоял Адальберт, король планетки Аардварк, долговязый юноша со светлыми пушистыми волосами, в очках со стальной оправой, косо сидевших на его коротком, почти лишенном переносицы носу А рядом с ним - Снинт, король Лекка, мрачного вида мужчина средних лет, весь в черном.

Драмокл нервничал. Воодушевление, охватившее его после взятия Аардварка, улетучилось. Король по-прежнему был уверен, что поступил правильно - веление судьбы было совершенно недвусмысленно, - но теперь он понял, что главные трудности еще впереди. Как сможет он объяснить свой поступок пэрам, в особенности, Адальберту, чей отец был его близким другом и чью планету он только что захватил? Как сможет он объяснить то, чего и сам толком не понимает?

Разве они поймут, если он скажет: «Верьте мне. Я не собираюсь отнимать у вас планеты. Просто есть вещи, которые я обязан сделать, чтобы сбылась моя судьба.» А в чем, собственно, заключается его судьба? Зачем он захватил Аардварк? И что он должен делать дальше?

Этого Драмокл не знал. Но короли ждали.

«Ладно, - сказал он сам себе. - Пора!» И, расправив плечи, отворил дверь в гостиную.

- Собратья-правители! - начал он. - Старые друзья и ты, наш дорогой брат Джон,, добро пожаловать на наше великое торжество! Все мы немало преуспели за мирные годы, и все мы желаем, дабы они продлились. Хочу заверить вас, что я, как и вы, твердо придерживаюсь республиканских принципов в отношениях между королями. Ни один государь не должен править другим государем или лишать его законных королевских привилегий. Такую клятву мы дали друг другу много лет назад. Я верен ей и поныне.

Драмокл сделал паузу, но отклика от слушателей не дождался. Руфус стоял каменным столбом, лицо его было непроницаемо. Джон

развалился в кресле, недоверчиво ухмыляясь. Снинт, король Лекка, казалось, взвешивает каждое слово Драмокла, силясь отличить правду от лжи. Адальберт слушал нахмуясь.

- Принимая во внимание все вышесказанное, - продолжал Драмокл, - я с искренним прискорбием должен поведать вам о том, что вы и сами уже, наверное, знаете: несколько часов назад мои войска заняли Аардварк.

- Да, Драмокл, до нас дошли такие слухи, - сказал граф Джон. - И мы ждем от тебя объяснений.

- Я занял Аардварк, - сказал Драмокл, - только с одной целью: чтобы сохранить его для Адальберта.

- Оригинальный способ, однако, - заметил Джон, обращаясь к Снинту.

Драмокл не ответил на выпад.

- Вскоре после отъезда короля Адальберта мои агенты на Аардварке доложили о внезапном восстании хемрегского меньшинства. Эти мятежные еретики давно выжидали удобного момента, чтобы узурпировать ваш трон.

- С ними могли справиться и мои собственные войска, - сказал Адальберт.

- Ваши войска были захвачены врасплох. У меня не было времени посоветоваться с вами. Только немедленные действия помогли мне сохранить для вас престол.

- Вы хотите сказать, что оккупировали Аардварк временно?

- Вот именно.

- И я получу свое королевство назад? - Разумеется.

- Когда?

- Как только там будет восстановлен порядок.

- Что может потребовать нескольких лет, не так ли, брат мой? - вмешался граф Джон.

- Не больше недели, - ответил Драмокл. - Когда окончатся празднества, все уже утрясется.

- Стало быть, нам нечего более опасаться? - спросил Снинт.

- Абсолютно нечего.

Руфус, повернувшись от камина, заявил:

- Мне лично такого ответа достаточно. Мы знаем Драмокла всю жизнь. Он никогда не нарушал своего слова.

- Что ж, - сказал Адальберт, - мне остается лишь положиться на вас. Хотя я оказался в глупом положении - король без планеты. Но недельку можно и потерпеть.

- Желаете ли вы услышать от меня еще какие-либо объяснения? - спросил Драмокл - Нет? Надеюсь, вас всех удобно устроили. Если что-то

не так, прошу не мешкая обращаться ко мне. Чувствуйте себя как дома До скорого свидания.

Драмокл поклонился и вышел в переднюю.

После его ухода в зале целую минуту было тихо. Потом Адальберт сказал:

- Он говорил искренне, это отрицать невозможно.

- В точности как старый король Отто, - заявил Джон. - Оба они способны сманить сладкими речами птичку с ветки. И нередко это делают, когда хотят полакомиться дичинкой.

- Граф Джон! - сказал Руфус - Ваша неприязнь к брату общеизвестна. Это ваше личное дело Но, со своей стороны, прошу избавить меня от ваших язвительных намеков Драмокл мой друг, и я не желаю слушать, как над ним измываются.

Руфус вышел из зала. Чуть поколебавшись, за ним поспешил Адальберт.

- Ну, Снинт, - сказал Джон, - и что вы об этом думаете?

- Я, как и вы, дорогой мой граф Джон, думаю, что мы попали в щекотливую ситуацию.

- Но что же нам делать?

- В данный момент практически нечего, - сказал Снинт. - По-моему, нам надо подождать.

- Я подумываю о том, чтобы сесть на корабль и вернуться на Карминосол.

- Это невозможно. Сегодня утром все наши корабли забрали в королевские ремонтные мастерские для модернизации и отделки. Подарок хозяина.

- Проклятье! - вскричал Джон - Своим подарком он зарезал нас без ножа! Снинт, мы должны держаться вместе.

- Конечно. Но что толку? Мы бессильны, пока Руфус не на нашей стороне.

- Хальдемара бы сюда с его ванирскими варварами - Хальдемару хватило ума остаться дома. У варваров есть свои преимущества: им не нужно из вежливости совать голову в петлю. Но нам с вами теперь ничего не остается, как только ждать. Пойдемте, дорогой мой Джон, прогуляемся вдоль речки!

Они вышли через парадную дверь.

Драмокл, сидевший в прихожей, услышал за спиной какой-то шорох. Он отвернулся от смотрового глазка и обнаружил перед собою компьютер.

- Сколько раз я тебе говорил - не подкрадывайся ко мне тайком! - сказал Драмокл.

- У меня для вас срочное послание, сир, - промолвил компьютер, протягивая конверт. На нем почерком Драмокла было написано: «Судьба. Вторая фаза».

Драмокл взял конверт.

- Скажи мне, компьютер, откуда ты его взял? - спросил король. - Почему доставил именно сейчас? И сколько их у тебя в запасе?

- Не пытайтесь проникнуть в замыслы небес, - сказал компьютер.

- Ты не дашь мне ответа?

- Не могу дать, скажем так. Радуйтесь, что получили весточку.

- За каждой загадкой скрывается еще одна, - проворчал Драмокл.

- Конечно. Такова суть и природы, и искусства, - заметил компьютер.

Драмокл прочел записку и замотал головой, словно от боли, издав нечто похожее на стон.

- Видно, круто вас взяли в оборот.

- Круто, ты прав. Но бедняге Снинту еще покруче будет.

Глава 9

Планета Лекк была в три раза меньше Глорма, но обладала большей плотностью, так что сила тяжести там составляла 1,4 глормийской. Поэтому ноги у вас болели на Лекке постоянно - оставалось утешаться лишь тем, что расстояния здесь были гораздо короче. Только восьмая часть Лекка приходилась на сушу. Большие материки на планете отсутствовали, да и островов более или менее приличного размера было раз-два и обчелся. Остальная часть суши представляла собой мелкие островки, беспорядочно разбросанные в океане. Коренные леккиане, гуманоидный народ, насчитывали едва ли двадцать миллионов. Численность их не увеличивалась, возможно, из-за обычая бросать на произвол судьбы всех младенцев, рожденных без шестого пальца. Они были низкорослой смуглой расой человеческого типа, выращивали помидоры с огурцами и проводили политические митинги во всех городских ратушах планеты, пытаясь решить, какая политическая система подходит им больше всего. Поскольку к согласию им прийти не удавалось, на планете, как правило, царила анархия. Снинт был избранным королем Лекка, наделенным полномочиями общаться с чужестранцами, но лишенным права заключать с ними договоры, пока их не утвердит большинство избирателей.

Жили леккиане по преимуществу в деревнях, хотя были у них и небольшие университетские городки Постоянной армии на планете не существовало, ибо жители никак не могли придумать, как защититься от нее самим. Они частенько бывали грубы с гостями из иных миров, но агрессивности не проявляли.

Драмокл закрыл отчет. Он сидел в Военной палате. Подле него стоял Руке, сберрианский генерал-наемник, командующий главными ударными силами Драмокла.

- Сейчас самое благоприятное время для вторжения, - холодно констатировал Руке. - Орбитальное расположение Глорма относительно прочих планет позволяет нам выбрать для звездолетов наиболее выгодные траектории. Такого стратегического преимущества у нас не было уже лет тридцать, если не больше.

- Лет тридцать? Хотел бы я знать.

- Сир?

- Ничего, Руке, просто мысли вслух - Драмокл взглянул на скомканный конверт, зажатый у него в ладони. Внутри, на листке пожелтелой бумаги, его собственной рукой были начертаны слова: «А теперь захвати Лекк!» - Значит, время мы выбрали правильно, - сказал Драмокл. - Если для подобных вещей бывает правильное время.

- Интеллигентские сопли-вопли, - проворчал Руке. - Короли, как последние дураки, отдают вам свои планеты на блюдечке. Если вы их не возьмете, сами будете таким же дураком. Это ж звездный час для начала Драмоклианской династии! Да будь сейчас жив ваш отец.

- ..он не колебался бы так, как я.

- Это вы сказали, - заметил Руке - Я всего лишь простой солдат, хотя и читаю наизусть стихи и умею играть на аккордеоне.

О, одиночество верховного правителя! Драмокл почувствовал легкое головокружение. Правильно ли он поступает? Этому не скажет ему никто.

- Руке! - решился король. - Добудь мне Лекк.

- Считайте, что он уже ваш, - как всегда невозмутимо ответил сберрианин.

Глава 10

Когда принц Чач прибыл в Ультрагнолл, город гудел от слухов и домыслов. Весть об интервенции на Лекке распространилась повсеместно, повергнув горожан в ошеломление.

Прохожие на празднично убранных улицах сбивались в шепчущие стайки. И несмотря на все усилия властей продолжить запланированные театральные представления и пантомимы, актеры смущенно запинались, а публика безмолвствовала.

Чач напрямик направился в Ультрагнолльский дворец и спросил, примет ли его король. После длительной задержки к нему вышел гофмейстер и объявил, что Драмокл затворился в уединении.

- Он очень расстроен, - сказал Рудольф, - той жестокой необходимостью, что была навязана ему против воли.

- О какой необходимости идет речь? - поинтересовался Чач.

- Как то есть о какой? О необходимости послать войска на Лекк, причем так скоро после Аардварка.

- Вы называете это необходимостью?

- Ну конечно, милорд. Чужеземное вторжение на любую из Местных планет представляет собой агрессию против всех нас. Драмоклу ничего другого не оставалось, как дать отпор захватчикам.

Чач хотел было спросить еще о чем-то, но в глубине дворца послышался звонок, и гофмейстер, извинившись, поспешил на зов. Чач позвонил в резиденцию графа Джона. Графа на месте не оказалось, однако принцу посоветовали поискать его в соседней таверне «Зеленая овца». Чач уселся в паланкин и отправился в таверну.

«Зеленая овца» оказалась старомодным салуном, типично глормийским, с застекленным эркером, горшочками герани и ситцевыми занавесками. Чач спустился по трем ступенькам в сумеречный туман, насыщенный запахами пива, табака и сырой шерсти - в городе недавно кончился дождь, - и прошел вперед, в приглушенный гул разговоров, прерываемый звоном стаканов. Стоявшие возле стойки ветераны с розетками на лацканах пиджаков то и дело опрокидывали по рюмочке шноппа - местного напитка, похожего на анисовую водку. Радио где-то в глубине бубнило о результатах спортивных соревнований во всех провинциях. В камине горел огонь, солнечными зайчиками вспыхивая на медных надраенных тарелках, развешенных по стенам, на старинной сабле, прицепленной над баром, и на оловянных памятных кружках, свисающих с потолка. Чач прошел в отдельный кабинет - комнату с низким потолком, тускло освещенную пятнадцативаттными лампочками, вкрученными в канделябры. В комнате стоял длинный дубовый стол и четыре широких мягких кресла. В одном из них восседал граф Джон, в другом - Снинт Адальберт, пьяный в дым, уронил голову на стол и похрапывал. На столе стояла дюжина бутылок крепкого морщевичного вина и пять бокалов в винных лужах.

Чач уселся, не дожидаясь приглашения, плеснул в бокал вина и брезгливо пригубил. Джон, раскрасневшийся от спиртного, спросил:

- Ну, милорд Чач, вы небось обсуждали сейчас давешнее предательство со своим папенькой, двуликим Драмоклом?

- Ни один из ликов короля не пожелал меня видеть, - ответил Чач. - Рудольф заявил, что король скорбен сердцем из-за своих вынужденных поступков. И упомянул о каких-то чужеземных захватчиках. А что он сказал вам, король Снинт?

- Он вызвал меня на приватную аудиенцию, - отозвался Снинт. - Лицо его было печально, голос дрожал, однако он избегал встречаться со мною взглядом. «Снинт, - сказал он, - я в великом смущении из-за недавних событий, хотя и не чувствую за собой никакой вины. Буквально пару минут назад мои агенты сообщили с Лекка, что чужеземные войска - десятки тысяч хорошо вооруженных воинов - высадились на северном мысе Каталии в провинции Ллулл. Агенты узнали в них кочевников-саммаков из саммак-калмыцкой орды. В прошлом столетии они не раз забредали в наш космический регион на своих старых звездолетах, груженных вонючим скотом. Но высадившийся десант, без сомнения, был отборной боевой группой саммаков, намеревавшейся разведать оборонную мощь наших миров перед вторжением главных сил орды. Поскольку на Лекке нет постоянной армии, а промедление могло оказаться роковым, я приказал командующему войсками Руксу истребить захватчиков без всякой жалости. Быстрота и решительность наших действий наверняка произведут впечатление на военачальников орды и избавят нас от грядущих напастей» - И вы Поверили ему? - спросил Чач.

- Нет, конечно, - сказал граф Джон - Но Снинт сделал вид, что верит. Что еще ему оставалось?

- А что Руфус? Как он реагировал на известие? Джон злорадно усмехнулся:

- На преданном челе его выступил пот, а рот скривился от боли и неверия. Но заклеить Драмокла он тем не менее отказался. Он заявил, что пришло время испытаний для всех нас, а не только для нашего хозяина. И посоветовал нам потерпеть еще немного «Доколе? - спросил я его - Пока он не захватит ваше королевство или мое?» Ответить ему было нечего, поэтому он повернулся и ушел к себе - растерянный, недоумевающий, но по-прежнему упрямо преданный Драмоклу.

Адальберт внезапно поднял голову и пропел тоненьким фальцетом:

Седла и мыльницы,
Рыбки из шпрот
Прибыли в Аардварк
Все в один год.

И, стукнув головой о стол, опять заснул.

- Несчастный малыш-королек, - сказал Джон. - Но что нам до него? Что хорошо для Драмокла, хорошо для всех нас - разве не так говорил сам Драмокл? Принц, вам следовало присоединиться к папеньке и отпраздновать победу.

- Я понимаю вашу горечь, - откликнулся Чач, - но она заводит вас слишком далеко. Вы прекрасно знаете, что я не в ладах с Драмоклом. Мне претит его нынешнее поведение, да и сам король тоже.

- Это ни для кого не секрет, - сказал Снинт, и Джон неохотно кивнул.

- А разве могло быть иначе? - продолжал Чач. - Он никогда не любил меня. Мое участие в управлении королевством формально и ничтожно. Несмотря на годы, отданные мною военной подготовке, Драмокл не доверяет мне даже взвода солдат И хотя я до сих пор считаюсь наследником, я не думаю, чтобы мне когда-нибудь и впрямь пришлось унаследовать престол.

- Невеселое положение для столь честолюбивого юноши, - заметил Снинт Чач кивнул:

- Все свои сознательные годы я вынужден был вариться в собственной никчемности и зависеть от равнодушных милостей и капризов отца. Мне приходилось с этим мириться. До сих пор.

Джон выпрямился, маленькие глазки его загорелись вниманием:

- А теперь?

Чач поставил бокал на стол.

- Не стану тратить лишних слов. Я хочу быть рядом с вами, граф Джон и король Снинт, в том сражении за власть, что неминуемо разразится вскоре.

Джон и Снинт переглянулись.

- Вы, конечно, шутите, принц, - сказал Снинт - Узы крови сильны. Этот порыв у вас скоро пройдет.

- Проклятье! - вскричал Чач - Вы мне не верите - так уличите меня во лжи!

- Спокойно, принц, я хотел лишь испытать вас. Скажите, как по-вашему, что у Драмокла на уме?

- По-моему, совершенно очевидно, что он хочет как минимум восстановить бывшую Глормийскую империю. И вы не можете не признать, что захват одной планеты и вторжение на другую - недурное начало. Дальше, однако, будет потруднее. Ни Аардварк, ни Лекк в военном отношении ничего из себя не представляют. Надеюсь, Карминосол окажется более крепким орешком.

- Во всяком случае, пока жена моя Анна стоит у руля, - сказал Джон.

- Друг он тоже не посмеет оккупировать, - продолжал Чач, - поскольку ему необходим сильный космический флот Руфуса. Не стоит

забывать также о Хальдемаре, который сидит в своем медвежьем углу на Ванире, пытаюсь постигнуть суть происходящего. Чья возьмет - неизвестно. Но я готов поставить свою жизнь на поражение Драмокла, особенно если нам с вами удастся прийти к соглашению.

- И что вы надеетесь выиграть от такого соглашения? - спросил Снинт.

- Всего лишь свою законную долю - глормийский престол после убийства или изгнания Драмокла.

- Глормийский престол! - сказал Джон. - Воистину скромное требование, если учесть, что вы не вкладываете в наше общее дело ничего, кроме собственного самомнения.

- Не советую меня недооценивать, - нахмурился Чач.

- Мы и не собирались, - вмешался Снинт. - Мы примем вас в свои ряды, принц, как примем и то, что вы сумеете нам предложить. Пока вы не предложили ничего. Но тем не менее мы рады вам.

Чач встал.

- Я должен откланяться, господа, чтобы поправить свои дела. Думаю, в следующий раз вы обрадуетесь мне больше. Джон засмеялся, однако Снинт серьезно сказал:

- Надеюсь, мой юный лорд, и верю, что так оно и будет. Чач поклонился кратчайшим поклоном и покинул таверну.

Глава 11

Завоевание Лекка началось вполне удачно. Руке был профессионалом до мозга костей. Он постоянно держал стопятидесятитысячное войско в полной боевой готовности на случай внезапной нужды. И теперь ему осталось лишь погрузить солдат на три звездолета вместимостью по пятьдесят тысяч каждый, всегда стоявших наготове с полными баками топлива. Через час вторжение началось.

Войско Рукса в основном состояло из роботов типа Марк-IV производимых солдатской фабрикой на Антигоне. Они были запрограммированы на уничтожение всего, что не похоже на них самих. Таким образом обеспечивалась надежность и простота электронных схем, а также их дешевизна. Драмокл купил роботов по бросовой цене, когда на рынке появилась новая модель Марк-X, более гуманная и способная щадить женщин и детей, не проявляющих враждебности. Марки-IV не могли похвалиться умом, зато брали количеством и для захвата такой небольшой планетки, как Лекк, годились не хуже других.

Руке высадил своих роботов, не встретив никакого сопротивления, на большом острове Зоса и разбил лагерь на Нелощеной равнине, к юго-востоку от перевала Кислая Рожа. Нелощеная равнина пустынной

лентой тянулась между Угринными горами с одной стороны и быстрой речкой Хрокс - с другой. Перевал Кислая Рожа представлял собой естественное ущелье в горах, прикрывавших деревню Бисквит - резиденцию короля и соответственно административную столицу Лекка. Руке рассчитывал, что, захватив Бисквит, он задавит тем самым блоху сопротивления, не дав ей шанса прыгнуть (типичный для сберриан речевой оборот). Выстроить на линии Руксу удалось лишь семьдесят пять тысяч роботов, но этого казалось вполне достаточно. Леккианская оборона насчитывала всего семьсот мужчин, записавшихся в добровольцы из стыда перед соседями, да еще четыреста дрикнейцев с Дрика-IV, которые отдыхали на Лекке и страсть как любили подраться.

Всю ночь на Нелощеной равнине раздавались привычные звуки подготовки к бою: резкие хлопки проверяемых электровыключателей, мягкие шлепки последних смазочных работ и пронзительный треск роботов, подкручивающих друг дружке внутренности на полную мощность. С первым проблеском зари, когда начали функционировать фотоэлектронные сенсоры солдат, Руке дал приказ идти в атаку. Роботы пошли вперед сплошной наводящей ужас стальной стеной с криками:

«Слава солдатской фабрике!» Это были единственные слова, которые их запрограммировали произносить.

Леккиане предвидели наступление и приняли контрмеры. Ирригационное оборудование, срочно привезенное из соседних деревушек, было установлено на не занятой врагом части равнины. Всенощная поливка превратила пустыню в болото, в которое погрузилась - вернее, в котором погрязла Руксова армия. Предназначенные для сухопутных боев, роботы страдали от беспрестанных коротких замыканий, поскольку гидроизолирующие прокладки у них были скорее декоративными, нежели эффективными. Солдаты барахтались в грязи, сбившись с курса и смешав ряды Тут-то на них и напали леккиане Ударный отряд из четырехсот леккианских и дрикнейских волонтеров верхом на болотных глиссерах прорвал правый фланг противника Вооруженные кувалдами и сварочными горелками, добровольцы за считанные минуты превратили поле боя в помесь транспортного затора с кладбищем старых машин и отступили с незначительными потерями. Вторая атака, лобовая, остановила роботов окончательно. Когда зашло солнце, жидкая линия обороны леккиан оставалась нетронутой. Раздосадованный Руке отвел свое войско для подзарядки и позвонил Драмоклу, требуя более качественного пополнения.

Принц Чач спешно послал Вителло к своей сестре Друзилле в княжество Истрад с просьбой о свидании. Получив положительный ответ, принц не мешкая стал готовиться к отъезду. Он решил лететь на собственной космической яхте, поскольку Драмокл мог с минуты на минуту перекрыть движение всего гражданского транспорта, если уже не перекрыл. Прибыв в космопорт, Чач с облегчением убедился, что транспорт работает нормально. Немного нервничая, он сообщил свое имя наземному контролю и попросил разрешения на вылет. Разрешение было выдано без задержки, и вскоре яхта поднялась в воздух.

Чач лег на курс и ввел координаты места назначения в бортовой компьютер. Столица и пригородные районы Ультрагнолла промелькнули внизу, скрываясь из виду. Принц пересек Сардапианское море, увидел вдали окутанные серой дымкой Глиферовы горы, затем миновал Квадратный лес и наконец заметил извилистую серебряную ниточку Еврипейской речки. Это была восточная граница владений Друзиллы. Внизу простиралась земля Истрад - холмистая и покрытая зелеными лесами. На севере блеснуло озеро Мелачайбо, на берегу которого стоял украшенный множеством башенок замок Тарнамон, где жила его сестра Друзилла. Получив разрешение на посадку, Чач приземлился на небольшом космодроме неподалеку от дворца. Там его встретил Вителло.

Обитатели Истрада - истрагну - были довольно древним, но не глормийским народом. Сердечные и гостеприимные к странникам (за исключением тех случаев, когда им требовалась жертва для одного из многочисленных божеств), они поставляли на экспорт стихи и песни, которые пользовались большим спросом среди народов Галактики, не имевших собственной поэзии. Аннотирование и анализ произведений истрагну стало прибыльным промыслом для их соседей с острова Рунгс.

Большинство истрагну зарабатывали себе на жизнь дикобразами: пасли их стада на своих зеленых холмах, а затем продавали иголки ууркам - негуманоидной расе, никогда не объяснявшей, зачем ей нужен этот товар.

У истрагну была уникальная, нигде на Глорме больше не встречавшаяся транспортная система. Они перемещались в пределах Истрада с помощью сети батутов. Батуты, натянутые в воздухе на расстоянии пятнадцати футов друг от друга, пересекали княжество во всех направлениях. Истрагну пользовались этой сетью испокон веков, сколько помнили себя. Батуты изготавливали из грубого холста и красили в разные яркие цвета - за исключением желтого, запрещенного древней традицией, - и значительная доля доходов населения уходила на поддержание сети в порядке. С воздуха батутная сеть выглядела затейливым узором из разноцветных точек. Согласно легенде, узор этот

был частью гигантской мандалы, оставленной здесь таинственной расой, которая завезла в Истрад дикобразов и бесследно исчезла. Особенно оживленное и красочное зрелище батутная сеть представляла собой по субботам, когда сборщики дикобразовых иголок отправлялись в город за недельной выручкой и на соревнования по игольному мастерству. От постоянных прыжков по батутам ноги у истрагну были короткими, толстыми и очень мускулистыми, что считалось одинаково красиво как для мужчин, так и для женщин и позволяло сборщикам иголок без труда лазать по холмам за дикобразами.

«Не смешите меня!» - заявил принц Чач и потребовал подать себе более приличный транспорт. Это оказалось нетрудно: в Истраде существовал таксопарк, обслуживавший «тонконогих», как называли здесь всех неистрагну. Чач с Вителло сели в машину и поехали к готическому замку, возвышавшемуся на скале над озером Мелачайбо, где Друзилла устраивала мистерии в честь Великой Богини. Этот религиозный культ с древнейших времен ассоциировался с плодородием, благочестием и строгим исполнением ритуалов. Друзилла, верховная жрица Глорма, считалась живым воплощением Богини и общалась с нею в состоянии наркотического транса, необходимого для истинных пророчеств. Друзилла была также высшим авторитетом в одном из церковных ответвлений, известном под названием «Великого благолепия».

Гости прошли через замковые ворота в мрачный каменный лабиринт коридоров, освещенных лишь тусклыми лучами, проникавшими сквозь узкие бойницы высоко над головой Чач поднял воротник плаща и поежился:

- Не по душе мне эти женские мистерии.

- В прошлый раз меня вели другим путем, - отозвался Вителло.

Наконец они достигли центральной башни. Высокая железная дверь отворилась, и навстречу им вышла Друзилла. Принцесса была среднего роста, с отнюдь не средних размеров грудью Каскад бронзовых волос огненными волнами ниспадал на точеные плечи Прекрасное и надменное лицо обрамляло холодные серые глаза.

- Входите, - сказала она - Простите за доставленные неудобства. В зале парадного входа сейчас перетягивают ковры.

Вителло отпустили в малый банкетный зал подкрепиться. Друзилла провела принца в Ивовую палату. Брат с сестрой встретились впервые за два года.

Палата была длинная и узкая, с застекленной стеной, открывавшей великолепный вид на озеро Мелачайбо, по искристой поверхности которого скользили одномачтовые дау с полосатыми парусами Чач уселся на диванчик, Друзилла расположилась рядом в кресле. Служанка

принесла кувшин сальвазии и знаменитые истрадские медовые пряники. Когда все формальности гостеприимства были соблюдены, Друзилла спросила:

- Ну, Чач, и чему я обязана столь неприятным вбитом?

- Давно мы не виделись, Дру, - сказал Чач.

- Не так уж и давно.

- Ты все еще злишься на меня?

- Естественно Твое предложение переспать со мной было непростительным оскорблением для жрицы, исповедующей нормальный секс, то есть секс между одной женщиной и одним свободным мужчиной и наоборот.

- Нам было бы так хорошо вместе, Дру! - мягко заметил Чач. - Мы совершили бы поистине великое кровосмешение, дающее полубожественный статус.

- У меня он и так есть, - возразила Друзилла, - благодаря жреческому сану. А если ты не способен его приобрести, тут я ничем не могу тебе помочь. Но даже не будь между нами табу кровосмешения, я лучше переспала бы с последним подонком, чем с тобой.

- Так ты говорила два года назад.

- И повторяю теперь.

- Ладно, Бог с ним, - сказал Чач - Меня привели сюда совсем другие заботы. Ты, конечно, в курсе, что Драмокл захватил Аардварк и вторгся на Лекк?

- Да, я слышала.

- И что ты думаешь об этом? Друзилла, помедлив, сказала:

- Король представил официальное объяснение.

- Отмеченное печатью Максова воображения.

- Оно и впрямь притянута за уши, - согласилась Друзилла. - Если честно, я очень встревожена. Тридцать лет мира, начало новой эры прогресса - и вдруг такое. Я пыталась дозвониться отцу, но он не берет трубку. Все это совсем на него не похоже. Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение!

- Оно есть, - сказал Чач. - И его нетрудно увидеть такой женщине, как ты, которая прекрасно разбирается в движениях планет.

- Ты же знаешь, что я не верю в астрологию.

- Я тоже. Но астрономия - совсем другое дело, верно?

- К чему ты клонишь?

- Дело в том, что сейчас, впервые за тридцать лет, расположение планет на орбитах наиболее благоприятно для вторжения флота с Глорма.

- Ты думаешь, Драмокл ждал такого случая все эти годы?

- Да, а также официальных торжеств, отдавших в его власть всех местных королей.

Друзилла подумала и покачала головой:

- Драмокл не такой хитрый, да и терпения у него не хватило бы. - Однако в голосе ее звучала нотка неуверенности, и Чач тут же уцепился за нее.

- А что ты на самом деле знаешь о нем, Дру? Для тебя он всегда был любимым папочкой, не способным ни на что дурное. Любовь застит тебе глаза. И даже теперь, когда его поступки вопиют о предательстве, ты отказываешься поверить очевидному.

- Драмокл - предатель? О нет!

- Твои чувства делают тебе честь, радость моя. Но не забудь: ты не просто его дочь, ты - жрица Великой Богини, присягавшая служить свободе и правде. Да будь на месте Драмокла любой другой король, ты заклеила бы его, не задумываясь! И только потому, что он твой отец, ты обманываешь себя всякими уловками.

Губы у Друзиллы задрожали. Принцесса отчаянно замотала головой:

- Ох, Чач, я пыталась убедить саму себя, что всему этому есть какая-то веская причина, что отец не преступил свои клятвы и не опозорил свое доброе имя. Но он захватил Аардварк и вторгся на Лекк!

- И к какому же выводу ты пришла? - спросил Чач.

- Я не могу больше притворяться, будто не вижу, что власть ударила ему в голову и что его поразил вирус безумных амбиций. Будущее человечества очевидно - война, уничтожение и гибель. О, что же нам делать?

- Мы должны остановить его, - сказал Чач, - пока его безумие не ввергло Местные планеты в военную катастрофу. Он сам будет нам благодарен, когда придет в себя.

Друзилла встала. Лицо ее было полем сомнения, по которому черные гонимые страха гнали белых оленей надежды.

- Но как?

- У меня есть план. Я знаю, как нам обуздать его амбиции и вернуть в прежнее состояние.

- Я не позволю причинить ему вред!

- Я тоже. - Принц увидел выражение лица Друзиллы и рассмеялся - Конечно, мы с Драмоклом никогда особенно не ладили. Слишком уж мы разные. Но я всегда втайне восхищался стариком и с радостью отдал бы за него жизнь. В конце концов, он же мой отец, Дру!

В глазах у Друзиллы заблестели слезы.

- Что ж.. Если это поможет воссоединению нашей семьи, все было не напрасно.

- Мне бы хотелось этого, Дру, - спокойно произнес Чач.

- Тогда даю тебе слово, брат, что последую твоему плану, если он не повредит отцу.
- Торжественно обещаю - не повредит.
- Что мне делать, скажи!
- Пока ничего Мне нужно еще уладить кое-какие дела. Я дам тебе знать, когда наступит срок.
- Да будет так, - сказала Друзилла.
- Тогда до скорого. - Чач низко поклонился и вышел из палаты.

Глава 13

Внизу, в малом банкетном зале Тарнамона Вителло ужинал холодным пирогом с индюволятиной. Индюволяты были уникальными гибридами индюка с буйволом, выведенными в Истраде Методика скрещивания держалась в секрете, потому что владеть таким секретом было хорошо Вителло нашел начинку вполне съедобной и запил ее графинчиком опийного вина из маковых виноградников Цитеры.

- Налей нам еще, - велел он служанке - в ваших краях вечерами прохладно, и человеку нужно принять на грудь, чтобы защититься от простуды Защита! Кто имеет дело с сильными мира сего, тот сам сует задницу в петлю, как говаривали древние Но разве не может низкороденный возвыситься? Разве жизнь - всего лишь череда чужих удач? Дайте ему малейший шанс - и вы увидите, чего сумеет достигнуть Вителло!

- Что вы сказали? - спросила девушка-служанка.

- Я попросил еще опийного вина, - сказал Вителло. - Остальное был внутренний монолог, несмотря на цитаты.

- Вам не следует говорить с самим собой, - сказала девушка.

- С кем же мне, по-твоему, говорить?

- Со мной, конечно, раз я здесь.

Вителло пронзил ее взглядом, правда, довольно рассеянным Если хочешь продвинуться в этом мире, от дела отвлекаться нельзя. Может ли он как-то использовать эту девушку «в контексте оснащения», согласно бессмертному выражению Хайдеггера, или же она простая статистка, не стоящая внимания?

- У меня голубые глаза и черные волосы, - сказала девушка. - Меня зовут...

- Не так быстро, - прервал ее Вителло - Не надо имен. Ты просто служанка. Твое дело - принести мне вина и помалкивать.

- Я свои обязанности знаю.. Но вы могли бы дать мне шанс, верно?

- Шанс? Слушай, девочка, здесь не я заправляю делами. Я даже не знаю, сумею ли удержаться на плаву в водовороте приключений

Драмокловой семейки. Моя главная задача - остаться в живых. Скажу тебе по секрету: на самом-то деле я Чачу не нужен. Он сейчас думает иначе, но толку от меня никакого. Я всего лишь пешка в чужой игре. Не исключено, что меня убьют до того, как случится что-нибудь по-настоящему интересное.

- Я все понимаю, - сказала девушка - Но разве вы не видите? Если мы объединимся, нас будет двое. Вместе мы сможем закрутить побочную сюжетную линию, и тогда от нас труднее будет избавиться.

Вителло не выглядел убежденным.

- Драмокклиды в состоянии избавиться от целых армий и даже планет. Это их мир, их правда, их реальность. Они сметут твою жалкую побочную линию без всяких колебаний.

- Не сметут, если мы станем им полезны. У меня есть план, который продлит наше существование.

- Фантазии служанки! - насмешливо промолвил Вителло.

- Пора бы вам уже понять, - сказала девушка, - что я не просто служанка. Я, между прочим, владею секретной информацией, касающейся судьбы Драмокла.

- Какой еще информацией?

- Все мое время. Так мы объединяем усилия?

- Наверное, - сказал Вителло. - Давай-ка быстренько опиши себя, пока в повествование не вторглось какое-нибудь важное событие.

- Я среднего роста, у меня черные волосы и голубые глаза, округлые молодые груди, похожие на апельсины, великолепные мускулы, а также задница, при виде которой сам ангел зарыдал бы от восторга.

- Однако ты умеешь себя подать, - проворчал Вителло. Тем не менее он оглядел девушку и убедился, что она не врет. Заметил он также и другие детали, но будь он проклят, если станет терять время на размышления о них.

- Меня зовут Сорочка, - сказала девушка. - По-моему, вы должны на мне жениться. Тогда я буду участвовать в этой истории на законном основании.

- Жениться? - удивился Вителло.

- Кто здесь говорит о женитьбе? - вострубил жизнерадостный голос у него за спиной. Обернувшись, Вителло увидел, что в зал вошел священник - жирный, неопрятный, с красным лицом и носом картошкой. От священника разило перегаром. За ним следовали два неприметных свидетеля.

- Ну ты даешь! - восхитился Вителло.

- Умной статистке негоже зевать, когда появляется шанс на приличную роль, - сказала Сорочка. - Могу я представить тебя своей маме?

Вителло повернулся и увидел, как пожилая седовласая женщина возникла ниоткуда.

- Я в отпаде! - сказал Вителло, пожимая ей руку.

- Жаль, что мой муж не смог сегодня быть с нами, - сказала мама Сорочки. - Он отправился в якобы невинную увеселительную поездку в Ультрагнолл со своими старыми друзьями из секретной службы, которые по чистой случайности являются также вероломными школьными друзьями Драмокла.

- А вы тоже не теряете времени зря, - прокомментировал Вителло. - Дозвольте вам банальную реплику, как вы тут же ее усложните.

- Я могу вам рассказать и кое-что поинтереснее, - сказала мама Сорочки. - Как раз вчера, когда я подслушивала дворцовый телефон, я услышала..

- Заткнись, мать, - сказала Сорочка. - Это мой шанс, а не твой. Испарись, будь любезна, а потом я погляжу - может, и подыщу тебе чего-нибудь.

- Ты всегда была хорошей дочерью, - сказала мама Сорочки. - Помню, как...

- Еще одно слово, и ты вынудишь меня стать сиротой, - сказала Сорочка.

- Тебе ли на меня обижаться, юная леди! - возмутилась мама Сорочки. Но тем не менее поспешно принялась испаряться, пока не стала неотличима от серо-бурых занавесей, свисавших с закопченных стропил полутемного банкетного зала.

- Так-то лучше, - сказала Сорочка. - Два неприметных свидетеля здесь? Давайте, святой отец, приступайте к церемонии!

- Глазам своим не верю, - пробормотал Вителло.

- И правильно делаешь! - вскричал принц Чач, появляясь из-за пыльных кулис, где он скрывался в ожидании эффектной реплики. Принц повернулся к Сорочке: - Откуда ты взялась, девушка? Ты ведь даже не из нашего глормииского сюжета, верно?

- Позвольте мне объяснить вам, принц!.. - сказала Сорочка.

- Не утруждайся, - ответил Чач. - Я уже принял решение.

На мгновение все оцепенело в жуткой тишине. Чач, стоявший со скрещенными руками на каменном возвышении, казался совершенным воплощением высокомерия и хладнокровия Драмоклидов. Он приблизился к Сорочке неслышной индейской поступью, ставя ступни с носка на пятку.

- Погодите, принц, не спешите так! - взмолилась Сорочка.

- Помилосердствуйте! - крикнули хором неприметные свидетели.

Чач поднял руки. От головы и туловища его начало исходить зеленое сияние. Это был видимый знак той сверхъестественной силы, что

позволяла всем членам Драмокловой семьи, какими бы разными ни были они сами и их судьбы, оставаться в центре межзвездной сцены.

Вителло, разинув рот, смотрел, как Сорочка, священник и свидетели стали испаряться. Их туманные фигуры корчились, выкрикивая неслышные мольбы, а затем пропали - винтики, которые Драмоклид счел ненужными для своей истории.

Чач повернулся к дрожащему Вителло.

- Ты должен понять, - сказал он тоном одновременно ласковым и твердым, - что это в первую очередь рассказ о Драмокловой семье, во вторую - о ее слугах и приближенных, и лишь в третью, и то на дальнем плане и исключительно по нашему соизволению, о разной мелкой сошке, которая появляется на сцене в нужный момент и исчезает по нашему приказу. Мы выбираем этих людей, Вителло, и не в интересах моей семьи позволять всяким пробивным статисткам выступать со своими пошлыми вымышленными секретами. Я доступно излагаю?

- Простите, милорд, - полузадушенным голосом просипел Вителло. - Меня застали врасплох... Я был под мухой... Эта проклятая ведьма оказалась чересчур проворной для меня...

- Ладно, верный слуга, - прервал его Чач с ехидной усмешкой. - Ты дал мне повод сформулировать основные условия развития сюжета, и за это я тебе даже благодарен. Будь исполнителем, Вителло, будь скромн и ненавязчив, пока я не соизволю обратиться к тебе, и, если ты сыграешь свою роль хорошо, я подыщу тебе хорошенькую маленькую женушку. Но описана она, конечно же, не будет.

- Конечно, сир! - Вителло шмыгнул носом. - О, благодарю вас, благодарю!

- А теперь возьми себя в руки, дружище. Мой разговор с Друзиллой будет иметь интересные последствия. Я не стану сейчас в них углубляться, но у меня есть для тебя довольно важное поручение.

- Да, сир! - крикнул Вителло, бросаясь на пол к ногам принца Чача.

- Не скрою, - сказал Чач, - что поручение мое опасно. Но и награда будет немалой. Это шанс возвыситься, Вителло!

- Я готов, сир!

- Тогда выпусти изо рта мои шнурки и слушай внимательно.

Глава 14

Драмокл развалился на широченной водяной кровати в углу гостиной, расположенной в одной из малых башен Ультрагноллского дворца. В ногах короля сидела стройная менестрельша в традиционном одеянии, то бишь в красноватом с бежевым нижнем белье из домотканой материи. Она исполняла балладу, аккомпанируя себе на миниатюрных цимбалах.

Солнечный свет, золотивший пылинки, струился сквозь высокие узкие окна. Драмокл рассеянно слушал жалобную песнь:

Клянусь, хоть похоже все это на диво,
Чтоб лань, пробираясь по лесу пугливо,
Под сенью ветвей, шелестящих игриво,
Споткнуться на тропке могла,

И зяблик серебряный, тихо парящий
Над тропкой, под своды дерев уводящей,
Вдруг трелью залился, испугом звенящей
Разбитого об пол стекла,

И дивный нарцисс, беззаботно-прекрасный,
Чтоб хладом наполнил того, кто опасной
Любовной игре предается столь страстно
С девицей, что сердцу мила,
И ворон, чернея крылом изумрудным...

- Довольно, - сказал Драмокл. - Эти старинные баллады нагоняют тоску на тех, кто их не понимает. Мне скучно.

- Угодно ли вашему величеству, дабы я усладила ваше королевское тело восхитительными непристойностями? - спросила девушка.

- Твои последние непристойности наградили меня простатитом, - ответил Драмокл - Нет уж, пускай этим занимаются профессионалы. А теперь уходи, я буду размышлять.

Как только менестрельша ушла, Драмокл тотчас пожалел о том, что отослал ее. Он не любил одиночества. Но, возможно, именно в одиночестве ему будет ниспослано какое-нибудь указание, как вести себя дальше, чтобы сбылась его славная, хотя по-прежнему неведомая судьба.

Прошло три дня после захвата Аардварка и два - после вторжения армии роботов на Лекк. Граф Джон, Синт и Адальберт требовали объяснений. Их отношение к Драмоклу стало донельзя вызывающим. Адальберт, к примеру, совершенно распоясался. Он проводил вечера и ночи в игорных домах на острове Тулия, проигрывая бешеные суммы и развлекая местных красоток рассказами о том, как Драмокл лишил его законных королевских владений Хуже того - все свои карточные долги он перечислял в глормийское казначейство, и у Драмокла не хватало духу прекратить это безобразие Никто уже не верил заявлениям Драмокла о том, что он вмешался во внутренние дела планет из чисто альтруистических побуждений. Даже преданный Руфус был встревожен

- все еще преданный, но угрюмый от мыслей о грядущем бесчестии, грозившем ему в любом случае, как бы он ни поступил.

А Драмокл по-прежнему не знал, что им сказать. Все, что он сделал, казалось, было сделано совершенно правильно. Должен же он исполнить свое предназначение! Но почему, несмотря на столь явные веления судьбы, чувства у него в таком разладе? И почему нет новых указаний? Он просто обязан был позаботиться о них тридцать лет назад, когда закрутил всю эту историю!

Компьютер божился, что больше конвертов у него нет и никаких ключей к разгадке тоже, да он и не надеется их найти. Видно, где-то что-то застопорилось. Следующее звено в цепи откровений - возможно, еще одна старая леди - могло порваться: не исключено, что старушка давно уже покоится на дне пруда, как это часто бывает со старушками, замешанными в королевские дела, особенно если их замешивают туда сами короли. А может, кто-то из недругов узнал о планах Драмокла, когда тот расхвастался по пьянке в захудалой пивнушке или проболтался в постели какой-нибудь девке, и этот недруг принял меры, чтобы помешать свершиться тому, чему свершиться суждено? Или же сам Драмокл попросту забыл подготовить как следует цепочку указаний тридцать лет назад, прежде чем доктор Фиш стер кусок его памяти?

И вот теперь он захватил Аардварк, который ему абсолютно не нужен, и скоро завоюет Лекк, который нужен ему еще меньше. А в награду получил враждебность сына Чача, как всегда оказавшегося не у дел, да недовольство жены Лиры - и все это ни за что ни про что. Но более всего угнетало короля его полное неведение насчет дальнейших действий.

Драмокл грыз свои поросшие волосами костяшки, силясь сообразить, что бы сделать такое хорошее - а если не хорошее, то хоть что-нибудь. И не придумал ни черта. С досады он вызвал к себе компьютер. Тот появился мгновенно, поскольку подглядывал под дверью, ожидая вызова.

- Ты так до сих пор и не знаешь, где находится следующая порция информации? - недовольно спросил Драмокл.

- Увы, сир.

- Ну придумай тогда хоть какой-нибудь план!

- Я могу предложить вам возможное направление действий, основанное на недавно опровергнутой теории игр фон Ньюмена.

- Валяй. Что ты предлагаешь?

Компьютер прочистил голосовое устройство, издав басовитый хриплый рык, и сказал:

- Мне кажется, тут нужен какой-то иррациональный подход, ибо, если бы вам могло помочь рациональное решение, я давно бы его нашел.

- Иррациональный... - задумчиво протянул Драмокл. - Звучит неплохо. Ну а дальше что?

- Ваше величество могли бы попробовать проконсультироваться с астрологом, френологом, гадалыщиком по чайным листьям или книге «И Цзин» <«Книга перемен», одна из канонических книг конфуцианства.>, а лучше всего с оракулом, умеющим впадать в состояние транса.

- Да, но с каким оракулом?

- На планете их немало. Однако самой блестящей репутацией пользуется одна прорицательница... Ваше величество, должно быть, помнит...

- ..свою дочь Друзиллу, - закончил за него Драмокл.

- Она, помимо всего прочего, еще и отличный специалист по тестам Рейна, оставленным нам древними.

- Моя собственная дочь, - сказал Драмокл. - Почему я не вспомнил о ней раньше?

- Потому что ваше величество склонно вспоминать о членах своей семьи только раз в году, через две недели после их именин.

- Послал ли я Друзилле подарок в этом году?

- Нет, сир.

- Так пошли ей два самых лучших подарка. Нет - три, и позаботься о следующих именинах тоже. А теперь иди и вели Максу подготовить мою космическую яхту. Я сию же минуту вылетаю в Истрад.

Когда компьютер ушел, Драмокл принялся ходить по комнате взад-вперед, потирая руки и посмеиваясь грудным львиным смешком. Малышка Дру! Она впадет в священный транс и разузнает, что ему делать И что самое замечательное, она абсолютно надежна.

Глава 15

- День добрый, - сказал Драмокл официальным тоном, каким говорил порою, когда был искренне растроган.

- Привет, папочка, - откликнулась Друзилла. Драмокл только что прибыл в Истрад. Дочь с отцом уединились в укромной беседке на краю парка, напоенного сосновым ароматом; Внизу ленивые мелкие волны озера Мелачайбо бились о берег, сияясь подточить серый гранитный фундамент замка, чего не надеялись, впрочем, достичь в ближайшее тысячелетие, а потому трудились без особого пыла.

- Ах, папочка, - сказала Друзилла. - Я так тревожусь, просто места себе не нахожу. Все эти мирные годы - и вдруг Аардварк, а потом еще Лекк. Зачем ты это делаешь?

- Выглядит не очень красиво, да? - сказал Драмокл.

- Люди всякое болтают. Драмокл язвительно рассмеялся.

- Говорят, ты внезапно помешался на власти и собираешься восстановить бывшую Глормийскую империю. Но ведь это неправда, верно? Скажи, в чем истинная причина твоих поступков?

- Видишь ли, Дру, - промолвил Драмокл, - дело в том, что все они связаны с моей судьбой, о которой я недавно узнал.

- Твоей судьбой? Ты наконец узнал ее? Но это же замечательно! Расскажи, в чем она заключается!

- Это секрет, - ответил Драмокл.

- О! - сказала Друзилла, не в силах скрыть разочарование.

- Только не дуйся! Это такой секрет, что я сам его не знаю. Тебе я доверился первой, не считая моего компьютера. Я расскажу тебе все, что мне известно. Уверен, что мой секрет ты сохранишь лучше меня самого. Помню, когда ты была совсем еще малышкой, ты никогда не рассказывала маме про моих подружек, хотя она все равно как-то о них узнавала.

Друзилла кивнула. Ее любовь к отцу и неприязнь к матери были хорошо известны в кругах, приближенных к королевской семье. И вот теперь, в этот тихий воскресный вечер, вскоре после отъезда ее брата Чача, принцесса почесала свое левое веко левым же указательным пальцем - бессознательный жест, который мог бы выдать смятение Друзиллы наблюдательному наблюдателю, случись здесь таковой, - и стала ждать, чтобы ее любимый папочка продолжил свой рассказ.

- Вообще-то я узнал о своей судьбе тридцать лет назад, сразу после смерти отца, - сказал Драмокл. - Но обстоятельства не позволяли мне что-либо предпринять в ту пору. По , некоторым причинам мне пришлось стереть воспоминание о судьбе до сего времени. На прошлой неделе память отчасти вернулась ко мне и я получил первое повеление: «Захвати Аардварк». Второе вынудило меня высадить роботов на Лекке. Но это было два дня назад, и я не знаю, что мне делать дальше.

- Можешь ты открыть мне, в чем твое предназначение, отец?

- Не могу, потому что сам не знаю. Хотя ко мне вернулись многие воспоминания, этой информации среди них нет. Вот почему я пришел к тебе. Я не знаю, что делать дальше. Мне нужна помощь профессионального оракула.

Друзилла взглянула на горящее нетерпением лицо отца - мальчишеское лицо, несмотря на бороду и косматые брови. И хотя рассказ отца показался ей маловразумительным, она решила, что выпытает все подробности потом.

Принцесса встала и взяла отца за руки:

. - Тогда пойдем в обитель Богини. Там мы примем священные снадобья. И в состоянии транса ты войдешь во Дворец памяти, где хранятся все ответы.

- Пошли! - сказал Драмокл. - Твои священные снадобья - лучшая наркота на всем Глорме.

- Папа! Ты неисправим!

Смеясь, они проследовали к Храмовым покоям.

Глава 16

В раздевалке за Оракульской палатой Друзилла готовилась к сеансу. Для начала она приняла ванну со священными банными солями, запас которых, увы, истощался, а секрет изготовления был утерян после гибели древнего мира. Затем принцесса умастила горящую кожу несколькими каплями драгоценного кукурузного масла «Мазола» и облачилась в специальное одеяние, которое надевала лишь для отправления религиозных таинств. Драмокл покуда выкурил сигарету, думая о своем.

Они вошли в Храмовые покои - подземное помещение, высеченное в черном базальте. Там царил полумрак; факелы, укрепленные в стенных нишах, бросали беспокойные тени на полированный мраморный пол. У противоположной стены длинного и узкого храма блестело маленькое озерцо, отражавшее строгий лик Богини, высеченный из камня прямо над водой. В воздухе раздались тихие монотонные звуки волынки и барабанная дробь: эту эффектную запись включили сенсорные устройства, когда король с дочерью переступили порог храма. Драмокл поплотнее завернулся в плащ, внезапно продрогнув в атмосфере чужой и древней тайны, которую излучало это подземелье.

Друзилла с отцом поднялись по трем каменным ступеням, ведущим к мраморному алтарю перед озерцом. Алтарь был сделан из полудрагоценных камней, соединенных серебряными прожилками. На нем стояли три шкатулки сандалового дерева разных размеров. - Здесь ты хранишь свою наркоту? - спросил Драмокл.

- Ах, отец, не шути! - сказала Друзилла проникновенным голосом, исходившим из глубин ее описанной выше груди.

Благоговейно она раскрыла первую шкатулку и достала оттуда замшевый мешочек, расшитый золотыми и серебряными нитями. Развязав его, принцесса высыпала щепотку сушеной травы в ситечко с ручкой слоновой кости. Проворные пальцы быстро просеяли травяной порошок, оставив семечки и ветки для ручных ласточек, порхавших по атриуму замка Порошок Друзилла высыпала в прямоугольную рисовую бумажку с начертанным на ней именем земного божества Ризлы, ловко скрутила ее в тоненький цилиндр, подпалила и протянула отцу.

- Кайф! - сказал Драмокл, глубоко затянувшись. После первой затяжки последовала вторая, затем третья, сопровождаемые довольными

выдохами. Драмокл выпускал дым из уголков рта тонкими струйками и со знанием дела принюхивался. - Эй Где ты берешь эту травку? - спросил он у Друзиллы.

Они с дочерью заговорили на древнем и уже забытом психоделическом языке своих легендарных земных предков. Вопросы и ответы следовали ритуальным чередом - так, как были записаны на старинных пленках.

- Пробирает до самого нутра, - промурлыкала Друзилла.

- Потрясно! - благоговейно сказал Драмокл. - Только ты бычок-то не заныкивай, дружище, дай полетать!

- Улет только начинается, - сказала Друзилла, протягивая ему остатки самокрутки из рисовой бумаги и открывая вторую сандаловую шкатулку.

Оттуда принцесса достала плоскую серебряную коробочку Открывее, вынула гладко отполированное золотое зеркальце и вечноострую бритву. Из маленькой бутылочки, выточенной из , цельного рубина, высыпала на зеркальце щепоть кристаллов. - Ай да снежок! - сказал Драмокл.

Друзилла сосредоточила все свое внимание на ритуальном измельчении бритвой кристалликов. Громко заиграли гобои, запульсировали разноцветные огни, бросая неясные тени на каменные стены. С торжественной медлительностью Друзилла г сгребла священный порошок в змеистые белые полосы. И, наконец, вынув из шкатулки сухую полу кость, поклонилась недвижному лику Богини и протянула кость Драмоклу:

- А теперь, отец, причастись божественной энергии!

- Больше на Глорме нигде невозможно достать кокаина, - сказал Драмокл, подрагивая от предвкушения ноздрями.

Он склонился над алтарем - внушительная фигура в спортивной горностаевой куртке. Сунув кончик кости себе в ноздрю, король уткнул второй кончик в зеркальце с белым порошком. С силой втянув носом воздух, он проглотил четыре длинные полосы. Глаза у него вылезли из орбит, по лицу расплылась широкая улыбка. Он передал золотое зеркальце Друзилле.

Она тоже нюхнула кристаллического порошка, а потоки быстро повернулась к третьей шкатулке. Откинув крышку принцесса извлекла пять сушеных грибов, доставленных из потаенных уголков древней Земли. Музыка заиграла еще громче. Друзилла приготовила галлюциногенную дозу, приняла половину сама, а остальное отдала Драмоклу. Дождаясь, пока снадобье подействует, принцесса угостила отца травяным чаем с марципановым печеньем. Вскоре Драмокл почувствовал покалывание и жжение в желудке, перед глазами

заплясали разноцветные огоньки, все тело его задрожало, непроизвольно подергиваясь, и, когда он попытался сесть прямо, стул угрожающе накренился, а каменный лик Богини, казалось, двусмысленно ему подмигнул.

Поток ощущений нарастал, и вдруг Драмокл почувствовал, что падает в ревущую горную реку. Храмовые покои исчезли. Короля окружили какие-то гримасничающие рожи, а потом исчезли и они. Из темных углов поползли фиолетовые тени, протягивая к нему извивающиеся щупальца. Тысячеголосый хор зазвучал где-то вдали, и помещение озарилось ярким светом, совершенно при том преобразившись.

Драмокл очутился в большой роскошной комнате, входившей в состав ансамбля колоссальных размеров. - Где я? - спросил король.

Еле слышно, словно издали, прозвучал в ответ голос Друзиллы:

- Возблагодари Богиню, отец, ибо она перенесла тебя во Дворец памяти. Все, что ты видел или слышал за свою жизнь, находится здесь. Тайны, сокрытые от тебя, тоже здесь. Иди, о король, и обрети желаемое.

Дворец памяти очень походил на Ультрагнолл, только более красивый и облагороженный - идеализированный дворец, какой может существовать лишь в мечтах или воспоминаниях. Король ступал по коврам тончайших расцветок мимо блестящих статуй, установленных в нишах. Хрустальные люстры над головой нежно позвякивали, высвечивая старинные гобелены на стенах.

Драмокл свернул в коридор, простиравшийся, казалось, до бесконечности. По обеим сторонам коридора было множество комнат с открытыми дверями, и Драмокл мимоходом заглядывал в каждую из них, паря, словно призрак, над полом.

Некоторые комнаты были битком набиты вещами, другие почти пустовали. Вон там остатки какого-то из бывших пиршеств. А вот первая съеденная им мангровая лепешка, селедка и первый пумперникель. В других комнатах валялись кучи поношенной одежды, старых книг, смятых сигаретных пачек. Кое-где сидели неподвижные фигуры, непонятно - живые или статуи. Среди них Драмокл заметил Грегори, своего учителя военного искусства - каким спокойным стал этот неугомонный боец! А вот Флибистия, его няня, и Отания, любовь его четырнадцати лет. Комнаты одна за другой преподносили ему сюрпризы, но более всего Драмокла удивило то, что он наткнулся на целый ряд помещений с закрытыми дверями.

Он стучал в них, дергал за ручки и даже попытался вышибить двери пинком. Но он был эфирным созданием в иллюзорном мире, и удары его не имели силы. Удрученный, Драмокл отступился от дверей. Он чувствовал, что за ними скрыта жизненно важная информация, и не мог понять, отчего ему не дают к ней доступа. Недоумевая, король побрел на

огонек, горевший в конце коридора. Приблизившись, он обнаружил там открытую дверь, а за нею - свет.

Драмокл переступил через порог и очутился в одной из комнат своей юности, в Восточном будуаре, где частенько предавался мечтам о тех великих деяниях, что он совершит, когда станет королем. Там, за бюро с выдвижной крышкой, сидел человек.

Человек поднял голову. Драмокл увидел тонкое и дерзкое молодое лицо с прямым носом и горящими глазами. Это был он сам, фунтов на сорок худее и без бороды.

- Да, все правильно, - сказал молодой Драмокл. - Я - это ты. Хотя мне не положено здесь находиться, это аномалия.

Присядь, пожалуйста.

Драмокл опустился на диван и зашарил в карманах в поисках сигарет. Молодой Драмокл протянул ему сигарету и щелкнул зажигалкой.

- Ты, как я понимаю, хочешь узнать, что делать дальше, сказал молодой Драмокл.

- Не стану отрицать. Молодой Драмокл кивнул:

- Следующий шаг довольно деликатного свойства. Я решил, что лучше расскажу тебе о нем лично. Видишь ли, дело касается Руфуса.

- Старый добрый Руфус!

- Я не сомневаюсь в его безграничной преданности. Это замечательно. Но теперь ему нужно будет предать тебя.

- Чтобы Руфус меня предал? Да он скорее умрет! А потом, в моем окружении полно людей, готовых предать меня с радостью. Почему же именно Руфус?

- Потому что так надо. Руфус - одна из центральных фигур в игре. У него на Друте мощный космический флот.

- И Глорму ничто не угрожает, пока корабли Руфуса стоят бок о бок с моими.

- Верно. Но безопасность - это еще не все. Твое положение сейчас крайне неустойчиво. Карминосол готов к отпору, да и про Ванир не стоит забывать. Такое противостояние может длиться годами. Чтобы нарушить равновесие сил, необходим перебежчик. Руфус - самая подходящая кандидатура.

- Ты, должно быть, спятил, - сказал Драмокл. - Именно это мне нужно меньше всего.

- Предательство Руфуса будет притворным. Когда неприятельские войска пойдут в наступление, Руфус нападет на них с тыла и поймает в ловушку.

Драмокл покачал головой:

- Руфус ни за что не согласится на такой бесчестный поступок.

- Согласится, если преподнести ему наш план умеючи.

- Может, ты и прав, - сказал Драмокл. - Незачем мне все это? В чем заключается моя судьба? Люди говорят, будто я пытаюсь восстановить бывшую Глормийскую империю.

- Твоя судьба гораздо значительнее, чем восстановление империи. Но суть ее я не могу тебе открыть. Верь мне, Драмокл, ибо я - это ты. Пускай они думают, что ты пытаешься установить гегемонию Глорма. Это полезная ширма для сокрытия твоих подлинных целей.

- Но я не знаю, что это за цели!

- Узнаешь, и скоро. Не забывай про наш разговор. Когда придет время, сделай правильный выбор. А пока - прощай! И молодой Драмокл исчез. Драмокл вновь очутился в Храмовых покоях.

- Как ты себя чувствуешь, отец? - встревоженно спросила Друзилла. - Ты узнал то, что хотел?

- Я узнал больше, чем хотел, и в то же время не узнал и половины, - ответил Драмокл. - Я должен немедленно вернуться в Ультрагнолл. Боюсь, нам предстоят суровые испытания.

И, озабоченный, король ушел, не попрощавшись.

Глава 17

По пути в Ультрагнолл Драмокл думал о стремительно ухудшающейся ситуации на Лекке. Его начали одолевать сомнения по поводу недавно обретенной судьбы, хотя он не мог поверить, что все случившееся было просто ошибкой. Ему по-прежнему хотелось иметь славную судьбу, но отнимать ради нее у друзей их владения казалось ему недостойным. И меньше всего он хотел восстанавливать бывшую Глормийскую империю. Конечно, это было бы романтично, но абсолютно непрактично. Межпланетные империи никогда не были жизнестойкими. А даже если бы и были, какой от них толк? Несколько дутых титулов и уйма бумажной работы. Кому это надо? И, между прочим, тот юноша, что беседовал с ним во Дворце памяти, - был ли он на самом деле Драмоклом? Он помнил себя немного другим. Но если это не он, то кто же? Что-то странное творилось кругом - странное и сверхъестественное, если не сказать злое.

Король вдруг подумал о том, на каком шатком фундаменте покоится его судьба. Визит старой леди, пара конвертов, несколько воспоминаний - и из-за этого он рискует развязать тотальную войну?

В приливе внезапно нахлынувшего настроения Драмокл решил, что должен безотлагательно заключить мир, пока еще не поздно, пока катастрофа не стала необратимой.

Прибыв во дворец, король тотчас же послал за Джоном, Снинтом и Адальбертом. Он вернет им планеты, отзовет свои войска, принесет

извинения и скажет, что всему виной временное умопомрачение. Он репетировал свою речь, когда посыльный вернулся с известием, что королей на Глорме нет. Как только Драмокл отправился навестить Друзиллу, они сели на свои звездолеты и улетели. Приказа об их задержании никто не получал. Только Руфус остался, преданный, как всегда.

- Проклятье! - сказал Драмокл и велел дворцовому оператору соединить его с Джоном по межпланетному телефону.

Граф Джон на вызов не ответил. Снинт с Адальбертом, тоже. Драмокл услышал о них лишь неделю спустя. Джон, как ; выяснилось, вернулся на Карминосол, собрал тридцатитысячное войско и отправил его на помощь добровольцам Снинта на Лекк. Деморализованная армия Рукса внезапно оказалась вынужденной воевать на два фронта, и ей грозила опасность полного разгрома.

Опечаленный вначале, а затем все более и более разъяренный, Драмокл послал командующему Руксу подкрепления и приготовился к затяжной войне.

Глава 18

Ведение войны было новым занятием для Драмокла, вообще не привыкшего к регулярной работе. Но теперь его беспечному и бесцельному существованию пришел конец. - Каждое утро будильник звенел ровно в восемь, а в половине десятого король уже был в Военной палате. Он прочитывал компьютерные сводки ночных сражений, уяснял для себя общую картину и приступал к военным действиям.

Одна стена в Военной палате была сплошь занята мониторами. На каждом экране виднелся определенный сектор поля боя. Специальные мониторы показывали также все воинские подразделения, вплоть до взводов. На дисплеях велся подсчет боевых потерь с обеих сторон, а цвет экрана изменялся в соответствии с обстановкой: зеленый означал победу, желтый - неопределенное положение, красный - угрожающее, черный - поражение.

Драмокл, как правило, брал на себя два или больше черных сектора. У него был врожденный дар полководца, и большинство его сражений оканчивались зеленым цветом победы. В особо удачные дни он чувствовал, что смог бы выиграть кампанию на Лекке один, то есть единолично управляя войсками роботов, если бы его оставили в покое хоть на несколько дней. Но об этом нечего было даже мечтать. Он и часа не мог провести спокойно. Важные события происходили ежеминутно, и все они требовали королевского внимания. Предписаний Отто Странного стало уже недостаточно для управления Глормом.

Полностью абстрагироваться от личной жизни Драмоклу тоже не удавалось. Лира без конца звонила к нему в офис, надоедая своими советами относительно ведения войны. Для сохранения семейного покоя Драмоклу приходилось прислушиваться к ее советам или хотя бы делать вид, что он к ним прислушивается. Несколько бывших жен донимали его по телефону своими собственными идеями, и, естественно, старшие дети тоже хотели принять участие в событиях.

Часто, когда предстояло особенно сложное сражение, Драмокл засиживался за работой допоздна. Поначалу он ездил из спален в Военную палату и обратно на дворцовых поездах, как и все остальные. Но потом Макс убедил его, что ожидание переполненного экспресса - отнюдь не лучший способ время проведения, и с тех пор к услугам Драмокла всегда была готова коридорная машина. За рулем чаще всего сидел Самизат. Когда этот мальчишка умудрялся выполнять домашние задания, оставалось для Драмокла загадкой. Но войной Самизат наслаждался от души.

Неделя за неделей тянулась кампания на Лекке, поглощая роботов и дорогое оборудование, а также, по мере ожесточения боев, и человеческие жизни. Драмокл неоднократно пытался связаться с Джоном и Снинтом, но они не отвечали на его телеграммы.

Руфус вернулся наконец на Друт, мобилизовал войска и ожидал Драмокловых приказаний. Драмокл намеревался послать принца Чача к Руфусу в качестве офицера связи. Это была престижная и нехлопотная должность, которая могла удержать мальчика от глупостей. Но Чача на Глорме не оказалось. Никто не знал, куда он делся. Драмокл опасался худшего.

Глава 19

На планете Ванир была последняя ночь полных лун. Луны висели низко над горизонтом, заливая холодным желтым светом каменистую равнину Хротмунда и соляные пастбища Вираголенда на юге, куда король Хальдемар перемещался со своим двором во время сезонов линьки луу.

Фальф, ночной часовой на тихом пограничном посту, зевнул и устало оперся на свое лучевое копьё. Трехдневному вдовцу, ставшему вчера членом «Миннекошки» - звездной команды по хоккею с топором - и только что опубликовавшему свои первые стихи, Фальфу было о чем подумать. Он предавался этому занятию с прямоотой и детской непосредственностью истого варвара, а потому не слышал приглушенной возни у себя за спиной до тех пор, пока смутное предчувствие не

заставило его повернуть голову - ровно за секунду до того, как сзади некто или нечто прочистило горло.

- Кто идет? - крикнул Фальф, у которого волосы встали дыбом.

- Эй! - позвал кто-то из тьмы.

- Что значит «эй»? - спросил Фальф.

- Эй, эй!

- Еще одно «эй», и я поставлю точку в твоём предложении, - заявил Фальф, переключив лучевое копьё на отметку «жечь» и нацелив его туда, откуда, по его мнению, доносился голос.

И вдруг прямо у него из-под руки вынырнула чья-то фигура. Овдовевший поэт-атлет отпрыгнул назад, споткнулся о копьё и чуть было не упал. Незнакомец подхватил его под локоток.

- Меня зовут Вителло, - представился он, - и я не хотел тебя пугать. Я эмиссар.

- Чего?

- Эмиссар.

- Что-то не припомню я такого слова, - сказал Фальф.

- Оно означает, что мой король прислал меня сюда поговорить с твоим королем.

- А-а, верно. Теперь вспомнил, - сказал Фальф. Потом подумал немного и спросил: - А откуда мне знать, что ты и вправду эмиссар?

- Я могу предъявить верительные грамоты, - сказал Вителло.

Нет, я что хочу сказать: если ты эмиссар, посланный каким-то королем, то где же твой звездолет?

- Да вон он, - ответил Вителло, указав на рожицу в сотне ярдов от них. Фальф осветил фонарем - и точно, там стоял звездолет.

- Ты, видно, очень тихо спустился, - сказал Фальф. - Наши-то корабли - их за десять миль слышать, когда они садятся. По-моему, это из-за обшивки, ее у нас делают из колец, соединенных внахлестку. Конечно, рев наших кораблей вселяет ужас в сердца врагов - по крайней мере так нас учили. В общем, трудно сказать, что лучше, верно?

- Верно, - согласился Вителло.

- Никуда не денешься, придется о тебе доложить, - сказал Фальф. - Хотя меня это выставит не в лучшем свете - Он отстегнул от портупеи мобильник и набрал номер - Сторожевой пост? Сержант Урнут? Это Фальф, аванпост двенадцать. У меня тут чужеземный эмиссар, он хочет говорить с королем. Ага, точно. Нет, это значит «посланец». Ясное дело, у него есть звездолет Он припаркован в сотне ярдов отсюда. Да, совершенно бесшумно Нет, я не шучу и не пьян.

Фальф опустил мобильник.

- Сейчас они кого-нибудь пришлют Что твой король хочет сказать нашему королю?

- Погоди, потом узнаешь. - сказал Вителло.

- Да я просто так спросил Ты покуда садись, устраивайся поудобнее. Они будут здесь через час, не раньше. У меня есть лишайниковое пиво, если хочешь. Знаешь что? На этой неделе со мной уже три необычайных случая приключилось. А сегодня четвертый.

- Расскажи мне о них, - попросил Вителло, усаживаясь на землю и запахнув плащ, поскольку ночь была прохладная. - Хочешь попробовать моего вина?

- Спрашиваешь! - ответил Фальф.

Он прислонил лучевое копьё к чахламу деревцу и уселся рядом с Вителло, проникнувшись к эмиссару внезапным доверием, вообще-то совершенно несвойственным подозрительной варварской натуре.

Глава 20

Давным-давно, когда Вселенная была молода и еще не уверена в себе, галактический центр, плотно набитый планетами, населяло несколько примитивных рас. Одной из них и были ванирцы - варвары в косматых шкурах и со странными обычаями. Хотя их раса была куда древнее других гуманоидных ветвей, ванирцы никогда не претендовали на то, чтобы их считали урами, то есть родоначальниками людей. Впрочем, вопрос о первой человеческой расе до сих пор остается открытым; на эту роль притязают, например, леккиане, и они ничем не хуже других.

Бороздя на своих кольчатых судах космические просторы, ванирцы в один прекрасный день добрались до Глорма. Там они столкнулись с истрагну, или «малым народом», как называли тогдашних жителей Глорма более высокорослые расы. Много боев отгремело, но в конце концов ванирцы одержали победу. Ее плодами они наслаждались до тех пор, пока на Глорм не прилетели другие гуманоиды, бежавшие с пустынной и отравленной Земли. Вновь загремели сражения, и в результате ванирцев вытеснили не только с Глорма, но и из пределов Местной системы вообще, загнав на холодную далекую планету. Истрагну называли ее Вууллс, однако ванирцы переименовали планету, дав ей свое собственное имя С той поры между Глормом и Ваниром то и дело вспыхивали войны, особенно в экспансионистский период недолговечной Глормийской империи. Но в последние тридцать лет между планетами царил мир хотя и не очень прочный. Во времена, к которым относится наше повествование Ваниром правил король Хальдемар, и душу его снедали агрессивные помыслы. Не раз, лежа в пьяном забытье на шкуре тага, Хальдемар бредил о молниеносных набегах на Глорм за трофеями. Особенно его интересовали женщины - тонкие, благоухающие духами женщины, не

чета мускулистым ванирским девам, которые в постели только и способны, что выдавить из себя в момент величайшего экстаза: «Ух ты, как здорово всадил-то!» Между тем как цивилизованные женщины постоянно жаждали выяснения отношений, что казалось пределом утонченности варвару, выросшему при минимуме отношений и максимуме свежего воздуха.

Хальдемар прикоснулся к цивилизации лишь однажды, когда был приглашен глормийским телевидением на передачу «Иноземные знаменитости», продержавшуюся всего один сезон. В сердце ему навсегда запала атмосфера радостного возбуждения, царившая в студии, и то внимание, с каким ведущие выслушивали его ответы. Это было лучшее время в его жизни. Хальдемар готов был на любые жертвы, лишь бы вернуться в шоу-бизнес; несколько лет он с трепетом ждал у телефона звонка от своего агента.

Так его и не дождавшись, король постепенно проникся презрением к непостоянным и поверхностным людишкам с теплых планет. Его томило желание обрушить свои дольчатые звездолеты на головы изнеженных цивилизацией внутренних миров. Но народы Местной системы были слишком хорошо оснащены. У них было смертоносное оружие и быстроходные корабли, оставшиеся в наследство от землян, и стоило ванирцам атаковать хотя бы одну из планет, как все соседи тут же вставали на ее защиту. Поэтому Хальдемар сдерживал душевные порывы и выжидал удобного момента, кочуя покуда со своими подданными по Ваниру в поисках пастбищ для луу - мелкого, свирепого и хищного скота, снабжавшего ванирцев едой, питьем и одеждой из шерсти, которую собирали в сезоны линьки.

И вот наконец цивилизация прислала к нему эмиссара.

Хальдемар тут же велел устроить прием, ибо так полагалось, по протоколу. Как человек примитивный, король не любил этикета, но, как любой варвар, глубоко чтит ритуалы. На встречу с эмиссаром он пошел с надеждой и тревогой и даже надел по такому случаю новую рубаху из шерсти луу.

Глава 21

Аудиенция проходила в банкетном зале Хальдемара. Король распорядился, чтобы помещение вычистили и устлали свежим тростником. В последнюю минуту, вспомнив об изысках цивилизации, Хальдемар позаимствовал два стула у своей ростовщицы Сигрид Эйгретноуз.

Эмиссар был одет в красновато-коричневый плащ с розовато-лиловой отделкой - таких цветов на этой грубой варварской планете никто и не

видывал. Роста он был выше среднего, а ширина его плеч и развитая мускулатура говорили о том, что ему не чуждо воинское искусство. Кроме плаща, на эмиссаре была также другая одежда, но Хальдемар с варварским пренебрежением к деталям ее попросту не заметил.

- Добро пожаловать! - сказал король. - Как жизнь?

- Нормально, - ответил Вителло - А у вас что новенького?

- У нас все по-старому, - пожал плечами Хальдемар. - Пасем луу и совершаем набеги на свои же поселения - вот и все наши занятия.

Набеги, конечно, крайне полезны и представляют собой наш главный вклад в социальную теорию. Благодаря им и люди заняты, и население не растёт, и ценности вроде мечей и кубков находятся в постоянном обращении.

- Развлекаетесь, значит, - сказал Вителло.

- Живем помаленьку, - поправил его Хальдемар.

- И все-таки это не то, что в старые добрые времена, а? Нападать на другие народы куда интереснее, чем друг на дружку.

- Верно подмечено, - согласился Хальдемар. - Но что же нам делать? Оружие у нас чересчур примитивное, да и мало у меня народу, чтобы нападать на цивилизованные планеты. Нас оттуда живо вышвырнут пинком под зад, извиняюсь за выражение.

- Все так, - кивнул Вителло. - Вернее, так было.

- Не было, а есть, - сказал Хальдемар. - Если только ты не привез какие-нибудь новости.

- Разве вы не слыхали о последних событиях? - спросил Вителло. - Драмок, король Глорма, захватил Аардварк и высадил войска на Лекке. Граф Джон Карминосольский ополчился против брата, равно как и мой господин, принц Чач, сын Драмокла. Назревает крупная заварушка, а где заварушка, там и денежек можно наварить, и поразвлечься.

- Такие слухи до нас доходили, - сказал Хальдемар, - но мы решили, что это всего лишь семейные разборки. Если Ванир в них вмешается, все бывшие противники объединятся против нас, как не раз уже бывало прежде.

- События вышли за пределы семейной склоки, - сказал Хальдемар. - Милорд Чач поклялся, что сядет на глормийский трон. Граф Джон и король Лекка Снинт обещали ему поддержку. Уладить ссору добром не удастся. Будет война.

- Что ж, на здоровье Нам-то какое до этого дело? Вителло лукаво усмехнулся. - Принц Чач считает, что межпланетная война будет неполной без участия Ванира. Он приглашает вас выступить на его стороне.

- Ах так! - Хальдемар сделал вид, что задумался, дергая себя за сальные усы. - И какое вознаграждение предлагает нам принц Чач?

- Справедливую долю военных трофеев после взятия Глорма.

- Обещания давать легко, - сказал Хальдемар. - Откуда мне знать, могу ли я верить твоему господину?

- Сир, принц прислал вам договор о дружбе и согласии, подписанный его высочеством. Договор дает вам законное основание для набега на Глорм. На древнем языке Земли это называлось «разрешением на разграбление».

Вителло протянул королю свернутый в трубочку пергамент, перевязанный красной лентой и заляпанный сургучными печатями. Хальдемар осторожно взял договор, ибо, будучи варваром до мозга костей, считал любой клочок бумаги священным. Но сомнения не покидали его.

- Какие еще знаки любви прислал нам принц Чач? - Мой звездолет загружен дарами, предназначенными для вас и ваших придворных, - сказал Вителло. - Там есть автоматы «Эректор» и «Пусти!», есть ребусы и загадки, комиксы, подборка новейших рок-записей, косметика «Эвон» для дам и многое другое.

- Принц очень любезен, - сказал Хальдемар. - Стража! Смотрите в оба, чтобы никто не добрался до даров раньше меня. Если король не может выбрать первым, какой смысл быть королем? Пожалуй, пойду-ка я прямо сейчас, чтобы удостовериться...

- Договор, сир! - напомнил Вителло.

- Мы обсудим его попозже, - заявил Хальдемар. - Сперва я гляну, чего ты там привез, а потом мы устроим дружескую пирушку.

Глава 22

Хальдемар закатил щедрый пир - настолько щедрый, насколько позволяли ограниченные ресурсы Ванира. В зале расставили длинные деревянные столы со скамьями по обеим сторонам для местной знати. За меньшим столом, установленным на небольшом возвышении, сидели Хальдемар и Вителло. Гостей обнесли первым блюдом - жидкой перловкой с маленькими кусочками бекона, добавленными для запаха. Затем на стол водрузили целиком зажаренную тушу хрола, животного, похожего по виду на свинью, а по вкусу - на креветку. Туша была начинена селедкой с луком и залита бурым соусом. После этого внесли блюда с вареной репой и филе пеламиды, вымоченной в уксусе.

Были на пиру и развлечения. Сначала арфист, потом двое волынщиков, потом танец с боевыми топорами, а потом клоуны, чьи шутки, судя по громкому хохоту гостей, были очень смачными, но непонятными для Вителло из-за сильного акцента артистов. На десерт подали компот из местных фруктов, приправленный бренди из сосновых

шишек, и дикий горный мед. Грудастые служанки разнесли рога, наполненные лишайниковым пивом, а под конец королевский бард - высокий белобородый старец с бельмом на глазу - прочел речитативом традиционную сагу, аккомпанируя себе на цимбалах с колотушками.

Когда обед закончился, гости предались безудержному пьянству и веселью, Хальдемар же с Вителло удалились в комнату, расположенную у заднего выхода деревянного дворца. Там они возлегли на матрацы (явно глормийского производства), и Хальдемар промолвил:

- Ну что ж, Вителло, я поразмыслил и нашел, что предложенный твоим принцем союз мне по душе.

- Рад это слышать, - откликнулся Вителло, разворачивая пергамент. - Если ваше величество подпишет здесь и здесь, а также поставит визу тут и тут...

- Не так быстро, - сказал Хальдемар. - Прежде чем мы подпишем столь важный документ, тебе по традиции положено выступить перед нами.

- Пою я не очень искусно, - сказал Вителло, - но если это доставит вам удовольствие...

- Я не имел в виду пение, - прервал его Хальдемар. - Я имел в виду борьбу.

- Что? - сказал Вителло.

- У нас на Ванире принято давать почетным гостям возможность продемонстрировать их доблесть. Ты парень крепкий и молодой. Думаю, ты выдержишь поединок с Дуном из Торты.

- А не могли бы мы просто подписать договор без этих формальностей? - Никак невозможно, - изрек Хальдемар. - В ознаменование особо важных событий нам, ванирцам, необходима история Любви или история битвы. Иначе барды не смогут как следует их воспеть. Можешь считать наш обычай глупым, но народ требует зрелищ. Мы как-никак варвары, сам понимаешь.

- Я понимаю, - сказал Вителло. - Но, может, у вас найдется какая-нибудь дочка, чью любовь я попробую завоевать?

- Да я бы со всей душой, - сказал Хальдемар, - но, к сожалению, мою единственную дочку Хельгу похитил недавно гном-колдун Фафнир.

- Надо же, как жаль! А кто такой этот Дун?

- Пятирукое существо, невообразимо сильное и ловкое. Искусный боец. Но ты не отчаивайся. Ему еще не приходилось драться с таким достойным противником, как ты.

- И не придется, потому что я не собираюсь с ним драться.

- Ты серьезно?

- Серьезнее некуда.

- Не хочу называть тебя трусом, поскольку ты мой гость. Но ты не можешь не признать, что твое поведение вряд ли можно назвать геройским.

- А мне до лампочки, - сказал Вителло. - Моя роль в этой истории комическая.

Хальдемар подумал немного.

- Мы можем подвергнуть тебя более легкому испытанию: ты пройдешь через волшебные ворота в подземное царство и вызволишь Хельгу.

- Исключено. И думать забудьте про испытания. Я понимаю ваше желание уважить древние обычаи, но не советую на них заикливаться. Это вам не местный фольклорный спектакль. В игру вовлечены все планеты системы. Я предлагаю вам шанс войти в историю, приняв участие в важнейшем событии цивилизованной Вселенной! Такие предложения делают не каждый день. Поэтому давайте покончим с этим, ваше величество, или же позвольте мне удалиться с миром.

- Ладно, ладно, - сказал Хальдемар. - Я просто хотел позабавить своих подданных, прежде чем посылать их тысячами на бессмысленную гибель в чужих мирах. Ручка у тебя есть?

Однако не успел Хальдемар поставить подпись, как затрубили трубы и в воздухе возникло мерцающее облачко, окружавшее какую-то фигуру.

- Хельга! - воскликнул Хальдемар.. Облачко исчезло, оставив в комнате крупную веснушчатую девушку с широким приятным лицом, обрамленным двумя белобрысыми косичками.

- Ах, папочка! - Хельга бросилась в объятия к отцу. Как я по тебе соскучилась! И по Сникеру тоже!

- По Сникеру? - не понял Вителло.

- Это ручной волк Хельги, - объяснил Хальдемар. - С ним связана довольно смешная история...

- В другой раз, папочка, - перебила его Хельга. - Гном-колдун желает побеседовать с тобой.

Гном-колдун появился из менее яркого облачка. Он был жирноват, с красно-коричневой кожей и двумя черными рожками во лбу.

- О Хальдемар! - торжественно начал гном-колдун. Я наблюдал за твоим разговором с Вителло по монитору, и вот что я тебе скажу: он совершенно прав - это шанс для всех нас вырваться из нашей глухомани и войти в историю Вселенной. Я верну тебе Хельгу на двух, условиях; Во-первых, если она выйдет замуж за Вителло, чем обессмертит мое имя хотя бы в сносках к историческим анналам. Это, конечно, не Бог весть что, но для начала сойдет.

- Он жуть как переживает, что о нем не знает никто, кроме местных жителей, - сказала Хельга.

- И каково же второе условие? - спросил Вителло.

- Ты должен будешь взять меня с собой. В подземном царстве нынче полный застой, а я жажду великих свершений.

- Что скажешь, Вителло? - спросил Хальдемар. - Ты женишься на ней?

При взгляде на Хельгу с лица Вителло исчезло всякое выражение. Затем в глазах промелькнула хитрая усмешка, и он спросил:

- Означает ли это, что я унаследую ванирский престол, если, не дай Бог, с вашим величеством что-то случится?

- Нет, Вителло. Только представитель нашей расы может нами править. Но если Хельга родит тебе сына, он унаследует престол.

- Стало быть, я буду отцом следующего правителя-Ванира.

Честно говоря, не о такой роли я мечтал.

- Но это выгодная роль, - сказал Хальдемар. - Тебе будут выплачивать пособие, а кроме того, у тебя останется масса свободного времени для какой-нибудь другой карьеры.

- Пожалуй, вы правы, - сказал Вителло. - А ты что думаешь, Хельга?

- Я выйду за тебя, Вителло, если ты пообещаешь сводить меня на рок-концерт, как только мы доберемся до цивилизации.

- А как же будет со мной? - спросил Фафнир.

- Ладно, так и быть, поедешь с нами, - сказал Вителло.

Церемония состоялась тем же вечером.

Тотчас по ее завершении Вителло попросил показать ему ванирских рекрутов. И только тогда Хальдемар поведал ему о своих затруднениях с войском.

Глава 23

Четыреста тридцать лет тому назад ванирцы подверглись нападению народа еще более дикого и варварского. Жуткие моноготы налетели из центра Галактики в бесчисленных количествах, так что от их приземистых звездолетов с перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями потемнели небеса. Свирепые бронзовокожие воины, одетые в шкуры пантер и медведей, были вооружены огнеметными копьями, вибраторными булавами и электронными луками в рост стрелка. Крепко сбитые, усатые, они свалились на Ванир подобно лавине.

Теснимые превосходящими силами противника, ванирские армии оставили морские порты и селения и ушли в Непролазный лес. Много рукопашных схваток видели тенистые лесные чащобы, и многие моноготы сложили там свои головы. Но взамен прибывали все новые и новые бойцы, и, казалось, полный разгром ванирцев - всего лишь дело времени.

Тогдашний король Ванира, Харальд Хогбек, столкнулся с реальной опасностью потерять не только армию, но и весь свой народ. И он решился на отчаянный шаг. Главная ударная часть его войска, грозная Череподробительная бригада, была еще цела, хотя и изрядно потрепана. Эти пятьдесят тысяч бойцов, все до единого берсерки, противостояли армии моноготов численностью в четверть миллиона человек. Хогбек решил, что ради спасения ванирской расы важнее всего сохранить ее защитников. Сверившись с древними руническими записями на камнях, Харальд Хогбек приказал ванирским женщинам поставить на огонь большие медные котлы и приготовить обед. После чего снял Череподробительную бригаду с линии обороны и увел ее в глубины Непролазного леса.

Моноготы бросились в погоню, но на пути у них оказался ванирский лагерь, и они унюхали божественный запах мяса, варившегося в медных котлах вместе с картошкой, хреном и петрушкой. Для варваров, вскормленных исключительно сосисками, жареными на свином жиру, искушение было непреодолимым. Издав торжествующий вопль, моноготы накинулись на яства. К тому времени когда сержантам удалось наконец навести порядок, ванирцы бесследно исчезли в непроходимой лесной чащобе.

Хогбек привел свое войско в большую известняковую пещеру, скрытую в лесу под кустами можжевельника. Там он приказал берсеркам лечь поудобнее, а затем произнес над ними заклинание, призвав на помощь все свои познания в древней магии, дабы усыпить воинов Харальд заговорил также вход в пещеру. И берсерки проспали там несколько столетий, и продолжают спать по сей день.

Вот такую историю рассказал Хальдемар эмиссару Вителло, пока они скакали к Непролазному лесу И Вителло изумлен был безмерно, и спросил, чем же закончилась война между моноготами и ванирцами. Хальдемар поведал ему, что эти превосходные воины, несмотря на всю свою закалку, оказались уязвимы для вирусов цивилизации. Моноготов выкосила ящурная болезнь, и ванирцы вскоре сызнова заселили свою планету.

- А Череподробительная бригада?

- По-прежнему спит, - сказал Хальдемар. - Она-то нам и нужна.

Глава 24

Лес шумел своей приглушенной и потаенной жизнью. Бледные солнечные лучи пробивались сквозь густой шатер ветвей. Вителло услышал пронзительный жалобный крик птицы-мовиолы, робкой обитательницы верхушек деревьев: «Ида Люпино! Ида Люпино!»

Хальдемар ехал рядом с Вителло. Несколько телохранителей скакали за ними сзади. Вскоре они выехали на полянку, где их встретил высокий человек в одежде зеленой, как лес. Это был Оле Большая Нога, сторож спящих берсерков. - Они вон там, - сказал Большая Нога, смахивая рыжую прядь со своих блестящих глаз.

Бригаду пришлось переместить из известняковой пещеры, когда Большая Нога обнаружил в каменной стене трещины, сквозь которые сочилась вода, угрожая обвалом. Перетащить воинов было непросто. На планете Ванир не существовало транспортных компаний. Большая Нога обратился за помощью к гному-колдуну Фафниру и его народу. Гномы ухитрились перенести спящих солдат в лес без особых потерь, если не считать Эдгара Головореза, которого случайно уронили на скалу.

Затем Большая Нога отправил петицию мастеру-строителю Хьорду Сосконосу с просьбой построить деревянное укрытие с руническими надписями великой силы. Сосконос согласился, но был убит при ограблении таверны в Снааке (по другим источникам - в Снии́ке). Его сын и помощник Бийон Сокрушитель ушел на юг неизвестно зачем и не вернулся. Так что пришлось Большой Ноге оставить воинов спящими на глинистой лесной земле. Чтобы защитить их от лесных крыс, Большая Нога привел парочку дрессированных терьеров. Стоило ему свистнуть два раза в серебряную свистульку, висевшую у него на шее на затейливой керамической цепочке, как псы немедленно принимались за работу; еще один свисток - и они ложились на место передохнуть. Три свистка вызывали целое полчище червей шик-шик, которые расплзались и пожирали все остатки собачьей охоты. Таким образом место содержалось в чистоте и порядке.

Покончив с дневными трудами, Большая Нога любил сочинять песенки - такой у ванирцев обычай. Любимая его песенка звучала примерно так:

Зовут меня Большая Нога.
Я убиваю людей.
Я люблю женщин с большими сиськами.
Зуб у меня болит.
Зовут меня Большая Нога.

Но чтобы использовать ванирцев в сражении, сначала надо было пробудить их от длительной спячки. Сделать это предполагалось с помощью волшебного и очень древнего слова, которое старшие барды передавали друг другу из поколения в поколение и произносить которое вслух строжайше запрещалось, ибо, даже ослабленное неправильным произношением, оно могло повредить телевизионные лучевые Трубки на

расстоянии тридцати футов. Старший бард выступил вперед и произнес слово, но никаких результатов не последовало. Спящие воины даже не пошевелились.

Король Хальдемар пришел в отчаяние из-за такого поворота событий. Он потребовал свой питейный рог, собираясь с горя предаться беспробудному пьянству. Однако Вителло упросил его подождать, подошел к спящим берсеркам и внимательно осмотрел некоторых из них.

Выпрямившись, он сказал:

- Хальдемар, еще не все потеряно.

- Как то есть не все? - промолвил Хальдемар. - Ведь именно с помощью этих солдат я намеревался дать укорот безумному Драмоклу.

- Так и будет, - сказал Вителло. - Ибо в плену у сна солдат удерживает всего лишь маленький дефект. Взгляните, о король, на их уши: от долгого лежания на земле они напрочь забиты мхом, мелкими камушками, веточками, сосновыми шишками и так далее. Поэтому спящие не в состоянии услышать команду побудки.

- И правда, - сказал Хальдемар, склонившись и поглядев. - Нужно немедленно прочистить им уши. Сейчас я велю принести сюда лопатки - хотя, возможно, сгодятся простые столовые ложки. Мы пророем подходы к их сознанию!

- Я бы не советовал, - сказал Вителло. - Столь грубые инструменты могут повредить внутреннее ухо, а то и самый мозг. Нам нужны хорошие акустические очистители.

- У нас таких нет, - сказал Хальдемар.

- Я помогу вам взять их напрокат, - сказал Вителло, - причем по цене просто пустячной, если сравнить ее со стоимостью хорошего солдата, способного по приказу становиться берсерком.

Акустические очистители и прочее оборудование было доставлено с Гувера-ХП, соседней планетки, специализировавшейся на искусстве очищения. Из ушей берсерков извлекли слои засохшей грязи, сухие веточки, богатый черный перегной и мелкие цветочки. Многократное окуривание уничтожило в зародыше все вязовые проростки, а заодно и личинки долгоносиков. На сей раз волшебное слово не пропало втуне. Ряд за рядом свирепейшие воины древних времен начинали моргать глазами, чесать в поросших колтунами затылках и, оглядываясь вокруг в изумлении, окликать своих товарищей: «Эй, чего это, а?»

Двор графа Джона, правителя Карминосола, был выдержан исключительно в красном цвете, во всех его оттенках. Фактически граф Джон был таким же королем, как и его брат Драмокл. Но Джон требовал, чтобы его называли графом Карминного двора, поскольку придворный специалист по связям с общественностью Ирвин Дж. Франт убедил его, что такой титул привлечет к нему всеобщий интерес. В свое время Джон считал эту идею замечательной и любил получать письма, адресованные «графу Карминного двора». Но скоро ему это наскучило, да и никакого интереса его титул ни у кого не вызывал. Франт же постоянно сшивался на разных конференциях, когда Джон пытался поймать его по телефону.

Вернувшись с Глорма, Джон узнал, что жена его Анна полетела инспектировать военные установки на Обрат, одну из лун Карминосола. Граф решил не терять времени даром. Созвав своих командиров, он вкратце обрисовал ситуацию. Драмокл должен быть разбит, а дружественный Лекк освобожден. Командиры согласились с ним целиком и полностью.

Джон тут же начал действовать. Он приказал своему лучшему полководцу Диркенфасту взять тридцать тысяч переделанных роботов и незамедлительно освободить осажденных леккиан. Диркенфаст активизировал войска, погрузил их на транспортные суда и отбыл. До того как их переделали на солдатской фабрике Антигоны, роботы были сельскохозяйственными рабочими Дельта-нуль Низкорослые и коренастые, со встроенными боронами и веялками, способными превращаться в грозное оружие ближнего боя, роботы Дельта-нуль были хорошими вояками, несмотря на их привычку собирать все попадавшееся под руку овощи и выжимать из них быстро замораживающийся сок В-8.

Диркенфаст построил свое войско у южной оконечности перевала Кислая Рожа, замаскировав солдат густыми зарослями осины и лиственницы, привезенными с собой специально для этой цели. Не дожидаясь, пока будут установлены склады с горючим, Диркенфаст выслал разведчиков на север и северо-запад по Нелощеной равнине к Ривингтонскому кургану, где располагалась основная база Рукса. Дельта-нули просочились сквозь линию защиты неприятеля незамеченными и беспрепятственно добрались до холмов, возвышавшихся к юго-западу от водопада Ибберманна. Там они сняли несколько сторожевых постов, и Диркенфаст, не медля ни минуты, бросил в прорыв свои главные силы. Их появление было настолько неожиданным, что, казалось, позиция Рукса будет взята, несмотря на оборонные укрепления вокруг базы, укрытой за единственной на Лекке

песчаной дюной. Марков-IV необходимо было перепрограммировать на оборону, а времени на это у Рукса не оставалось.

Исход дела решила одна из странных случайностей, порожденных сумятицей и неразберихой боя. Едва главные силы Диркенфаства приготовились к атаке, как в небе полыхнула ослепительная вспышка, а за ней прокатились глухие раскаты, исходившие, по-видимому, со стороны гранитного ложа Кронштадского глетчера в нескольких сотнях ярдов впереди. Местность там была изрезанная, очень удобная для засады, поэтому Диркенфаств послал взводного ДБХ-23 проверить, в чем дело.

Робот прошел по низкому мостику, миновал кусты можжевельника и за ними, на укромной полянке, обнаружил молодую женщину, сидевшую в кресле с книгой, - блондинку с зелеными глазами. («Можно сказать, привлекательную, - добавил позже ДБХ-23, - если вам по вкусу гуманоиды».) - Вы слышали сейчас такой глухой и низкий гул? - спросил ДБХ-23 у женщины.

- По-моему, это гром, - сказала женщина.

- А вспышку видели?

- Нет.

- И все-таки вспышка была, - сказал ДБХ-23.

- Молния, наверное.

- Да, наверное, - сказал ДБХ-23 и вернулся во взвод.

Его доклад изучали и обсуждали более часа, пока кибер-патолог не заявил, что это машинная галлюцинация. Другие разведчики не обнаружили никаких следов женщины. Диркенфаств приказал роботам идти в наступление. Но время было упущено, и Руке успел перепрограммировать Марков-IV и развернуть их к неприятелю лицом. Таким образом, кармино-сольцы потеряли шанс на молниеносную победу, однако внезапность атаки так ошеломила Драмоклово войско, что оно еще долго не могло прийти в себя.

Джон прочел доклад с удовольствием, решив, что для начала это недурно. Как только вернулась Анна, он с гордостью поведал ей о своих успехах. К его великому удивлению, Анна рассердилась.

- Ты послал войска сражаться против Драмокла? Даже не посоветовавшись со мной! Джон, ты идиот.

- Но это был единственный выход в сложившейся ситуации.

- Какой ситуации? Разве Драмокл напал на тебя или отнял твои владения?

- Нет. Но Аардварк и Лекк...

- ...не имеют к тебе ни малейшего отношения.

- Дорогая моя, ты меня удивляешь. Они наши друзья, наши союзники. Драмокл нарушил мирный договор, его поведение невыносимо, он стал угрозой для общества. Я считаю, что поступил совершенно правильно.

- Речь не о том, кто прав, а кто виноват, - сказала Анна. - Я о деле говорю. С чего ты взял, что мы можем позволить себе войну?

Джон на мгновение смешался. Неприязнь его к жене в эту минуту обострилась сильнее обычного. Когда-то его соблазнило приданое Анны - плодородный спутник и миллион золотых шестиугольных гаек. Да и характер невесты подкупал своей прямоотой. Теперь, когда все гайки были истрачены, а спутник превратился в бесплодную пустыню из-за неумелого хозяйствования закадычных дружков графа Джона, Анна уже не казалась таким уж выгодным приобретением. Долговязая крашеная блондинка с горбатым носом, она была упрямее стада диких слонов. - Война, - наставительно сказал Джон, - не такая штука, которую можно или нельзя себе позволить. Война - это явление природы. Она просто начинается, и все.

- В данном случае, - сказала Анна, - она началась из-за того, что ты послал войска на Лекк. По-твоему, это явление природы? Джон, война нам попросту не по карману. Или ты забыл, какой неудачный нынче выдался год? Сначала голод в Блоре, потом наводнение в низовьях Станкса...

- Это ужасно, конечно, но ведь королевская страховая компания Карминосола компенсировала ущерб.

- Да. Но поскольку компания принадлежит нам, мы потерпели убытки.

- Ну и Бог с ними, - сказал Джон. - Мы их покроем, или спишем, или что там обычно делают с убытками. Тридцать тысяч роботов на Лекке не могут стоять слишком дорого.

- Поступай как знаешь, - молвила Анна. - Только припомни наш разговор, когда мы вылетим в трубу!

- Ты преувеличиваешь, - сказал Джон. - Как может вылететь в трубу целая планета?

- Планета - нет, а король может, если растратит все средства и ресурсы, что вскоре с тобой и случится. Джон задумался.

- Может, повысим налоги?

- Народ и так на грани мятежа, - сказала Анна. - Еще одно повышение - и они начнут строить баррикады.

- Мы задавим бунт с помощью роботов. - Конечно. Но это нам дорого обойдется.

- Что ты имеешь в виду?

- Мы потеряем те деньги, которые подданные нам не заплатят, пока будут бунтовать, плюс деньги, потраченные на усмирение бунта.

- Н-да... Тогда давай их запечатаем побольше! Анна напомнила ему, и уже не в первый раз, о том, как погибла целая цивилизация, не сумевшая сбалансировать свою валюту. Джон все равно не понял: поскольку планета принадлежала ему, графу казалось логичным иметь столько денег, сколько душе угодно, - но согласился, хоть и неохотно.

- Плевать мне на деньги! - сказал он наконец. - Я должен как-то обуздать Драмокла, даже если меня это разорит! Моя дружба со Снинтом тоже чего-то стоит.

- Со Снинтом! Этим коварным прохвостом! Джон растерянно умолк. Со дня высадки его войск местные леккианские силы стали безудержно таять. Снинт уверял, будто добровольцы сосредоточивают силы, ив похоже было, что они разбрелись по домам на уборку урожая. Снинт имел даже наглость заявить, что на самом деле, его народу нужны не чужие войска, а деньги на приобретение собственных роботов. А если Джон решил прислать армию, так пусть, мол, она и воюет.

- Снинт не дурак, - заметила Анна. - Мои шпионы доносят, что он шлет Драмоклу дружеские открытки. Он своего не упустит при любом повороте событий.

- Я тебя выслушал, и хватит! - сказал Джон. - Надеюсь, ты не думаешь, что я сейчас же отзову солдат обратно!

- Такого разумного решения я от тебя и не ожидала. Но коль скоро мы ввязались в войну, надо начинать экономить.

- Что значит «экономить»?

- Никакой новой одежды в этом году. Никаких новых звездолетов, никаких земных сигар...

- Да ладно, будет тебе!

- ..никаких развлечений и обедов в дорогих ресторанах. Круглое лицо Джона затуманилось печалью. Впервые до него дошло, что это за штука такая - война.

- Все так сложно, - сказал он. - Я должен подумать.

- Я тоже о многом хочу подумать, - заявила Анна. Это означало, как знал по опыту Джон, что она обсудит ситуацию со своими советниками - парикмахершей Йопи, детской няней Морин, садовником Себастьяном и придворным *ficelle* <Плут, хитрец (фр.)> Гиги.

- Увидимся за обедом, - бросила Анна, уходя.

- Да, любовь моя, - сказал Джон, высунув язык вслед ее удаляющейся спине.

- И прекрати безобразничать, - сказала она ему с полдороги.

Драмокл отреагировал на военное вторжение Джона на Лекк лишь через несколько дней, но месть его была жестокой. С присущим ему вероломством Драмокл нанес удар в самое сердце Джона и Анны. А в сердце у них был ежегодный межпланетный благотворительный ужин, устраиваемый глормийской телекомпанией на ресторанном планетоиде Уффици, где присуждались призы лучшему королю года, лучшей королеве и так далее. Это был самый престижный светский раут в здешней части Галактики. Пустив в ход все свое влияние и щедрые взятки, Драмокл добился, чтобы Джона и Анну вычеркнули из списков приглашенных. Причиной тому он выдвинул агрессию против дружественного государства. Джон был в ярости, но доделать ничего не мог. На этом его, неприятности не кончились. До сих пор глормийская телекомпания относилась к Карминосолу с симпатией. И вдруг, в результате должностных пертурбаций, политика компании круто переменялась. Новое руководство ГТВ решило, что вмешательство Джона во внутренние дела Лекка глубоко безнравственно. Положение Джона было хуже некуда: отныне ему предстояло вести не только разорительную, но и непопулярную войну. Граф пожаловался на жизнь Ирвину Франту.

Франт согласился встретиться с ним и обсудить положение вещей в Гадальном клубе в центре Карминосола. Полутемный зал для коктейлей был обставлен в таком стиле, что Хэмфри Богарт чувствовал бы себя здесь как дома. Гай Фоке со своими «Разбойниками ритма» заливал со сцены зал крутым джазом с обилием саксофонных арпеджио. Франт сидел в обшитой кожей кабинке, помешивая льдинки в шотландском виски. Невысокий, худой, остроносый, в широких кремовых брюках, гавайской рубашке и мексиканских сандалиях, с золотой цепью на шее. Франт любил, когда его называли «Джо Голливуд», однако обращались к нему так только его подчиненные.

Джон заказал дайкири со льдом и не мешкая перешел к делу:

- Чего на меня так взъелось ГТВ? Драмокл первый заварил эту кашу, захватив Аардварк.

- Не сравнивайте себя с Драмоклом, - сказал Франт. - Он исполнял веления судьбы, а это благородно, даже когда аморально. Вы же действовали исключительно в пику Драмоклу из мелочной зависти. Так, во всяком случае, считает новый директор ГТВ. - Но это несправедливо, - сказал Джон.

- Дальше будет хуже, - предупредил его Франт. - Не знаю, в курсе ли вы? Компания снимает с эфира вашу передачу.

Телепередача Джона под названием «Комментарии Карминного двора» пользовалась скромным, но неизменным успехом у жителей Местных планет. Она шла уже пять лет, и бывшее руководство поговаривало даже о том, чтобы пустить ее в следующем сезоне по галактическому каналу.

- Это происки врагов! - заявил Джон. Франт покачал головой:

- Это шоу-бизнес. Им нужно ваше время для новой передачи.

- Какой еще передачи?

- Для двадцатисерийного документального фильма «Агония Лекка».

Джон чуть не подавился дайкири.

- Вот паразиты, черт их дери! Ну ничего, агония Лекка продлится недолго, потому что я немедленно отзываю оттуда войска, даже если потерю при этом лицо!

Франт нахмурился и ущипнул себя за нос.

- Я бы на вашем месте так не торопился.

- Почему? Я думал, все будут довольны.

- Все не так просто, - сказал Франт. - Я хочу вам сообщить кое-что строго конфиденциально. Вчера я разговаривал со своим другом, Сидни Проказником. Новое руководство телекомпании взяло его на должность менеджера объединенной сети ГТВ, поэтому он знает все, что творится в верхах. У Сидни сложилось такое впечатление, что ГТВ желает, чтобы эта война продлилась еще немного. Народу нравятся военные репортажи.

Джон презрительно усмехнулся:

- Придется им вести репортажи без меня и моей армий. Ты же не думаешь, что я буду продолжать войну на Лекке, если все мои трофеи - это исковерканные роботы, отмена телепередачи, брюзжание жены и всеобщий остракизм, а также изъятие моего имени из списка гостей межпланетного благотворительного ужина. Все, Ирвин, я кончаю воевать сию же минуту. - Джон встал из-за стола.

- Сядьте, - сказал Франт. Джон сел. - Прекращение войны ничего хорошего вам не даст. Как я уже сказал, ГТВ в восторге от войны и хочет, чтобы она продолжалась. Сидни говорит, если вы согласитесь сотрудничать, компания в долгу не останется. Никаких письменных соглашений, разумеется, сами понимаете. Но я знаю Сидни Проказника всю свою жизнь, ему можно доверять.

- Каковы условия сделки? - спросил Джон.

- Это не сделка, - сказал Франт. - И не вздумайте ссылаться на меня. Просто Проказник намекнул, что, если вы повоюете еще немного, компания о вас позаботится.

- То есть?

- Они реабилитируют вас, как только общественный интерес к Лекку угаснет.

- И как же они меня реабилитируют?

- Сделают документальный фильм, представив вас как непонятого социального реформатора - неумелого и непрактичного, но обаятельного идеалиста; в общем, что-то вроде Уильяма Блейка, только бесталанного.

- Но на самом-то деле во всем виноват Драмокл! Почему на него никто не катит бочки?

- Будем говорить откровенно: Драмокл гораздо симпатичнее публике, чем вы. Но вам, нечего волноваться - вы выйдете из этой передраги вполне достойно.

- Значит, мне придется продолжать войну на Лекке? Франт допил виски и закурил тонкую сигару.

- Это, конечно, вам решать. Возможно, ГТВ даже возобновит вашу передачу.

- Я подумаю. Кстати, а кто теперь возглавляет ГТВ?

- Группа под названием «Глалок, инкорпорейтед».

- Никогда не слыхал о такой, - сказал Джон.

Глава 27

Ультрагноллский дворец стал главной штаб-квартирой леккианской войны, а Военная палата - ее оперативным центром. Это было большое помещение, набитое пультами, рядами циферблатов и мониторами. За пультами сидели мужчины и женщины в униформах и нажимали на кнопки. Освещенные неярким светом, машины тихонько гудели, и вы невольно проникались сознанием серьезности проводимой здесь работы. Драмокл любил эту комнату.

По коридорам дворца круглые сутки сновали деловитые толпы людей. Неподалеку от Военной палаты открыли несколько новых ресторанов, чтобы сэкономить время специалистам, ведущим войну. Драмокл обычно обедал в Эллинском барчике, где особенно любил тexasские сосиски в фут длиной с соусом чили, луком и плавленым сыром - настоящую пищу героев. Однако, отправившись туда в очередной раз, король обнаружил, что барчик закрылся на ремонт.

Зачем им понадобился ремонт? Еще вчера там все было в порядке. Драмокл задумался: может, поднять по этому поводу шум? Или просто приказать владельцам открыть заведение - и к черту ремонт? Разве они не знают, что идет война? Но он пересилил себя и сдержался, ибо гордился тем, что отказался на время чрезвычайного положения от своих королевских привилегий. «Я такой же, как вы все, - сказал он давеча своей команде. - Я просто делаю свою работу, как и любой из вас.

Конечно, я руковожу этим шоу - ну так что же? Это вовсе не означает, будто я важнее других, как могло бы показаться. Главное то, что мы с вами, господа, все как один сражаемся за наше отечество, за свободу, за Глорм!» Драмокл решил пообедать в «Мече и желудка, довольно претенциозном заведении дальше по коридору. «М и ж», как всегда, был переполнен. Длинный подковообразный зал украшали канделябры и деревянная полированная стойка. На стенах висели высокие зеркала, а розоватый свет придавал лицам посетителей более румяный, нежели на самом деле, вид. Между столиками бегали официанты с подносами. Все столы были заняты.

- Долго придется ждать? - спросил Драмокл.

- А вон там столик уже освобождается, сир, - сказал метрдотель, сделав еле заметный знак подбородком. Четверо дюжих официантов тут же принялись сгребать оттуда тарелки.

- Мне не хочется вас торопить, - обратился Драмокл к посетителям, сидевшим за столиком.

- О чем речь, сир! Мы уже доедаем десерт.

- Но это неправда, - возразил Драмокл. - Вы же едите луковый суп.

- Не хочу вам противоречить, сир, но я всегда ем луковый суп на десерт. А Джефф обычно заканчивает обед кулебякой. Таковую уж привычку мы приобрели в китайских ресторанах.

Драмокл видел, что все это говорится только для того, чтобы он не чувствовал себя неловко. Глупо, конечно, но переспорить их явно не удастся. Да и зачем? Драмокл сел за столик и заказал суп с омарами и устриц.

Дела на Лекке шли не лучшим образом. Драмокл рассчитывал на быструю победу над малочисленными ополченцами Снинта. Но неожиданное нападение роботов Джона чуть было не смяло Драмокловы войска. Руксу удалось выровнять линию фронта, однако боевой дух в глормийской армии резко упал, Роботы пребывали в состоянии, аналогичном замешательству.

С другой стороны, глормийский народ реагировал на войну положительно. Об этом позаботился Макс. Его газетная рубрика «Почему мы воюем?» поведала читателям о гнусных заговорах, направленных против Глорма. Макс нанял команду писателей для художественной обработки сюжета, а ГТВ каждый вечер показывало фрагменты баталий в самое лучшее телевизионное время. Граждане Глорма узнавали все подробности разных заговоров - экономических, религиозных, расовых и просто враждебных, которые кишели вокруг их планеты.

Такой образ мыслей нашел большую и благодарную аудиторию. Немалая часть населения Глорма всю жизнь считала себя жертвой

межпланетных интриг. Другая, и тоже немалая, часть глормийцев сама принимала участие в этих интригах - по крайней мере, по мнению первой части. Параноидальное мышление было присуще глормийскому характеру - открытому и добродушному снаружи и раздираемому страхами и подозрениями внутри. Глормийцы с легкостью поверили в придуманную Максом теорию межпланетного заговора. Многие говорили: «Я всегда это знал!» И все глормиицы преисполнились решимости сохранить, глормийский образ жизни любой ценой, за исключением тех, кто втайне мечтал его уничтожить.

К Драмоклу за столик подсел Макс с чашечкой кофе. Ему не терпелось обсудить с королем свои новые находки. Драмокла немного беспокоил Макс энтузиазм. Слишком уж тот увлекся своими выдумками - того и гляди, сам в них поверит.

- Подлые заговорщики наконец разоблачены, - сказал Макс. - Я собираю последние данные. У меня есть уже доказательства психического воздействия, духовного растления, а также прямой подрывной деятельности.

Драмокл кивнул и закурил сигарету.

- Все задокументировано, - продолжал Макс. - Имена секретных агентов. Планы провокаций, угроз и убийств. Загадочное дело доктора Виницки. Подрывное влияние Земли - карбонарии, иллюминаты, тибетские монахи и, наконец, самый опасный наш противник - Тлалок.

- Впервые слышу это имя, - заметил Драмокл.

- Еще не раз услышите. Тлалок - настоящий враг. Он и его агенты намереваются уничтожить большинство глормийских жителей, а затем захватить на Глорме власть и насадить здесь дьяволопоклонство с разнузданными оргиями.

- Ага, - сказал Драмокл. - Понятно.

- Тлалок веками кружился вокруг нашей планеты на своем невидимом звездолете, выжидая, когда мы достигнем достаточно высокого технологического уровня, чтобы имело смысл нас захватывать. Теперь он решил, что время пришло, и нынешняя война - всего лишь начало последней и окончательной битвы.

- Хорошо, Макс, - сказал Драмокл. - Витиевато немножко, но в целом придумано неплохо. Макс оторопел.

- Простите, сир, но каждое мое слово - чистая правда!

- Макс, мы с тобой оба знаем, как началась эта война. Я сам ее начал. Помнишь?

Макс снисходительно и устало улыбнулся:

- Все гораздо сложнее, дорогой милорд. Вам внушили желание начать войну - Тлалок и внушил! Могу представить доказательства.

Драмокл решил, что сейчас не время разбираться с Максом.

- О'кей, Макс, мы обсудим это позже. Ты проделал блестящую работу. Продолжай информировать наш народ и сплачивать его против общего врага.

- Да, конечно, сир. Агенты Тлалока внедряются повсюду. Но у меня есть группа верных людей. Мы победим злодея.

- Отлично, Макс. Иди и продолжай в том же духе. Макс вытянулся по стойке «смирно», щелкнул каблуками и прижал левую руку к сердцу, схватясь правой за пояс.

- Хайль Драмокл! - крикнул он и удалился.

Население Глорма, возглавляемое избранной группой Макса, с большим энтузиазмом поддержало крестовый поход против Тлалока. Для колледжей напечатали стандартные учебники «Тлалоцизм: философия деградации». В школах преподавали историю Тлалока, в начальных классах - историю Тлалока для детей Детские сады обеспечили иллюстрированным изданием «Книжка в картинках про злого Тлалока». Бестселлером года стала книга «Мои пять лет с Тлалоком», а фильм «Тлалок - мой отец, мой супруг» побил все кассовые рекорды.

Драмокл не знал, как к этому относиться. Благодаря Максовой индустрии народ Глорма был занят и счастлив. Глормийцам нравились заговоры, и управлять ими стало совсем легко.

Король без восторга узнал о начавшихся арестах, но он понимал, что без них не обойтись. Какой же заговор без арестов? Если не пойман и не посажен за решетку ни один заговорщик, люди перестают верить в вашу серьезность. Все же Драмокл велел Максусу проследить за тем, чтобы приговоры, вынесенные агентам Тлалока, считались действительными только на время войны и чтобы с арестантами обращались по-человечески. На этом король успокоился, решив выкинуть тлалоцизм из головы. И выкинул бы, если бы не инцидент в Эномском поселке.

Поселок Эном находился в отдаленной Сурнигарской провинции, на изрезанном фьордами полуострове в полярных широтах Глорма. От Ультрагнолла до него было не меньше семи тысяч ордалов, и часть этого пространства занимала гряда Фиерингер, делившая полуостров на две неравные части, перед тем как свернуть и слиться с большим Сардеккианским хребтом. Поселок с его маленькой гаванью Фасмоллом был тихим и мирным местечком. Весело раскрашенные рыбацьи лодки каждое утро уходили в море, возвращаясь на закате с богатым уловом омаров, пастушьих рыбок, дерзянок, олиготе, немсеров и порою, если очень повезет, с болтуном неуловимым.

И в то же время Эном был важным стратегическим пунктом из-за расположенной неподалеку - на мысе Нефрарер - контрольной космической станции. Это был главный центр слежения за

межпланетным и межзвездным транспортом. Прямые линии связи соединяли его с компьютерной станцией в Лиси Сурренгаре и с ракетной базой, размещенной в двухстах светлях от мыса на побережье Божья Голова. Контроль над станцией мыса Нефрарербыл необходим для успешного ведения внепланетных войн. Поэтому Драмокл испытал настоящий шок, прочитав на первой странице «Глормийского вестника» следующую статью.

Потрясающий случай в Эномском поселке!

Преданность офицеров под вопросом.

Кому подчинятся глормийские офицеры в случае кризиса - вышестоящим командирам или же таинственному Тлалоку, которому, как, говорят, все больше людей присягают на верность? Последние события заставляют нас поднять этот вопрос.

Сегодня в Эноме был арестован Дженнитер Дарр, вызывавший подозрения у местного населения своими литературными вечеринками сомнительного характера.

Поселковые констебли обыскали дом. Дарра и нашли там кипу тлалокской литературы, спрятанную в тайнике стола. При изучении личных бумаг Дарра было обнаружено несколько договоров о сотрудничестве с Тлалокком, подписанных местными жителями и некоторыми офицерами близлежащей станции слежения. У Дарра изъяли также сверхсекретный план многочисленных помещений и функций станции.

На допросе офицеры признали свою вину, однако заявили, что были «загипнотизированы чужой волей» и принуждены, против собственного желания к посещениям «неописуемых оргий в некоем особом мире грез, которое нельзя назвать ни реальным, ни нереальным».

Дарр сделал несколько сенсационных заявлений констеблям, производившим арест. Он признал, что действительно был агентом Тлалока. Он утверждал, что Тлалок являлся к нему в сновидениях, обещая «безмерную награду» за сотрудничество. Дарр добавил: «Нет сомнения, что нас ожидает время тяжелых испытаний. Тлалок и его последователи скоро выступят открыто. Каждому из нас тогда нужно будет сделать решающий выбор, и горе тому, кто выберет неверно, ибо он выберет смерть, в то время как Тлалок - это жизнь вечная».

Дарр задержан в целях дальнейшего расследования, и в течение месяца ему будут предъявлены обвинения для привлечения к судебной ответственности.

Прочитав статью, Драмокл почувствовал себя обескураженным и, совершенно сбитым с толку. Неужели за выдумкой Макса о заговоре и впрямь что-то кроется? И Тлалок существует на самом деле? Драмоклу очень не хотелось ломать над этим голову. У него и без того забот было по горло. И король решил отложить все вопросы на потом, когда времени будет побольше.

Глава 29

Пока Вителло выполнял свою миссию на Ванире, Чач затворился в Пурпурном замке, предоставленном дядей в его распоряжение. Место это в истории Карминосола было знаменитое. Именно здесь собрал граф Кромшов рассеянные силы Элыингнева и его свободных корчевщиков, положив тем самым начало социальному движению, известному под названием шовизма. Именно в Пурпурном замке, или, точнее, в английском саду у западного его крыла, был подписан договор Хорджинга, подтверждавший вечное лингвистическое различие между говорящими на ремитском и старотантском языках и тем самым сводивший, на нет все претензии Кларенса, герцога Ротлийского. Замок, украшенный луковичками минаретов и острыми башенками, окружали массивные стены с амбразурами и бойницами. С крепостных стен открывался чарующий вид на речку Дис и подножия Кроссета.

Чач развлекался в подвальной камере пыток, когда громкоговоритель вдруг крякнул и возвестил:

- Посетитель у ворот.

Принц оторвался от пристального созерцания обнаженной юной женщины, привязанной к «прокрустову ложу».

- Кто бы это мог быть? - спросил он.

- Спорим, что это Вителло, - сказала обнаженная юная женщина.

- Это Вителло, - сказал громкоговоритель.

- Пусть войдет, - распорядился Чач. - Что же до тебя, - продолжал он, обращаясь к обнаженной юной женщине, - мне кажется, ты не понимаешь всей серьезности своего положения. Ты беспомощна и полностью в моей власти, и я собираюсь предать тебя мучительной пытке. Это так же неизбежно, как щебетание птиц в вишневом саду холодным октябрьским вечером.

- О, я знаю, ваша милость, - сказала юная женщина. - Поначалу я даже испугалась, когда граф Джон, подаривший вам меня, Объяснил, что мне предстоит утолить самые зверские и садистские желания лорда Чача. Я никогда ничем подобным не занималась и не могла сообразить, как мне на это реагировать, понимаете? Но лежа здесь, на ложе, я вдруг подумала о том, что мы с вами встретились в очень романтической

обстановке. И, конечно же, ваше пристальное внимание мне ужасно льстит. Кстати, меня зовут Дорис.

- Женщина! - сказал Чач. - Твои притязания беспочвенны и несостоятельны. Между нами не существует никаких отношений. Ты для меня всего лишь кусок плоти, нуль с ногами, ничтожная тварь, которую я изнасилую и выброшу вон.

- Я жутко возбуждаюсь, когда вы говорите такие вещи, - сказала Дорис.

- Я не собираюсь тебя возбуждать! - крикнул Чач. Затем, чуть успокоившись, добавил: - Я предпочел бы, чтобы ты вообще не разговаривала. Не могла бы ты просто стонать, а?

Дорис послушно застонала.

- Нет, не так, ты мычишь, а не стонешь, - сказал Чач. - Ты должна стонать как бы от боли.

- Я понимаю, сир. Но вы же до сих пор не сделали мне больно. Даже это «прокрустово ложе», где я распростерта, обнаженная, открыв все свои отверстия вашим жадным взорам...

- Ради Бога! - поморщился Чач.

- Я хочу сказать - даже это ложе, на котором я так сладострастно распростерта, недостаточно жестко, чтобы причинить мне какую-нибудь боль, хотя я изо всех сил стараюсь ее симулировать. Самое смешное, что боль...

- В боли нет ничего смешного, - прервал ее Чач. - Боль мучительна.

- Да, конечно. Но она же и возбуждает. Когда мы начнем истязания?

- Когда я начну! - взревел Чач. - Вот в чем вопрос! Сколько раз тебе повторять - это мое шоу, и только мое, а ты...

- Да, да, - согласилась Дорис, застав не то от страха, не то от страсти. - Знаете, а вы ужасно симпатичный. В вас есть что-то мальчишеское. И мне нравится, как вы щурите глаза, когда сердитесь.

Чач зашагал по камере пыток, держа сигарету в трясущихся пальцах. Противная девчонка все испортила. Какого черта она не ведет себя как положено?

Тут дверь со скрипом отворилась, и в камеру вошел Вителло. На голове у него была охотничья фетровая шляпка с когтем канюка, кокетливо засунутым за ленту. Куртка, синяя, как яйца ласточки, была опоясана широкой портупеей цвета копченой говядины. Оранжевые башмаки из кожи ганзера с загнутыми вверх носами, импортированные из совершенно другого сюжетного поворота, довершали ансамбль. Рядом с ним стояли Хельга и Фафнир.

- Эй, вы там! - сказал Вителло.

- Заколебал ты меня своими «эй», - отозвался Чач. - Какие новости привез?

- Звезды, милорд, движутся предначертанным курсом, а в мирах, заселенных людьми, времена года идут своей чередой: весна сменяется летом, лето - осенью...

- Клянусь, Вителло, ты рискуешь вызвать мое сильнейшее неудовольствие своим эпическим зачином.

Вителло усмехнулся украдкой, поскольку в данный момент он был незаменим для принца Чача, которому не с кем больше было обсудить свои дела.

- Не зарывайся, понял? - сказал Чач, прочитав его мысли. - В замке полно слуг, готовых денно и ночью выслушивать мои lamentации, буде я того пожелаю.

- Но это не принесет вам удовлетворения, сир, - возразил Вителло. - Ваши излияния не продвинут сюжет ни на шаг и как пить дать набьют вам оскомину.

- Вы можете поговорить со мной, - с надеждой предложила Дорис.

- К делу, - сказал Чач. - Вителло, ты в состоянии перестать кривляться хоть на минуту и рассказать мне по-человечески, какие новости ты привез?

- Так точно, сир! А новости хорошие. Я успешно провел переговоры с Хальдемаром. Отныне он ваш союзник, сир, и готов вместе с вами напасть на Глорм.

- Новости и впрямь замечательные! - воскликнул Чач. - Наконец-то события поворачиваются туда, куда я хочу. Выпьем! Мы все должны за это выпить!

Выпивку тут же нашли, а Дорис отвязали, чтобы она смогла принять участие в торжестве. На нее также набросили купальный халат, ибо она привлекала к себе чересчур большое внимание.

Через несколько тостов в камеру вбежал граф Джон.

- Хальдемар здесь! - крикнул он.

- Ну и отлично, - сказал Чач. - Он наш союзник, дядя.

- Но эти люди с ним...

- Свита, надо полагать.

- Да, но их тысяч пятьдесят, если не больше! - сказал Джон. - И они высадились на моей планете без разрешения! Чач обернулся к Вителло:

- Ты позволил этому варвару высадить войска?

- Нет, конечно! Я был категорически против. Но что я мог поделать? Хальдемар уперся, что будет сопровождать меня на Карминосол со своим флотом. Поскольку они наши союзники, я не в силах был запретить им высадиться. Мне удалось лишь уговорить их приземлиться не в столице, а в Потешном парке соседнего курортного городка.

- Но я не желаю, чтобы они здесь оставались! - сказал Джон. - Может, просто поблагодарим их, угостим хорошим ужином и отправим до поры до времени домой?

Тут в камеру ворвалась Анна с мертвенно-бледным лицом.

- Они расползаются по окрестностям, напиваются и пристают к женщинам! Я отвлекла их бесплатным катанием на «русских горах», но не знаю, надолго ли.

- Дядя! - сказал Чач. - Есть только один способ убрать их с планеты. Вы должны послать свои звездолеты в атаку против Глорма. Хальдемар последует за вами.

- Нет, - заявила Анна. - Нам и с Лекком-то война не по карману, не говоря уже о Глорме.

- Захватив Глорм, вы сразу разбогатеете, - сказал Чач.

- Ничего подобного, - возразила Анна. - Большую часть добычи поглотит добавочный налог на захваченное имущество. К тому же Хальдемар может наложить свою лапу на Глорм и оставить нас с носом. Откровенно говоря, я не думаю, чтобы кто-то из вас хотел иметь своим соседом Хальдемара.

Они заспорили, а Дорис тем временем заварила чай и вышла за сигаретами и бутербродами. К вечеру Хальдемаровы воины совершенно разорили окрестности курортного городка. Растущий поток беженцев хлынул из предместий, наводя на окружающих ужас рассказами о том, как белокурые берсерки в звериных шкурах заселяют бесплатно коттеджи, выписывают счета за номера в отелях и дорогие обеды на имя несуществующих персонажей, гоняют по округе на мотоциклах (поскольку ванирцы никогда не расстаются со своими мотоциклами) - в общем, хулиганят как могут. Подталкиваемый и вынуждаемый обстоятельствами, граф Джон снял с якоря свой флот. Хальдемар с трудом уговорил своих воинов вернуться на корабли, соблазнив их будущими трофеями. Вскоре оба флота встретились в космосе и занялись последними приготовлениями к большой кампании против Глорма.

Глава 30

Принц Чач не сразу покинул планету. В этом не было нужды, ибо нападение на Глорм не могло состояться, пока корабли Карминосола и Ванира не проведут совместных маневров и не решат проблем процедуры и приоритета. Когда эти скучные материи будут наконец улажены, принц Чач присоединится к флоту со своим собственным войском - эскадрой киборгов-киллеров, приобретенных недавно на антигонской распродаже. И тогда пойдет потеха! Чач живо представил,

как он сражается с окровавленной повязкой на лбу во главе эскадрона, огненным мечом и вибраторной булавой пробивая себе путь сквозь редяющие ряды защитников Глорма, и добирается в конце концов до Ультрагнолла. Там он с боем возьмет комнату за комнатой, коридор за коридором, пока не столкнется лицом к лицу с Драмоклом и не загонит старого подонка в угол. О славный миг! Все, затаив дыхание, будут смотреть, как Чач победит Драмокла в искусном поединке на саблях. После чего он убьет короля - или же просто разоружит с презрением, даровав ему жизнь. Все будет зависеть от настроения.

Дни медленно тянулись, пока союзный флот отрабатывал правые повороты и повороты кругом. Вителло выполнил клятву, данную перед алтарем, и сводил Хельгу на рок-концерт в знаменитый Спигни-холл в столице Карминосола. Концерт давала группа с Лекка под названием «Снежок». Руководитель группы утверждал, будто он не кто иной, как Джим Моррисон, знаменитый земной рок-певец 60-х годов двадцатого столетия, однако повесть о том, как он очутился с группой на Карминосолле, вместо того чтобы лежать в Париже на кладбище Пер-Лашез, слишком длинна, чтобы в нее углубляться. Кем бы ни был «Джим Моррисон» на самом деле, песня «Хрустальный корабль», по отзыву музыкального критика «Карминосольского тайме» Гальбы Дэвиса, звучала в его исполнении «за гранью подражания». Хельга сказала, что она «в совершенном отпаде» - это был величайший комплимент, какой ей удалось придумать. Похоже, поспешный брак Вителло оказался более удачным, нежели можно было ожидать.

Фафнир наслаждался радушным приемом племени троллей, живших в глухих Фиерских холмах на севере Карминосола. Там они обменивались друг с другом заклинаниями, напивались и вспоминали о старых добрых временах, когда миром правила магия, а наука ограничивалась трехмерной геометрией и зачатками физики. Чач попытался было попытать Дорис еще разок, но вдохновение покинуло его, а помощи от этой девчонки ждать не приходилось. Когда ее отвязывали от ложа, Дорис подметала камеру пыток, делала бутерброды с огурцами, стирала пыль с угрюмых портретов бывших карминосольских монархов и непрерывно болтала. Чач всегда отвечал ей вежливо, поскольку считал, что садистские наклонности не оправдывают дурных манер. Да и был ли он садистом на самом-то деле? Мысли о боли как-то перестали его занимать. Он искренне наслаждался, наставляя Дорис в искусстве ведения домашнего хозяйства и читая ей нотации по поводу вечного отсутствия чистых рубашек и неровно подстриженных усов. И, втайне презирая себя за это, блаженствовал в дремотном покое домашнего очага.

Но неожиданно покою пришел конец. Граф Джон известил принца о том, что флот отправится к Глорму через двенадцать часов. Впереди была смерть или слава, а может, и еще какая-нибудь альтернатива. Время действий наконец пришло.

В последний вечер на Карминосоле Чач решил отметить день рождения Дорис. Пришли Вителло с Хельгой, из Фиера прилетел Фафнир. После обеда стали вручать подарки.

Вителло преподнес новорожденной миниатюрный замок из марципана с четырьмя хорошенькими жемчужинами на каждой из башен. Хельга подарила попугая, умевшего декламировать начальные строфы «Гайаваты» Лонгфелло. Фафнир вручил Дорис старинную книгу сказок, которыми тролли-мамы пугают троллей-детей. Начиналась книга такими словами: «Как-то раз детка-троль ушел от своей мамочки на лесную поляну, где люди ели вареных деток и смеялись».

Чач приготовил для Дорис два подарка. Первым была шкатулка с драгоценностями. Вторым - свобода, ибо Дорис по закону считалась рабыней. Мать ее была свободной гражданкой Аардварка, но ее взяли в плен налетчики и продали графу Джону. Поскольку Анна все равно не разрешила бы графу использовать хорошенькую полонянку так, как ему хотелось, он отдал ее Чачу на поругание, рассудив, что чужое удовольствие, лучше никакого.

Две слезинки застыли в голубых глазах Дорис, когда она прочла пергамент о даровании гражданства. Затем, открыв шкатулку, девушка залюбовалась драгоценными камнями, восклицая при виде их великолепия. Один пленил ее особенно - бриллиант-солитер в тонкой золотой оправе.

- Милорд, - сказала Дорис, - это колечко так похоже на обручальное! Чач нахмурился, хотя явно чувствовал себя польщенным.

- Да, похоже, - проворчал он.

- А можно я буду иногда воображать, будто оно и в самом деле обручальное?

Чач закусил кончик уса. Желтоватое лицо его залилось румянцем.

- Дорис! - сказал он. - Ты можешь воображать себе, что мы обручены, и я буду воображать то же самое. Она задумалась на несколько мгновений.

- Но, милорд, разве в таком случае воображаемое не станет правдой?

- А может, я этого и хочу? - отозвался Чач, смущенный, но гордый собою. - Только учти: забудешь выстирать к моему возвращению рубашки - и помолвка будет расторгнута.

Вителло, Хельга и Фафнир поздравили счастливую молодую пару. А потом пришла пора прощаться.

Друзилла встретила с Руфусом в условленном месте - на планетоиде Анастрагоне, что на полпути между Глормом и Друтом. Когда-то Анастрагон принадлежал безумному королю Друта Бидоку, который построил там охотничий домик, но так и не удосужился завезти на планетоид зверей и кислород. Воздух на Анастрагоне был только в охотничьем домике. Маленький планетоид имел еще одну особенность: он был невидим. Бидок выкрасил его до последнего камушка краской «нондетекто» - продуктом древней науки Земли, отражавшим все волны видимого спектра и вдобавок водонепроницаемым. Правда, краска уже сильно пооблезла. Со стороны Анаэтрагон казался скопищем островков вулканической породы, непостижимым образом державшихся в космосе на одном и том же расстоянии друг от друга.

Руфус был уже в домике, когда прилетела Друзилла. Он любил Анастрагон, поскольку здесь хранилась его коллекция игрушечных солдатиков, самая большая в Галактике. Друзилла застала его на кухне, где Руфус восстанавливал на полу картину битвы при Ватерлоо.

Командующий Руфус представлял собой типичный продукт антигонского военного колледжа. Он был храбрым, преданным, бесхитростным и, пожалуй, чуточку туповатым. Внимание командующего к мелочам было хорошо известно солдатам, которые его обожали. Они любили повторять, что Руфус способен обнаружить пыль даже на кончике палимпара. А среди офицеров гуляла дежурная шутка, что Руфус даже в пылу любовного экстаза не перестает думать о триолатрии и ее взаимосвязи с полевым и тыловым обеспечением.

Руфус мастерски играл в спортивные игры и был настоящим асом криалака, старинной глормийской игры с тремя мячами, дубинкой и маленькой зеленой сетью. В общем, он казался человеком простым и предсказуемым.

- Привет, дорогой, - промолвила Друзилла, скинув с головы горностаевый капюшон.

- Ага, - сказал Руфус, увлеченный построением армии маршала Неяв. Руфус не обращал никакого внимания на Друзиллу, когда они оставались наедине, и это ее возбуждало.

- Ты меня любишь? - спросила Друзилла.

- Ты знаешь, что да, - ответил Руфус.

- Но ты никогда мне этого не говорил.

- Ну, значит, теперь говорю.

- Что говоришь?

- Ты сама знаешь что.

- Нет, скажи мне.

- Черт побери, Друзилла, я люблю тебя. И прекрати ко мне цепляться, слышишь!

- Ладно, сегодня больше не буду, - сказала Друзилла, наливая себе в фужер зеленое с пурпурным отливом вино из Мендосино.

- Что ты хотела со мной обсудить? - спросил Руфус. - Твоя просьба о встрече смахивала по тону на приказ.

- Дело действительно срочное, - сказала Друзилла. - Буду говорить без обиняков. Как ты смотришь на то, чтобы предать Драмокла?

- Предать Драмокла? - Руфус издал неуверенный смешок. - Чертовски странное предложение из уст его любимой дочери, адресованное его лучшему другу Ты вечно твердишь мне, что я не понимаю юмора. Это шутка?

- К сожалению, нет Я предлагаю это на полном серьезе как единственное средство спасти Драмокла, да и всех нас, от гибели в межпланетной войне. Будь он сейчас в здравом уме, Драмокл и сам бы согласился, что в подобных обстоятельствах предательство оправданно.

- Но мы же не можем спросить его об этом? - поинтересовался Руфус, наматывая ус на палец.

- Конечно, нет. Будь он в здравом рассудке, нам и спрашивать бы не пришлось.

Внутреннее смятение Руфуса выразилось в том, что он рассеянно взял за голову Веллингтона и утопил его в Ла-Манше. Дернув себя пребольно за ус, Руфус сказал:

- Некрасиво это будет выглядеть, дорогая моя.

- Я проконсультировалась с мистером Дойлем, твоим специалистом по связям с общественностью. Он заверил, что в случае необходимости сумеет сделать так, чтобы население Местных планет воспринимало тебя как спасителя, а не предателя.

- У Брута тоже были самые благородные побуждения, когда он присоединился к заговору против Юлия Цезаря. Однако имя Брута стало синонимом предательства.

- Это потому, любовь моя, что у него не было пресс-агента, - сказала Друзилла. - Марк Антоний настроил против него общественное мнение. Но мистер Дойль никогда не позволит, чтобы такое случилось с тобой, иначе он вылетит с работы.

Руфус мерил кухню шагами, сжав ладони за спиной.

- Нет, не могу. Если я предаю своего друга Драмокла, я до конца своих дней себе этого не прощу.

- По поводу угрызений совести, - сказал Друзилла, - я взяла на себя смелость проконсультироваться с твоим психиатром, доктором Гельфуттом По его мнению, у тебя достаточно силы духа, чтобы пережить кратковременное чувство вины В худшем случае совесть будет

мучить тебя где-то около года, но этот срок можно сильно сократить с помощью наркотиков. Доктор Гельтфут просил меня подчеркнуть, что он ни в коем случае не дает тебе советов, как поступать. Он просто констатирует, что ты можешь предать Драмокла без особого психологического ущерба для себя, если сочтешь, что этого требуют обстоятельства.

Руфус заметался по кухне еще быстрее. Солдафонские черты его исказились болью и нерешительностью.

- Неужели это неизбежно? - спросил он. - Чтобы Драмокл, благороднейшей и нежнейшей души человек, был предан двумя людьми, которые любят его больше всех? Почему, Дру, объясни мне, почему?

По щекам у Друзиллы катились слезы:

- Потому что только так мы можем спасти его и Местные планеты.

- И другого способа нет?

- Никакого.

- Можешь ты мне объяснить, каким образом мое предательство нас спасет?

- Дорогой мой, боюсь, это выше твоего понимания. Неужели ты не веришь мне на слово?

- - Ну хоть в общих чертах объясни, я пойму!

- Ладно. Ты знаешь, Руфус, что великую нравственную ось Вселенной крайне трудно сдвинуть с точки опоры, которая находится в сердцах людей. Но если ось эта придет в движение, перемены неминуемы. Мы с тобой, Руфус, стоим сейчас в точке вращения, а все сущее замерло на краю катастрофы, не желая ее, но не в силах ее предотвратить. Два мощных флота - тупорылые истребители против кольчатых штурмовиков - застыли в ожидании приказа, и Смерть, злорадная шутница, встряхнув игральные кости войны, бросает взор насмешливый последний на суету людскую, прежде чем...

- Ты была права, - сказал Руфус. - Я не понимаю. Придется мне поверить тебе на слово. Ты говоришь, я должен предать Драмокла. Как мне сделать это?

- Военные действия неизбежны, - сказала Друзилла. - Драмокл обязательно вовлечет в них тебя. Он попросит, чтобы ты сделал что-то с флотом Друта.

- Ну да, и дальше что?

- О чем бы он ни попросил, соглашайся, а потом сделай наоборот.

Руфус нахмурился от напряжения.

- Наоборот, говоришь?

- Вот именно.

- Наоборот, - повторил Руфус. - Ладно, по-моему, я понял.

Друзилла положила ему на руку ладонь и спросила своим низким, волнующим голосом:

- Можем мы рассчитывать на тебя, Руфус?

- Мы?

- Я и цивилизованная Вселенная, дорогой.

- Верь мне, любовь моя.

Они обнялись. И вдруг Друзилла вздрогнула:

- Руфус! Там в окне - лицо!

Руфус развернулся, молниеносно выхватив иглолучевик. Но ничего не увидел в двойном застекленном окне, кроме обычных парящих кусочков анастрагонского пейзажа.

- Да нет там никого, - сказал он.

- Но я же видела! - упорствовала Друзилла. Руфус надел скафандр, включил внешнюю систему освещения планетоида и вышел наружу. Вернувшись, он покачал головой:

- Там ни души, дорогая.

- Но я видела лицо!

- Тебе, должно быть, померещилось со страху.

- Ты все проверил? Следов от колес звездолета тоже нет?

- Следы там действительно есть.

- Ага!

- Но это следы от наших собственных катеров. - Наверное, у меня просто нервный срыв, - сказала Друзилла с дрожащим смешком. - Скорей бы все это кончилось!

Они поцеловались, Друзилла села в свой космический катер и отправилась в Истрад.

Руфус задержался на Анастрагоне чуть дольше. Он поджарил себе на газовом рожке зефира, насадив его на кончик шпаги и раздумывая о том, что сказала Друзилла. Хорошая она девочка, Друзилла, только чересчур серьезна и склонна к истерикам. Все это ерунда на постном масле. Руфус и не думал предавать Драмокла. Если на то пошло, он лучше погибнет вместе с Драмоклом и со всей Вселенной в пламени атомного костра, но дружбы своей не предаст. Хотя до этого не дойдет. Кто-кто, а Драмокл умеет таскать зефир из огня - вернее сказать, каштаны. Дру поймет, как она заблуждалась, если, конечно, они останутся в живых.

На самом деле Руфус был не прочь повоевать - так же, как и его друг Драмокл.

Глава 32

В полутемной Военной палате Ультрагноллского дворца царило напряженное ожидание. Экраны мониторов пестрели крошечными

блестящими кораблями, шедшими за рядом ряд. Два космических флота сближались в бескрайнем пространстве. С одной стороны - звездолеты Руфуса, построенные стройной фалангой. Они были неподвижны и готовы к бою, застыв на линии космической границы Друта. Неприятель надвигался на них двойным клином Супердредноуты Джона находились на правом фланге и в центре, кольчатые суда Хальдемара - слева. Драмокл видел, что вражеский флот значительно превосходит войско Руфуса. Джон пустил в ход все свои резервы. Помимо судов регулярного флота, на экране виднелись громоздкие грузовые корабли, оборудованные ракетными установками, скоростные гоночные яхты с наспех присобаченными торпедами, экспериментальное судно с выпуклыми лучевыми прожекторами. Джон собрал все, что только могло оторваться от планеты и присоединиться к флоту.

Полиэкранное оборудование, доставшееся в наследство от древних, позволяло Драмоклу не только наблюдать, но и слушать разговор между Руфусом и графом Джоном.

- Привет, Руфус, - сказал граф Джон с деланной небрежностью.

Руфус, сидевший в центре управления, нажал на кнопку точной настройки.

- Привет, Джон, привет В гости пожаловал, да?

- Точно, - сказал Джон - И друга с собой привел. На другом экране появилась лохматая голова Хальдемара.

- Здорово, Руфус. Сколько лет, сколько зим!

- Да, давненько не видались, - строгая перочинным ножом ивовую ветку, откликнулся Руфус. - Как дела на Ванире, дружище?

- Как обычно, - сказал Хальдемар - Солнца мало, холодрыга, ни тебе промышленности, ни приличных баб.

- Да, жизнь у вас там суровая. А как с тем большим проектом, что был предусмотрен для Ванира?

- Ты имеешь в виду «Шлигте продакшнз»? Они собирались снимать у нас свой эпохальный военный боевик «Бобовые солдаты» Для моих парней там, конечно, нашлась бы работенка, да только съемки отложили на неопределенный срок.

- Да, - сказал Руфус - Таков шоу-бизнес. Непринужденный дружеский разговор о том о сем не мог, однако, скрыть напряжения, пробивавшегося сквозь небрежно роняемые слова подобно тому, как пробивается стальная нить накаливания сквозь набитую волокнистым наполнителем про-, кладку. Наконец Руфус сказал:

- Что ж, приятно было поболтать с вами, друзья. Могу ли я чем-то вам помочь?

- Ну разумеется, Руфус, - ответил Джон. - Мы просто идем вдвоем дорогой на Глорм У нас и в мыслях нету ссориться с тобой. Я и мои ребята будем очень признательны тебе, если ты попросишь своих ребят посторониться и дать нам пройти.

- Мне очень жаль, - сказал Руфус, - но, боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу.

- Ты прекрасно знаешь, Руфус, что мы пришли сюда разобраться с Драмоклем, - сказал Джон. - Пропусти нас. Тебя это не касается.

- Одну минутку. - Руфус повернулся к боковому дисплею, в электронную схему которого был встроен двойной шифратор, и спросил у Драмокла: - Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Драмокл взглянул на дифференциальный акселеромер. Судя по его показаниям, звездолеты Джона и Хальдемара потихоньку ползли вперед - еле-еле, не спеша, но все-таки неумолимо приближаясь к фаланге Друта.

Драмокл уже велел своим собственным судам занять круговую оборону по периметру Глорма. С Руфусом он договорился, что тот будет удерживать позицию и ждать дальнейших приказаний. И тут, за спиной короля послышался шум перебранки. Часовые спорили с человеком, пытавшимся проникнуть в Военную палату. Драмокл обернулся и увидел Макса. С ним была какая-то женщина.

- В чем дело? - спросил Драмокл.

- Вы уже отдали Руфусу приказ? - торопливо крикнул Макс. - Нет? Слава Богу! Сир, вы должны выслушать меня и эту молодую леди. Вас предали, милорд!

Неприятельский флот находился пока вне досягаемости для Руфусовых ракет. А значит, немного времени еще оставалось.

- погоди-ка, Руфус, - сказал Драмокл. - Я свяжусь с тобой через минуту. - Король повернулся к Макс. - Входи. Надеюсь, Макс, что это не очередной плод твоей буйной фантазии. Как звать твою подружку?

- Меня зовут Сорочка, - сказала девушка.

Глава 33

Пока происходили все эти события, -Друзилла сидела в своем замке в Истраде и думала. С Анастрагона она напрямик направилась домой. Настроение у нее в пути совершенно упало. Праведный гнев, вдохновлявший ее во время разговора с Руфусом, куда-то испарился. Она не могла понять, почему с такой готовностью поверила Чачу, хотя прекрасно знала о его ненависти к Драмоклу и неистребимой склонности

ко лжи. Правильно ли она поступила? Убежденность покинула принцессу, и навалилась такая хандра, что терпеть ее не было мочи. К счастью, у ее психиатра, доктора Эйгенлихта, оказалось в тот день «окно».

Сеанс прошел чрезвычайно плодотворно. Друзилла поведала Эйгенлихту обо всем, что она наделала и почему, и тут же забилась в истерику.

Эйгенлихт подождал, пока она успокоится. Затем закурил коротенькую и толстую черную сигару, сплел свои коротенькие и толстые черные ножки и заявил:

- Моя дорогая, это же настоящий духовный прорыв! Осознав истинные побуждения своего брата, вы не можете не понять своих собственных подсознательных побуждений, толкнувших вас с такой готовностью принять его предательский план. Теперь вы видите, что ваша знаменитая любовь к дорогому папочке служила всего лишь ширмой для тайной злости и жажды мщения.

- Но я люблю его! - простонала Друзилла.

- Конечно, вы его любите. Но и ненавидите тоже. Амбивалентность налицо. Да и могло ли быть иначе? Вспомните свое детство, подумайте о бесчисленных Драмокловых подружках! Папочка никогда не хотел позабавиться с малышкой Дру, верно? Малышка Дру мечтала быть папочкиной подружкой, но ее коварный папочка всегда, обращался с ней как с ребенком и развлекался на стороне. Тем самым он посеял в вашей душе чувство бешеной ярости, неприемлемое для вашего сознания. Пытаясь сублимировать это чувство, вы ударились в религию, сиюсь направив вашу разрушительную энергию в русло высших материй. Вы и Руфуса полюбили по той же причине. Руфус - воплощенное самообладание, своего рода копия вашего отца, человек, не лишенный страстей, но не испытывающий страсти к вам. Как только у вас появился шанс отомстить Драмоклу, ваш рассудок, этот тайный прислужник вероломства, прикрыл ваши мстительные чувства вуалью благородных и возвышенных побуждений.

- Ах, доктор, - сказала Друзилла, - наверное вы правы. Мне так стыдно!

- Ерунда. Такие чувства испытывает каждый второй. Вы совершили блестящий прорыв, моя дорогая, и должны гордиться собой. Это победа вашего «эго»! Лишив свой застарелый комплекс питавшей его ядовитой энергии, вы наконец полюбите отца по-настоящему.

- Ах, доктор Эйгенлихт, вы снова правы! - сказала Друзилла, улыбаясь сквозь слезы. - Я словно сбросила с плеч невыносимо тяжелое бремя. Вы понимаете, что я имею в виду?

- Чего ж тут не понять? - откликнулся доктор Эйгенлихт. - Вы только не забывайте, что это всего лишь первая вспышка прозрения. Нам с вами предстоит еще немало потрудиться, дабы закрепить вашу победу.

- Да, конечно, - сказала Друзилла.

- Наше время почти истекло. В четверг на будущей неделе вам подходит?

- О Господи! - спохватилась Друзилла. - Я совсем забыла! Мы же на пороге войны!

- Да? И какие ассоциации у вас это вызывает?

- Нет, доктор, я говорю о реальном положении. Мне необходимо срочно увидеться с отцом и Руфусом. Надеюсь, я еще успею предотвратить гибель цивилизации!

Доктор Эйгенлихт спокойно улыбнулся ей и расплел свой коротенькие и толстые черные ножки.

- Так, значит, если цивилизация не погибнет, - сказал он невозмутимо, - жду вас через неделю в тот же час.

Глава 34

- Макс! - сказал Драмокл. - У меня нет времени на Тлалока. Вот-вот начнется настоящее сражение.

- Знаю, сир, - сказал Макс. - Поэтому я и пришел. У меня для вас совершенно сногшибательная новость, напрямую касающаяся войны. Речь идет о предательстве.

- Предательстве? Военном?

- Да, милорд!

- Кто?

- В том-то вся и печаль, - сказал Макс. - Леди Сорочка представила мне неопровержимые доказательства того, что Руфус собирается предать вас в предстоящем сражении.

- Руфус, говоришь?

- Так точно, сир.

- Идем со мной, - сказал Драмокл.

Он провел Макса с девушкой в свободный кабинет, где стояли две продавленные тахты, несколько складных деревянных стульев и стол, заваленный кучами пыльных ксерокопий. Драмокл предложил им сесть. Потом налил из крана чашку «капуччино» и повернулся к Максусу:

- Доказательства должны быть более чем убедительными, иначе я насажу твою башку на пику, как только мне принесут ее со склада.

- Давай свою кассету, девушка, - обратился Макс к Сорочке.

Сорочка открыла сумочку и протянула королю крошечный кассетник. В нем была одноразовая кассета «репроно». Запись на такую кассету

(изобретение землян) можно было сделать только раз и прослушать тоже. Любая попытка скопировать запись или прокрутить ее повторно приводила к тому, что на «репроно» оставались лишь шипящие звуки помех, прерываемые старыми сводками погоды.

Драмокл прослушал пленку, запечатлевшую весь разговор между Руфусом и Друзиллой в охотничьем домике Анастрагона. Лицо короля исказилось гневом и изумлением.

- Предан! - сказал он наконец. - Своей любимой дочерью и лучшим другом!

Он зашатался и, наверное, упал бы, не подхвати его Макс и не усади в брезентовое режиссерское кресло. На спинке кресла было написано: «Драмокл Rex <Король (лат.)>. Другого козла отпущения не ищите».

- О нежданный удар беспощадных богов! Красноглазое горе настигло меня, ибо лучший мой друг - нет, не друг, а двуликий изменчивый Янус, - злу предавшись, посмел посягнуть...

- Вы, наверное, хотели сказать «Руфус», - перебил его Макс.

Глаза Драмокла полыхнули огнем. Стража, правильно истолковав его взгляд, подбежала и схватила Макса. Слишком поздно до несчастного дошло, что он преступно прервал монолог, произносимый протагонистом в момент душевного потрясения. Такое преступление каралось смертью. Макс пытался что-то сказать, но слова застревали у него в горле. Он пал на колени, сложив молитвенно ладони на груди.

- Черт с ним, отпустите его! - проворчал Драмокл, обращаясь к страже. - Я произнесу речь потом, пользуясь своим правом короля, протагониста и трагического героя. А сейчас у нас есть другие дела. Стало быть, Руфус предаст меня, выполнив мой приказ наоборот? Дайте сюда телефон!

Как только наладили связь, Драмокл закричал:

- Руфус! У тебя все в порядке?

- Все в норме, сир.

- Неприятель?

- Постепенно приближается.

- Не преграждай им дорогу, Руфус. Отведи свои корабли и пропусти их.

- Но куда, сир? До самого Глорма? У вашего флота не хватит сил, чтобы отбросить косматых ванирских берсерков с прилизанными карминосолевскими клерками в придачу.

- Это военная хитрость, не бойся.

- Значит, ты размолотишь их, старина?

- Да, и проглочу вместе с костями, - сказал Драмокл, скрипнув зубами.

- Ты можешь изложить мне свой план?

- Не по телефону. Верь мне, дружище. В нужный момент и ты сыграешь свою роль.

- Ладно, - сказал Руфус. - Пусть будет так, как ты хочешь.

Драмокл повесил трубку.

- О'кей. Раз я велел ему пропустить врагов, значит, чтобы предать меня, он должен будет их задержать. Таким образом я выиграю время, чтобы перегруппировать суда и составить план контратаки...

- Драмокл! - сказала Сорочка.

- Что тебе, девушка?

- Вы можете сделать кое-что получше.

- А именно?

- Заключить мир. На любых условиях, главное - мир!

- Боюсь, уже слишком поздно, - сказал Драмокл. - А кроме того, такова моя судьба.

- В том-то и дело! - выпалила Сорочка. - Это вовсе не ваша судьба! Это чья-то чужая судьба! Вами манипулируют, Драмокл, вас обманывают и морочат! Вы считаете, будто сами распоряжаетесь собой, но на самом деле вас тайно направляет кое-кто другой, принуждая действовать вопреки вашим сокровенным желанием, чтобы достичь исполнения своих!

- И кто же этот таинственный персонаж?

- Тлалок!

Драмокл внимательно взгляделся в ее искренние голубые глаза.

- Дорогая моя, - сказал он ласково, - у меня нет времени на обсуждение заговоров. Тлалока не существует. Его придумал Макс.

Девушка энергично замотала головой:

- Макс и сам так считал поначалу, пока не прозрел. Дело в том, что имя ему подсказал сам Тлалок, передав внушение с помощью астральной телепатии с той планеты, где он живет.

- Бред какой-то! Что за планета, о чем ты говоришь?

- О Земле, милорд.

- Земля лежит в руинах.

- Я не имею в виду ту самую Землю, - сказала Сорочка. - Земля существует в бесчисленных количествах, каждая на своем уровне реальности. Как правило, пересечь границу этих уровней невозможно. Но в данном исключительно» случае между Глормом и Землей образовалась связь. Их связывает червоточина в космической пене.

- Ничего не понимаю, - сказал Драмокл. - Зачем нам все эти сложности? И вообще, откуда у тебя такая информация?

- Я сама с той Земли, король. Я могу представить вам доказательства, но это займет слишком много времени. Молю вас пока поверить мне на

слово. Тлалок существует, и он обладает великой магической силой. Ему нужен Глорм, поэтому он заставляет вас плясать под свою дудку.

Драмокл посмотрел на ближайший монитор, но увидел лишь беспорядочный хаос разноцветных точек и мигающих черточек. Космические суда маневрировали, и ситуация пока оставалась неясной.

- Хорошо, - сказал Драмокл. - Кто ты такая? Что здесь происходит, черт побери?

Глава 35

Сорочка рассказала Драмоклу, что родилась на Земле, в Плейнфилде, штат Нью-Джерси, лет двадцать шесть тому назад. Тогда ее звали Мира Грицлер. Нормальная во всех прочих отношениях, Мира, к несчастью, в шестнадцать лет весила 226 фунтов. Винойю было какое-то нарушение обмена веществ, с которым не могли справиться земные врачи и которое исчезло само собой через десять лет, когда Мира переправлялась по космической червоточине с Земли на Глорм. Но в ту пору она об этом, естественно, не знала. В шестнадцать лет она была одинокой толстой девочкой и первой ученицей в классе. Одноклассники смеялись над ней и никогда не приглашали на пижамные вечеринки.

Жизнь казалась беспросветной, пока не свела ее с семнадцатилетним Роном Баглитом. Высокий, костлявый и рыжий, он был обаятелен и как-то по-деревенски добродушен с виду. Он был президентом школьного компьютерного клуба. Он был почетным гостем первого съезда фанов научной фантастики Северной Кореи в Пхеньяне. Он даже издавал свой журнал под названием «Действие на расстоянии: журнал, посвященный изучению невидимых сил, которые формируют нас». Рон был поклонником теории заговоров. Он верил, что на историю человечества оказывают влияние тайные силы и скрытые факторы, не признаваемые «официальными» историками. Многие люди в Америке верили в нечто подобное, но Рон не верил тому, чему верили они. Он глядел на большинство поклонников теории заговоров свысока, как на легковверных и наивных простаков. Эти людишки верили в Атлантиду, Лемурию, в дерев, живущих в подземных пещерах, в маленьких зеленых человечков с Марса - словом, в любую мало-мальски правдоподобную чушь. Легковверными людьми манипулировал некий высший разум, и действия его были сокрыты от всех, кроме самых проницательных. Фальшивый заговор был отличным прикрытием для заговора настоящего.

Рон верил, что высший разум периодически манипулировал человечеством на протяжении всей писаной истории. По его мнению,

это продолжалось и поныне. Он даже догадывался, кто стоит во главе заговора.

Все следы, обнаруженные Роном за несколько лет, вели к одной организации - мощной корпорации под названием «Тлалок, инкорпорейтед» Мира приняла участие в расследовании Рона. Они находили все новые и новые доказательства влияния Тлалока на самых высоких уровнях общества. Начинал вырисовываться образ огромной тайной корпорации, захватывающей власть с помощью коррупции и психического контроля. «Тлалок, инкорпорейтед» умела привлекать к себе людей и вербовать сторонников. Работавшие на компанию люди, казалось, понимали друг друга без слов. Умные и высокомерные, они презирали всех, кроме своего лидера, таинственного и скрытного Тлалока.

Продолжая расследование, Рон с Мирой нашли немало свидетельств растущего влияния оккультизма. Один из новоиспеченных чиновников Тлалока, давший им интервью, намекнул даже, что долгожданное слияние науки и магии не за горами и что Тлалок будет управлять новым миропрядком. Позже, когда его спросили об этом еще раз, чиновник заявил, что не говорил ничего подобного, и пригрозил им судебным иском за клевету.

Скоро Мира поняла, что организация наслышана о них с Роном и недовольна. Местная полиция стала преследовать их. У Рона без объяснений отобрали лицензию на уличную продажу шоколадного печенья Мире постановлением суда было запрещено продавать макраме, пока она не докажет, что все ее веревки сделаны в США. Начались телефонные звонки с непотребной руганью, а затем и с прямыми угрозами.

Когда положение стало совсем отчаянным, их навестил вежливый человек лет шестидесяти со слуховым аппаратом и в полосатом костюме. Он представился как Джаспар Коул из Эврики, штат Калифорния, бывший производитель протезов, ныне на отдыхе. Коула и его друзей беспокоило растущее могущество «Тлалок, инкорпорейтед», но они не знали, как с ним бороться, пока не прочли в газете статью о Соне и Мире. Джаспар Коул пришел, чтобы предложить им финансовую поддержку в дальнейших изысканиях по разоблачению личности Тлалока и подлинных целей его организации.

Угрозы и притеснения сделались совсем уже наглыми, и Рон с Мирой, опасаясь за свою жизнь, ушли в подполье. Именно тогда Мира переменяла имя и стала Сорочкой. Работая на заброшенном складе в городе Уичито, штат Канзас, они с Роном собрали все недостающие доказательства самой большой аферы Тлалока - покупки услуг мафии на десять лет вперед.

Не вняв советам Миры, Рон передал доказательства в местную штаб-квартиру ЦРУ. Его вежливо поблагодарили и обещали вскоре с ним связаться. А через два дня Рон умер. Единственным свидетельством нечистой игры были зеленые пятнышки у него на ногтях, названные в официальном отчете «идиопатической аномалией». Но Сорочка знала, что такие пятнышки появляются от новейшего яда КЛАКА-5, бывшего на вооружении у ЦРУ.

Продолжая работать без Рона, Сорочка нашла помощь и поддержку у фанов научной фантастики всей страны. Окультистские группы, занимавшиеся белой магией, тоже помогали ей. И, словно благодаря ее долгой невидимой связи с Тлалокком, у Сорочки начали проявляться новые психические способности. Их наличие подтвердилось при личном свидании с Тлалокком.

В городе Уэйко, штат Техас, Сорочка расследовала слухи о шабаше тлалоккопклонников. Однажды в номере мотеля, где она жила, раздался телефонный звонок. Звонивший назвался Тлалокком. Поскольку она проявляет к нему такой интерес, сказал Тлалок, неплохо бы им встретиться. Он пошлет за ней машину немедленно.

Сорочка пережила минуты жуткой паники. Она не сомневалась, что говорила с самим Тлалокком; злая сила, звучащая в его голосе, убеждала лучше слов. Да, это был Тлалок. Но, чтобы убить Сорочку, ему не нужно было вызывать ее на тайное свидание. Тлалок был достаточно могуществен, чтобы убрать ее в любую минуту. Нет-, он вызвал ее с какой-то другой целью, и Сорочке было ужасно любопытно - с какой.

Лимузин повез ее по автостраде номер 61 мимо «Жареных цыплят Полая», «Гамбургеров Уэнди» и «Свиных шашлыков Толстяка», мимо «Рая для спортсменов» и «Оружия на продажу», мимо станции Экскон, «Магазина подержанных автомобилей Обаяшки Джонсона» и «Блинного бара Тощего Нельсона» в мотель «Аламо», расположенный в пригороде. Водитель велел ей идти в номер 231. Сорочка постучала, и ей предложили войти. В тускло освещенной комнате, поджидая ее, сидел в кресле лысый усатый человек. Он напомнил Сорочке Минга Безжалостного из древнего комикса Флэша Гордона. Она сразу поняла, кто он такой.

- Я Тлалок, - сказал он. - А ты Мира Грицлер, она же Сорочка и мой враг, поклявшийся меня уничтожить.

- Когда вы так говорите, это действительно звучит смешно. Тлалок улыбнулся:

- Силы у нас неравны, ты права. Но у тебя есть потенциал, дорогуша. Хорошего врага негоже презирать. А рачительный маг всему находит применение.

- Значит, вы и вправду маг? - спросила Сорочка.

- Да, ты не ошиблась. Я так называемый черный маг - я служу самому себе и своим последователям, а не той иллюзорной абстракции, что люди называют Богом. И я весьма могущественный маг, прости за нескромность. Мои способности значительно выше тех, коими обладали Парацельс или Альберт Великий, Раймунд Луллий или знаменитый Калиостро и даже печально знаменитый граф Сен-Жермен.

Сорочка не усомнилась в его правдивости. Тлалок был могущественным и злобным врагом - и в то же время в его присутствии она чувствовала себя в безопасности. Она понимала, что он хочет поговорить, хочет, чтобы им восхищались, а потому сейчас ей нечего бояться за свою жизнь.

- Должен признать, - продолжал Тлалок, - что в нынешний век магом быть легко. Дележ прибыли заменил сегодня религию, а бездумное преклонение перед наукой истребило последние остатки здравого смысла. Несколько столетий назад церковь сожгла бы меня на костре. Но фамильяров инквизиции сменили агенты ФБР и ЦРУ. Многие из них продажны, как и большинство других вещей в этом восхитительно прагматическом веке. Наука двадцатого столетия дает мне такое могущество, какое моим предшественникам даже не снилось. Она не только - в отличие от алхимии - приносит практические плоды, она представляет собою великолепную знаковую систему, которая сама по себе служит источником больших энергий.

Сорочка слушала, затаив дыхание Злая воля, излучаемая магом, была почти осязаема и вселяла дурные предчувствия. Они сидели друг против друга в одинаковых креслах; единственная лампа отбрасывала на стену длинные тени.

- Будучи моим врагом, - сказал Тлалок, - ты, наверное, хотела бы разузнать о моих планах, чтобы меня победить. Вкратце скажу: в первую очередь я намерен захватить политический контроль над Америкой, и эта задача уже почти выполнена. Мои представители в Китае и Советском Союзе готовы взять под контроль свои правительства. Никаких грубых штучек типа путчей, просто власть де-факто, которая позволит мне контролировать всю Землю.

- Невероятно! - сказала Сорочка.

- О, это только начало, - заверил ее Тлалок. - Скорее средство, нежели цель. Власть над Землей - всего лишь необходимое условие для достижения того, чего я хочу по-настоящему.

- Не понимаю, - сказала Сорочка. - Если вы будете править Землей, к чему еще вам стремиться?

- Ты не знаешь масштабов игры, которую я затеял. Наша Земля не имеет особого значения в космической схеме явлений, что бы там ни думали ее обитатели. Это всего-навсего одна планета в одной Вселенной

на одном уровне реальности. А таких уровней много, Сорочка, равно как и вселенных, и копий Земли. В совокупности этих уровней - в Многоленной - любая случайность на любом уровне, будь то субатомном, молекулярном или психическом, рождает свои собственные вероятные миры, свою собственную вселенную, свой собственный отдельный слой реальности. Осознание постоянно расслаивающейся природы реальности и есть постижение истины. Перемещение между уровнями реальности - это удивительное путешествие, дающее одновременно и силу, и награду.

- Какую награду?

Тлалок уклонился от ответа.

- Если позволишь, я изложу тебе свой проект в практическом виде. Меня интересует планета под названием Глорм, существующая на другом уровне реальности, но связанная с нашим уровнем так называемой червоточиной в космической пене, если пользоваться современной терминологией. Контролировать проход между Землей и Глормом означает управлять двумя концами сверхмощного континуума. Чтобы добиться этого, я должен захватить власть не только на Земле, но и на Глорме.

- Но зачем? - спросила Сорочка - Что вам это даст?

- Ты смотришь прямо в корень. Ничего удивительного, ведь ты же колдунья. Ты знала об этом, детка?

- Догадывалась, - сказала Сорочка.

- Ты колдунья, и ты знаешь ответ не хуже меня. Скажи, как по-твоему, какая у магии цель?

- Власть, - сказала Сорочка после минутного размышления.

- Да. А цель власти?

Сорочка подумала немного, потом сказала.

- У меня есть несколько ответов, но ни один из них не кажется мне правильным. Я не знаю - И все-таки, маленькая колдунья, ты знаешь довольно много для своего нежного возраста. Ответ придет к тебе. Когда ты узнаешь, в чем цель власти, ты сразу поймешь, зачем мне нужен Глорм.

- Ладно, - сказала Сорочка. - Но почему вы рассказываете мне все это? Что вы собираетесь сделать со мной?

- Я собираюсь помочь тебе, - ответил Тлалок.

- Не вижу никакого смысла.

- Ты мой враг, ниспосланный мне Вселенной или законом драматической борьбы, характерной для всего живого, - законом, который требует, чтобы у каждого протагониста был антагонист. Мне не дозволено действовать в вакууме, Сорочка. Я обязан иметь оппонента. И я рад, что моим противником стала именно ты.

- Могу понять вашу радость, - сказала Сорочка - Я не очень-то опасный противник, верно?

- Да уж, - улыбнулся Тлалок, - опасной я бы тебя не назвал.

- Значит, если бы вы убили меня, Вселенная могла бы послать вам более грозного врага. Правильно я понимаю?

- Совершенно правильно. Мне искренне жаль, что мои не в меру усердные сторонники убили твоего самодовольного дружка Рона. Будь вы оба против меня, моя победа была бы гарантирована. Сейчас она всего лишь вероятна.

- Вы отвратительны, - сказала Сорочка.

- Ну, ты тоже не такая уж красотка, - заявил Тлалок. - Однако путешествие между реальностями поможет тебе сбросить лишний вес. Видишь ли, тебе придется отправиться на Глорм. Это твоя единственная надежда одержать победу.

- Как я туда попаду?

- Я сам пошлю тебя туда. Всегда рад услужить врагу. Но, конечно, только если ты захочешь.

- Да, я хочу! - сказала Сорочка.

Путешествие с Земли на Глорм будет описано позже. Сейчас же удовольствуемся тем фактом, что после соответствующего инструктажа и подготовки Сорочка очутилась в замке Друзиллы в Истраде.

Попытка окрутить Вителло была ее первым шагом к обретению статуса в этом мире. Но Чач лишил ее шанса и вышиб с планеты обратно в червоточину, откуда она выбралась только с помощью Тлалока. Переход из одной реальности в другую превратил невзрачную толстушку в стройную красивую женщину. Используя свои новообретенные ясновидческие способности, Сорочка просканировала сеть человеческих взаимоотношений и почувяла что-то странное в поведении Друзиллы. Сорочка последовала за принцессой на Анастрагон и записала ее разговор с Руфусом.

Глава 36

Лучшие техники Драмокла, столпившись вокруг большого трехмерного дисплея, пытались разобраться в хитросплетении разноцветных сигналов, световых полосок и кабалистических условных знаков, отображавших движение трех космических флотов - Друта, Карминосола и Ванира. Драмокл подошел к ним вместе с Максом и Сорочкой. Увиденное ни о чем не говорило Драмоклу; он решил положиться на мнение специалистов. Наконец главный оператор ввел что-то в свой буфер и обратился к королю:

- Предварительный доклад, сир.

- Давай послушаем.
- В секторах 3А и 6В движение происходит вдоль оси ЗИ с отклонением в шестьдесят семь градусов, а также .
- Переведи на простой глормийский, будь добр.
- Ну, в общем, враг движется прямо по направлению к Глорму - медленно, но с ускорением.
- А флот Руфуса?
- Флот Друта отходит.
- Он пропускает неприятеля?
- Да, сир, в точности как вы приказали. Драмокл покачал головой:
- Даже на лучшего друга и то положиться нельзя! Почему Руфус не предает меня, как мы ожидали? Сорочка, ты уверена, что слышала то, что слышала?
- Абсолютно уверена, милорд.
- Ничего не понимаю. Должно же этому быть хоть какое-то объяснение!

Тут Драмоклов компьютер, который сидел в углу и, посмеиваясь, слушал их разговор, вышел вперед с огромным металлическим ящиком под мышкой и осторожно опустил его на пол.

- Возможно, вы найдете объяснение здесь, - сказал он, вытаскивая из-под шляпы телеграмму.

- Опять ты со своими проклятыми записками - проворчал Драмокл.

Он вскрыл телеграмму и быстро ее прочитал. Телеграмма была от Друзиллы. Вот что в ней говорилось:

ОТЕЦ ЗПТ МНЕ НЕ УДАЛОСЬ ДО ТЕБЯ ДОБРАТЬСЯ ЗПТ ПОЭТОМУ ПОСЫЛАЮ ЭТО СООБЩЕНИЕ ТВОЕМУ КОМПЬЮТЕРУ ТЧК О ЗПТ ОТЕЦ ЗПТ С ВЕЛИКИМ СТЫДОМ СОЗНАЮСЬ ЗПТ ЧТО Я ПОДБИЛА РУФУСА ПРЕДАТЬ ТЕБЯ РАДИ ВСЕОБЩЕГО ЗПТ КАК МНЕ КАЗАЛОСЬ ЗПТ БЛАГА ТЧК МОЙ ПСИХОАНАЛИТИК ПОМОГ МНЕ ПОНЯТЬ ЗПТ ЧТО ЭТО БЫЛ ВОЗРАСТНОЙ КРИЗИС ТЧК УЖАСНО СОЖАЛЕЮ ТЧК Я СДЕЛАЮ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ ЗПТ ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ ТО ЗПТ ЧТО НАТВОРИЛА ТЧК УСПЕХА ТЕБЕ В ВОЙНЕ И ПОСТАРАЙСЯ ПРОСТИТЬ СВОЮ ЛЮБЯЩУЮ И ИСПОЛНЕННУЮ РАСКАЯНИЯ ДОЧЬ ДРУ-ЗИЛЛУ ТЧК КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

- Ну что ж, - сказал Драмокл, - ее история не противоречит твоей, Сорочка. Однако несмотря ни на что Руфус исполнил мой приказ буквально, а не наоборот, как обещал Друзилле. Теперь мне ясно, что случилось. Когда дошло до дела, мой верный друг не смог заставить себя пойти на предательство. Только своей собственной подозрительности я обязан тем, что попал в ловушку. Слава Богу, есть еще время, чтобы отменить приказ. Руфус должен остановить их.

И с неожиданным для такого крупного мужчины проворством Драмокл подбежал к телефону экстренной связи.

Глава 37

Маленький космический катер подлетел к переднему краю оборонительной линии Друта, сбросив скорость лишь тогда, когда орбитальные установки уже приготовились открыть огонь. Друзилла назвала себя, и катеру позволили сесть. Ссылаясь на крайнюю важность своего визита, принцесса поспешила по коридорам Друтской крепости в центр управления, где сидел Руфус.

- Моя дорогая, - сказал он, - сейчас не время для.

- Выслушай меня, Руфус! Все, что я говорила о необходимости предать Драмокла, - это ошибка, ошибка! Я, должно быть, совсем выжила из ума! О, Руфус, я все испортила - Ничего подобного, любовь моя, - сказал Руфус. - Я знал, что ты была не в себе, когда убеждала меня предать твоего отца Поэтому, несмотря на данное тебе обещание, я в точности выполнил приказ Драмокла. Я знал, что ты передумаешь, старушка!

- Что он велел тебе сделать?

- Он приказал пропустить врага, не оказывая сопротивления.

Поразительно оригинально! Только военный гений мог решиться на столь удивительный шаг. - Но, дорогой мой, это очень странно.

- И потому похоже на Драмокла! У него наверняка заготовлен какой-то сюрприз.

- Может быть... Но возможно и другое объяснение. Как раз в этот момент зазвонил телефон. Связист снял трубку.

- Это вас. Драмокл.

Руфус взял трубку, внимательно выслушал и сказал:

- Будет исполнено, сир. Да . Что? Что вы говорите? - Он похлопал по рычажку, потом положил трубку. - Солнечные помехи Конец я не расслышал Но главное понял отлично. - Повернувшись к старшему оператору, Руфус распорядился: - Ждите дальнейших указаний.

- Минуточку, - сказала Друзилла.

- Да?

- Я должна тебе кое-что сообщить. Перед тем как отправиться сюда, я послала отцу телеграмму и призналась во всех своих грехах.

- Понимаю, - сказал Руфус. - И что ты написала обо мне?

- Я написала, что ты, поддавшись моим уговорам, предашь его.

- Проклятье! - сказал Руфус. - Что ж, я сам виноват. Не надо было морочить тебе голову. Обман, даже из лучших побуждений, всегда

плохо кончается. Ладно, позже разберемся. А сейчас мне нужно выполнить приказ.

- Каким бы он ни был, - сказала Друзилла, - ты не должен его выполнять.

- Дру, у меня нет времени на все эти...

- Ты не понимаешь. Получив мою телеграмму, Драмокл поверил, что ты предашь его. А если так, то его последние приказы должны быть прямо противоположны тому, ЦРГО он в действительности хочет от тебя.

- Противоположны? Ты уверена?

- Более чем уверена, любовь моя.

Руфус попытался связаться с Драмоклом, но солнечная активность вкупе с глушителями, установленными на судах графа Джона, сводили на нет все попытки. Руфус велел связисту продолжать звонить и повернулся к Друзилле:

- Ты можешь поклясться, что он поверил в мое предательство? В предательство лучшего друга? Или это еще один план, направленный против Драмокла?

- О нет, я клянусь! - простонала Друзилла. Руфус задумался. Драмокл выразился кратко и недвусмысленно. «Задержи их!» - он сказал. Но чего он хотел на самом деле? Руфус шагал взад-вперед, а драгоценные секунды истекали. В конце концов он принял решение.

- Пусть меня и ославили предателем, - сказал он, - я докажу свою преданность в глазах небес, исполнив желание моего повелителя, ошибочно полагающего, будто я его предаю.

Руфус повернулся к главному оператору:

- Продолжай отводить корабли назад. Мы пропускаем противника. Так желает Драмокл!

Глава 38

Скоро Драмоклу стало ясно, что флот Руфуса даже не пытается остановить противника. Фаланга по-прежнему отступала, в то время как объединенный флот Джона и Хальдемара неумолимо приближался к Глорму.

Драмокл протянул телеграмму Друзиллы Сорочке. Та прочла ее, подумала и спросила:

- Где сейчас леди Друзилла?

- Дома, надо полагать, - сказал Драмокл. Короля соединили с Истрадом. Дворецкий ответил ему, что пару часов назад жрица улетела по срочному делу на Друт.

- Зачем ей понадобилось лететь сейчас на Друт? - задумчиво протянул Драмокл.

- Есть только одно объяснение, - сказала Сорочка. - Принцесса отправилась к Руфусу и созналась в том, что послала вам телеграмму. Руфус, полагая, что вы считаете его предателем, пытается выполнить ваше истинное желание, а следовательно, делает обратное тому, что вы приказали.

- Это слишком сложно для Руфуса, - сказал Драмокл. - Хотя все может быть. Ну и неразбериха! Ладно, сейчас мы все поправим. Еще один приказ - и флот Друта все-таки вступит в бой.

Драмокл протянул руку к телефону. Но не успел он набрать номер, как посреди Военной палаты вспыхнул яркий пурпурный свет. Он сильно пульсировал, и где-то внутри в такт звенели колокольчики. Засверкали красные и желтые лучи, блестящие, как средневековое красноречие, загремели трубы и литавры, не обошлось и без глухой барабанной дробы, раздавшейся под конец.

Когда пурпурный свет погас, на его месте возник человек - рослый, крепкого сложения, в длинном переливающимся плаще с высоким воротником. Под плащом виднелся простой комбинезон из красного нейлона. Мужчина был в годах, совсем лысый, с тонкими висячими усами, придававшими ему сходство с Мингом Безжалостным.

Все остолбенели, кроме компьютера, который сделал вид, будто занят своими делами. В конце концов Драмокл отыскал свой язык - как выяснилось, прилипший к небу - и спросил:

- Отец! Это действительно ты?

- Ну конечно, - ответил Отто. - Неплохой сюрприз, да, сынок?

Сорочка нервно дергала Драмокла за рукав:

- Вы говорите, он ваш отец? Не может быть! § встречалась с ним на Земле. Это Тлалок!

- Мне все это совершенно непонятно, - сказал Драмокл, - и еще менее приятно. Я полагал, что ты умер, отец. Похоже, нам о многом надо поговорить. Но сначала я должен сделать один очень важный звонок.

- Руфусу, очевидно, - сказал Отто. - Прошу тебя, повремени. Я хочу сообщить тебе нечто важное. И тогда ты примешь решение.

Драмокл скептически усмехнулся:

- Постарайся побыстрее. У меня тут с минуты на минуту начнется межпланетная война.

Отто уселся в кресло, скрестил ноги, дернул молнию на кармане комбинезона и вынул сигару. Закурив, он сказал:

- Всех вас, наверное, удивляет мое появление - ведь считается, что я погиб при взрыве лаборатории на Глизе тридцать лет тому назад. На самом же деле...

Почувяв, чем дело пахнет, все присутствующие в Военной палате приготовились к длинной и неизбежной вставке в повествование.

Глава 39

Отто взошел на глормийский престол сразу после подавления суессейского движения - ереси, которая, как бы абсурдно это ни казалось сегодня, угрожала в то время вовлечь весь Глорм в гражданские и религиозные распри. Хотя наша история вовсе не является историей политики или религии, равно как и летописью жизни на Глорме с древнейших времен, нам не обойтись без небольшого отступления, если мы хотим, чтобы неглормийскому читателю стали понятнее времена правления Отто.

До поры до времени Глорм развивался так же, как и множество других планет. Рожденная огненным солнцем планета постепенно охладилась и сформировалась. Атмосфера на ней была богата кислородом. Океанов и озер, необходимых для жизни протоплазмы, было в изобилии. Зажглась ли первая искра жизни на Глорме сама собой или же ее заронили извне - этого никто не знает. Но природа внезапно засучила рукава и занялась делом. Пошел обычный процесс изменения простейших форм в более сложные: лишайник сменили сосновые леса и цветущие, растения, настала и прошла эра рептилий, рыбы вылезли на берег и превратились в млекопитающих, появились человек, примитивная техника, зачатки философии и науки и так далее. До сих пор развитие Глорма, повторяем, шло обычным путем.

Только одно отличало Глорм, а также Карминосол и Друт от прочих миров. А именно: огромные рукотворные курганы, длиною порой до нескольких миль, разбросанные там и сям по равнинам планет. «Навозные кучи», как их окрестили, существовали с доисторических времен. Объяснить их происхождение никто и не пытался. Первобытные люди поклонялись им как реликвиям, оставленным ушедшими богами. Но время шло, и людей стало разбирать любопытство - им хотелось узнать, что же скрывается под курганами. Однако попытки выяснить это разбились о бетонное покрытие, обнаруженное под футами грязи и скрывавшее внутренности навозной кучи подобно раковине.

Раскрыть первую раковину удалось только во времена Гора Плавителя. Гор был инженером бронзового века, открывшим тайну выплавки металла во сне, когда дух по имени Бессемер объяснил ему технологию процесса. Процесс Гора, как его стали называть, позволил глормийцам обзавестись металлическими орудиями и пробить бетонную оболочку.

Внутри навозных куч оказалась уйма техники, действующей до сих пор, по прошествии бесчисленных столетий. Несколько громадных куч содержали в себе звездолеты, и это открытие вытолкнуло Глорм в эру космических полетов, несмотря на отсутствие квантовой механики.

Главная находка была обнаружена в длинной навозной куче на Глорме у подножия Сардапианских Альп. Этот курган, сорока миль в длину и пяти в ширину, был битком набит звездолетами, упакованными почти впритык и разделенными только странной белой субстанцией, опознанной позже как пенополистирол. Из кучи извлекли как минимум пятнадцать тысяч кораблей, годных к употреблению, и еще несколько тысяч растащили на сувениры. Звездолеты были компактные, простые в управлении, оснащенные лазерным оружием и приводимые в движение запаянными энергоблоками. Глормийские ученые пришли к выводу, что звездолеты изготовлены на древней Земле. Причина их скопления на Глорме, Карминосале и Друте осталась невыясненной. Предполагалось, что корабли как-то связаны попыткой землян покинуть обреченную планету - попыткой, не удавшейся в полной мере из-за внезапности до сих пор не объясненной аэрозольной катастрофы. Так Глорм и другие планеты вступили в эру освоения космоса, вскоре обернувшуюся эрой космических войн.

Как раз в это время ванирцы мигрировали из центра Галактики на своих кольчатых внахлестку судах и вторглись в историю, значительно ее усложнив. Но многочисленные войны, союзы, договоры и битвы с участием ванирцев не являются предметом нашей истории.

Уже в тот период предпринимались попытки сформировать планетарное правительство, однако Глорм объединился политически лишь во времена правления Илка Лжесвидетеля, прозванного так за то, что он не гнушался никаким враньем для достижения своих целей. Планетарное объединение породило, в свою очередь, мечту о централизации власти над Местными планетами, или о «Вселенском правлении», как его претенциозно называли. Глормийская империя пришла и ушла, и дед Драмокла Дил Непостижимый впервые во всеуслышание объявил идею централизации власти вздорной, предложив взамен республиканский принцип взаимоотношений между королями. Отто продолжил дело своего отца, и к концу его правления в Местной системе воцарился мир.

Отто был человеком большого ума, железной воли и ненасытного честолюбия. Когда военные баталии - спорт королей - благодаря его собственным усилиям стали ему недоступны, король пустился на поиски занятия, достаточно опасного и захватывающего, чтобы увлечь его непостоянную натуру. Испробовав шахматы, ловлю форели, пейзажную

живопись и велосипедный марафон и преуспев в них во всех, Отто увлекся оккультизмом.

Во времена Отто оккультизм включал в себя также и науку, непостижимо загадочную для глормийцев, унаследовавших готовую технику, которой они пользовались вслепую, не понимая, как она действует, и не умея починить ее, когда она ломалась. Отто подошел к изучению проблемы сразу с нескольких сторон. Король подозревал, что наука и магия - реалии сосуществующие и во многом взаимозаменяемые. Но несмотря на глубокую интуицию, Отто так и остался бы жалким дилетантом, не купи он как-то в счастливую минуту высокоразвитый земной компьютер вместе с искусным роботом-техником по имени доктор Фиш. За две эти почти одушевленные машины он заплатил королю Свену, отцу Хальдемара, стадом свиней размером с грузоподъемность тысячи судов. Шашлычное изобилие, долго царившее после этого на Ванире, стало одной из ярчайших страниц в истории планеты.

Компьютер смело можно было назвать живым существом, хотя у него и не было никаких телесных отправлений, если не считать случайных и необъяснимых электрических выбросов. В своей земной жизни он встречался с сэром Исааком Ньютоном. В 1718 году, когда они увиделись впервые, Ньютон был уже признан самым выдающимся ученым Англии. Тихий, скромный человек, вполне удовлетворенный почестями, возданными его достижениям, Ньютон решил утаить свои открытия в области магии от суеверной знати, среди которой он жил. Мир, по его мнению, не сможет правильно воспринять такое знание, пока человечество не достигнет гораздо более высокого уровня научного и нравственного развития. Ньютон хранил свои оккультные познания в тайне, лишь намеком коснувшись их в своем многотомном труде о магии, который писал в последние годы жизни. Но он не видел вреда в откровенных беседах со странным, блестящего ума латышским беженцем, зарабатывавшим себе на жизнь шлифовкой линз для Левенгука.

В свою очередь компьютер посвятил в тайны Ньютона Отто, хотя и не считал их заслуживающими интереса. Компьютер интересовали люди - он находил их более занятными и менее предсказуемыми, нежели субатомные частицы, чьи свойства и конфигурации он изучал раньше. Когда его просили объяснить непоследовательность, алогизм и даже прямые противоречия в его поведении, компьютер отвечал, что он учится быть человеком. Собственная история компьютера - кем он был изготовлен, как попал в Лондон восемнадцатого века, каким ветром его занесло в числе других военных трофеев на Ванир, - хоть и по-своему интересная, к нашему повествованию отношения не имеет.

Взяв компьютер в наставники и почти не показываясь на люди, Отто углубился в постижение вещей необычайных и заумных. У него оказался выдающийся талант к магическому искусству. Компьютер частенько повторял, что Отто превосходит всех известных ему магов, в том числе Альберта Великого, Парацельса и даже Раймунда Луллия, энциклопедически образованного эрудита с Майорки. Больше всего Отто напоминает ему, говорил компьютер, одного землянина по имени доктор Фаустус, великого мага, плохо, впрочем, кончившего, чья история изложена во множестве искаженных версий.

Настоящие маги, как правило, люди в высшей степени практические. По сути дела они не что иное, как биржевые маклеры духа, старающиеся заполучить монополию на самый драгоценный из товаров - на долгожительство. Жизнь лежит в основании любого предприятия, а, стало быть, приобретение ее - самое основательное из занятий Маг, провидец, шаман или мистик стремится обрести вечную молодость в астральных путешествиях. Длительные упражнения в трансе наделяют его способностью отделять сознание от тела и проецировать свою сущность в другие места и времена. Личность мага способна пережить его телесную оболочку, по крайней мере на время. Сколь долгое - зависит от его власти над теми силами, что он сможет привлечь, взнуздать и направлять. Жизнь - это вопрос энергии и власти.

Современные маги могут обойтись без утомительных ритуалов прошлого, черпая энергию из непосредственных источников, таких, как взрывы атомов или разрывание молекулярных связей. Контролируя эти силы с помощью линий мандалы, маги способны проецировать себя в другой мир и другую реальность.

Путешествие между реальностями есть путь к жизни вечной.

Обо всем об этом говорил Отто своему двадцатилетнему сыну Драмоклу перед полетом в лабораторию на Глиз - самый мелкий из трех спутников Глорма, - взрыв которого, как считалось, разнес в клочья и самого короля.

На самом деле Отто не погиб. Взрыв был им запланирован. Направляя его, оседлав его, слившись с ним, Отто унесся в другое измерение по червоточине в космической пене. Там, куда он прибыл, существовала планета под названием Земля с историей, отличной от истории Земли в реальности Отто. Но в этой реальности не существовало Глорма.

В своей последней беседе Отто поведал Драмоклу и о его судьбе. Юный Драмокл был ошеломлен своим грядущим величием, ибо Отто намеревался сделать бессмертным не только себя, но и сына, чтобы оба они жили в космосе как боги, независимые и не связанные абсолютно ничем. Драмокл согласился с утверждением отца, что знание о судьбе необходимо на время стереть из его памяти. Отто положил себе тридцать

лет на завоевание Земли. Драмокл в этот период должен был править Глормом тихо, пассивно и бессознательно. Ему оставалось только ждать, и для его же блага лучше было не знать, чего он ждет.

- Но теперь, - сказал Отто, - сдернут последний покров. Мы снова вместе дорогой мой сын, и судьба твоя вот-вот сбудется. Приближается последний акт.

- Какой последний акт? - спросил Драмокл.

- Я говорю о тотальной войне, которая начнется вскоре: ты вместе с Руфусом против Джона с Хальдемаром. Так я запланировал, а значит, так тому и быть. Нам нужно грандиозное атомное всеожжение, способное снабдить нас энергией, которая открыла бы червоточину между Землей и Глормом и держала бы ее открытой. Тогда мы сможем путешествовать между реальностями сколько душе угодно, пользуясь своей властью для обретения власти еще большей. Я и ты, Драмокл, и наши друзья - мы будем контролировать доступ к другим измерениям. Мы станем бессмертными и заживем как боги.

- А цена вас не смущает? - спросил Драмокл. - Разрушения будут невообразимыми, особенно на Глорме.

- Да, конечно, - сказал Отто. - И никто не сожалеет об этом больше, чем я. Если бы существовал какой-нибудь другой способ, я непременно прибегнул бы к нему.

- Войну еще можно остановить.

- И тем самым положить конец нашим мечтам, нашему бессмертию, нашей богоравности! Все эти люди так и так умрут через несколько десятилетий. Мы же с тобой можем жить вечно! Твоя судьба, Драмокл, в твоих руках. Решайся. Что ты выбираешь?

Глава 40

Мгновение выбора! Долгие годы ожидания наконец позади. Теперь Драмокл узнал, какова его судьба и какой чудовищный выбор предстоит ему сделать, чтобы она сбылась. Знание подавило его своей тяжестью, требуя принять мучительное решение. Все, бывшие в Военной палате, смотрели на Драмокла, кто затаив дыхание, а кто и не затаив. И каждое мгновение, казалось, тянулось все дольше и дольше, словно время само, замедляя свой ход, ожидало завершения Драмокловых раздумий.

Сорочка пыталась прочесть выражение желтых глаз Драмокла. К чему он склоняется? Испытывает ли он сочувствие к миру смертных, к которому, пусть временно, но все-таки принадлежал? Или же

колдовскому красноречию Отто удалось заморозить вообще-то добрую, однако такую переменчивую душу короля?

Губы Драмокла дрогнули, но, хотя окружающие прислушивались очень напряженно, никто не услышал ни слова - ничего, кроме слабого выдоха, который, несмотря на очевидное отсутствие в нем смысла, каждый принялся толковать по-своему.

В конце концов Драмокл глубоко вздохнул и сказал:

- Ты знаешь, пап, бессмертие - штука чертовски заманчивая. Но убивать ради него всех, кроме своих друзей, нехорошо. Это не просто подлость - с чем я мог бы еще примириться, - это абсолютное зло.

- Да, конечно, - согласился Отто. - Тот, кто обрекает на смерть, - дабы продлить свое собственное существование, с полным основанием может быть назван злым теми, кого он обрекает. Но не будем излишне сентиментальны. Убийство ради жизни - всеобщее правило, не знающее исключений. Кролик для морковки - само воплощение зла. Так устроена жизнь, вся ее цепочка, сверху донизу.

Над считывающим устройством загудел сигнал тревоги. Главный оператор привлек внимание Драмокла к экрану: корабли Руфуса по-прежнему отходили, не вступая в контакт с противником. Если Драмокл желает какой-либо помощи от флота Друта, сказал оператор, решение нужно принимать немедленно.

- Я могу дать тебе небольшую отсрочку, - сказал Отто. - Я сотворю малюсенький нексус, и мы закончим разговор, временно пребывая вне времени.

Отто соорудил маленький нексус. Выглядел он как полушарие из прозрачной блестящей материи, которое обволокло всю Военную палату.

- Я Знал тебя как доброго отца и отзывчивого человека, - сказал Драмокл. - Неужели ты способен убить миллионы человек, даже если получишь в награду бессмертие?

- Ты никак не хочешь понять, - сказал Отто, - что с точки зрения бессмертного люди так же эфемерны, как комнатные мухи. И все же я сохранил бы им жизнь, если б мог. Но когда тебе надо только руку протянуть, чтобы стать богом, обычная человеческая мораль становится неуместной.

- Нет, это не для меня, - сказал Драмокл.

- Тогда забудь о бессмертии. В любом случае бессмертие - концепция идеальная. В действительности речь идет о неограниченном долголетии. Мы просто пытаемся перейти из одного мгновения жизни в другое, точь-в-точь как и прочие живые существа. Настоящее мгновение и надежда на мгновение будущее - вот все, что нам дано.

- То есть мы живем сейчас, - сказал Драмокл, - и убиваем для того, чтобы жить потом. И так будет продолжаться вечно. Я правильно понял?

- Не вечно, - сказал Отто. - Так долго, как ты пожелаешь. День ли ты хочешь прожить или вечность - в любом случае тебе придется принимать одни и те же решения, делать один и тот же мучительный выбор. Чтобы жить, нужна энергия. Она одинаково необходима и розе, и розенкрейцеру. Смерть - всегда результат нехватки сил.

Отто сделал паузу, чтобы посмотреть, как держится нексус. - Тот растворялся со своей обычной скоростью. Оставалось еще несколько мгновений безвременья.

- Поскольку сила, она же власть, - неременное условие существования, вполне естественно добиваться ее, чтобы продлить свою жизнь. Но при этом нужно учитывать последствия. В природе не существует устойчивого равновесия - нет такой точки, дойдя до которой ты можешь остановиться и сказать:

«Все, достаточно. Теперь я немного передохну». Достаточно не бывает никогда; власть должна прибавляться постоянно, как энергия, иначе - смерть. Борьба за выживание - закон всеобщий. Власть, которой обладает один, становится злом для других, и это непреложно на всех уровнях жизни. Когда же на сцене появляется разум, жажда власти обостряется, хотя ее начинает сдерживать мораль. Ты стоишь сейчас на том рубеже, где разум должен либо распрощаться с инстинктами, либо погибнуть. Выбирай, Драмокл: ты можешь жить как бог или умереть как человек. Все свидетельства и доводы исчерпаны. Пора принять решение.

Не успел Драмокл ответить, как вперед выступил компьютер, поставив одну из ног на до сих пор не объясненный металлический ящик.

- Считаю своим долгом заметить, - сказал компьютер, - что исчерпаны еще не все свидетельства.

- Верно, - подхватил Драмокл. - Что, например, находится в этом до сих пор не объясненном металлическом ящике?

- К нему мы вернемся позже, - сказал компьютер. - А сейчас я отдам вам то, чего вы так долго ждали. Это ключ. Ключевой ключ. И он откроет ключевой отрезок памяти.

- Назови мне его, - велел Драмокл.

- *La plume de ma tante* <Перо моей тетушки (фр.)>, - сказал компьютер.

Глава 41

Ключевой ключ открыл воспоминание о дне тридцатилетней давности. Отто только что улетел на своей космической яхте в

лабораторию на спутник Тлиз, который вскоре должен был взорваться, как считалось, вместе с королем. Правду знали только Драмокл, компьютер и доктор Фиш.

Драмокл всегда вспоминал отца с любовью и благодарностью. По крайней мере, так он думал. Но в этом, воспоминании все было иначе. Тут он не любил отца, не любил с самого детства, считая его человеком деспотичным, подлым, черствым и помешанным на оккультизме.

Отто побеседовал с сыном перед отъездом, но разговор не получился. Молодой Драмокл был категорически против намерения Отто обеспечить себе бессмертие ценой многих миллионов жизней. Отцовские планы относительно самого Драмокла и его правления тоже казались ему совершенно неприемлемыми. Драмокл пришел в бешенство, узнав, что отец не только не намерен умирать, но собирается также управлять сыном из могилы иди откуда-то еще, превратив таким образом его жизнь всего лишь в сноску к своему чудовищно затянувшемуся существованию.

- Плевать я хотел на твои планы, - сказал Драмокл. - Когда я стану королем, то буду делать, что захочу.

- Ты будешь делать то, чего хочу я, - ответил Отто, - и притом добровольно.

Драмокл не понял. Он стоял вместе с доктором Фишем на самой высокой наблюдательной башне Ультрагнолла, провожая взглядом отцовскую яхту - желтую точку света, быстро растворившуюся в бездонной синеве небес.

- Слава Богу, улетел, - сказал Драмокл. - Скатертью ему дорожка. Теперь наконец я смогу...

Он почувствовал, как что-то кольнуло его в руку, и удивленно обернулся к Фишу, державшему маленький шприц.

- Фиш! Что это значит? Зачем...

- Извините, - перебил его Фиш. - Но у меня не было выбора.

Драмокл сумел еще сделать два неверных шага по направлению к двери. И провалился в непроглядный мрак забытья, наполненный дикими криками птиц и жутким хохотом. Больше он ничего не чувствовал, пока не пришел в сознание.

Очнулся Драмокл в лаборатории доктора Фиша, привязанный ремнями к операционному столу. Фиш стоял над ним, разглядывая лезвие психомикротомы.

- Фиш! - крикнул Драмокл. - Что ты делаешь?

- Я собираюсь произвести вам резекцию и реплантацию памяти, - сказал Фиш. - Я понимаю, что это непорядочно, но у меня нет выбора: я обязан подчиняться приказам своего владельца. Король Отто повелел мне изменить и перестроить все воспоминания, связанные с вашей и его

судьбой, а главное - с вашей последней беседой. Вы будете думать, что он погиб во время атомного взрыва на Глизе.

- Фиш, ты сам знаешь, что так нельзя. Отпусти меня сейчас же.

- После чего мне ведено вырезать, изменить, а также подменить многие другие воспоминания, вплоть до самых ранних. Вы будете помнить Отто как любящего отца.

- Эту бессердечную скотину!

- Он хочет остаться в вашей памяти щедрым и великодушным.

- Да у него прошлогоднего снега на день рождения не выпросишь! - воскликнул Драмокл.

- Вы будете считать его высоконравственным человеком - эксцентричным, но добрым.

- После всего, что он мне наговорил? О том, как он достигнет бессмертия ценой всеобщей гибели?

- Вы забудете об этом. Подсунув вам поддельные ключи от памяти, Отто собирается завоевать вашу любовь, а следовательно, и послушание. Вы забудете даже наш теперешний разговор, Драмокл. Вы встанете со стола в полной уверенности, что сами узнали о своей судьбе, и подчинитесь необходимости ждать тридцать лет. Поразмыслив, вы попросите меня закрыть вашу память ключевым словом, которое отдадите на сохранение воспоминателю. После чего вы взорвете меня - не взаправду, конечно, но вам это будет невдомек. Я уйду в отпуск на тридцать лет, а вы станете тихо-мирно править планетой, постоянно гадая о том, в чем же ваше истинное предназначение, - пока не узнаете наконец.

- Ах, Фиш! Ты же понимаешь, как это несправедливо! Неужели у тебя рука поднимется так обойтись со мной?

- К сожалению, я обязан. Я не способен отказаться выполнить прямой приказ владельца. Но тут есть один интересный философский момент. С точки зрения глормийского законодательства Отто через несколько часов умрет.

- Конечно! - сказал Драмокл. - А значит, если ты отложишь операцию, я стану твоим законным владельцем и отменю приказ.

- Совершенно исключено, - сказал Фиш. - Отложить операцию я не могу, это было бы грубейшим нарушением машинной этики. Я должен оперировать немедленно. И, поверьте мне, вам же будет хуже, если я этого не сделаю. Но я подумал вот о чем, хотя мне нельзя уклониться от выполнения приказов Отто, я имею полное право оказать услугу своему будущему владельцу.

- Какую услугу, Фиш?

- Я могу пообещать вам вернуть вашу настоящую память во время решающей встречи с Отто.

- Очень великодушно с твоей стороны, Фиш. Давай обсудим это подробнее.

Драмокл не переставая сражался со своими путами. Но тут его опять кольнуло в руку - и воспоминание оборвалось.

Все присутствующие в Военной палате оцепенели от услышанных откровений. И тогда компьютер открыл загадочный металлический ящик, и оттуда вышел доктор Фиш - чуть постаревший, но ничуть не ставший от этого хуже.

Глава 42

Если Отто и был раздосадован, то виду не показал. Развалился поудобнее в кресле с тонкой пестрой сигарой в руке, он промолвил:

- Фиш, ты меня удивляешь. Вот уж никак не ожидал, что ты предашь меня, основываясь на столь шатких юридических софизмах. - И, повернувшись к Драмоклу, добавил: - Да, сын мой, это правда, я действительно велел изменить твои воспоминания. Но без злого умысла, поверь. Что бы ты ни думал, я всегда любил тебя и просто хотел ответной любви.

- Ты хотел покорности, - сказал Драмокл, - а не любви.

- Мне необходимо было твое послушание, чтобы сделать тебя бессмертным. Неужели это такой уж страшный грех?

- Ты хотел бессмертия для себя самого. Отто энергично замотал головой:

- Нет, для нас обоих! И все бы получилось в лучшем виде, не вздумай доктор Фиш совать свой нос в людские дела.

Фиш смутился, но тут опять вперед выступил компьютер. Полы его черного плаща взметнулись в воздух.

- Это я посоветовал Фишу, - сказал он. - Нам с Фишем нравятся люди. Поэтому мы предали гласности ваш план.

Люди - самые занятные существа из всех, что удалось создать Вселенной. Они интереснее богов, демонов, волн и частиц Быть человеком - вот лучшее, что вы можете сделать, Отто. Ибо Вселенная бессмертных, лишённая людей, кажется мне крайне удручающей перспективой. Насколько я понимаю, ваши планы сулили нам именно такое будущее.

- Ты ничего не понял, идиот - сказал Отто. - Мне нужен был начальный взрыв энергии, чтобы открыть червоточину, вот и все.

- Но энергии, как и власти, никогда не бывает достаточно, - возразил компьютер. - Вы сами так говорили.

Отто хотел было ответить, как вдруг нексус прорвался. Окунувшись обратно в реальное время, Военная палата превратилась в пандемониум,

охваченный паникой и параличом. На экранах вспыхивали угрожающие цифры. Космический флот приближался, и неограниченные возможности быстро сужались до неизбежных последствий.

Драмокл внезапно очнулся.

- Дайте мне телефон! - взревел он. - Руфус! Ты меня слышишь? - Он подождал ответа и сказал: - Вот мой самый главный и окончательный приказ Сражения не будет! Отступай, Отступай немедленно Швырнув телефонную трубку, король повернулся к Максусу.

- Свяжись с графом Джоном. Скажи ему, что Драмокл капитулирует. Скажи - я не ставлю никаких условий, я даже согласен отречься от трона ради сохранения мира. Ты понял меня?

У Максуса вытянулось лицо, но он все же кивнул и бросился к телефону.

Драмокл посмотрел на Отто, и затаенное злорадство отчасти прорвалось в его голосе:

- Война окончена. Атомное всеожжение отменяется. Надеюсь, тебе теперь тоже конец - тебе и твоему паршивому бессмертию.

- Ты всегда был неблагодарным ребенком, - сказал Отто. - Я мог бы заставить тебя пожалеть об этом, Драмокл. Ну да черт с ним со всем, и с тобой в том числе. - Он встал и пошел к винтовой лестнице, ведущей в сад, разбитый на крыше Военной палаты. Поднявшись на последнюю ступеньку, Отто обернулся и крикнул: - Дурак ты, Драмокл! Дурак набитый!

Глава 43

Руфус положил телефонную трубку. Всем своим существом он ощущал летучую невозвратность мгновения, неподвластного морали и раскаянию, безжалостно перетекающего в следующее мгновение, а потом в следующее и так до бесконечности. Люди, стоявшие рядом, не спускали с него ожидающих глаз. Друзилла смотрела на него тем странным взором, который начал уже действовать ему на нервы. Все ждали, когда он примет окончательное решение.

Руфус не знал, что делать. Приказ Драмокла был лишен всякого смысла. Чего он хочет достичь? Протяженность фронта и возможности гломрийских вооруженных сил были известны Руфусу не хуже, чем Драмоклу. Никакая военная хитрость, никакая уловка не спасет положения, когда вражеские корабли минуют определенную точку, если уже не миновали.

Разве что Драмокл и вправду решил сдаться... Нет, это невыносимо.

Руфус обхватил руками голову, стараясь унять лязг и грохот мыслей. Что делать? Чтобы помочь Драмоклу - а помочь ему с каждой минутой

будет все труднее, - он должен сделать то, чего хочет Драмокл. Но чего хочет Драмокл на самом деле? Атаки или отступления? Засады или капитуляции? Поскольку надежных оснований для принятия решения у Руфуса не было, он решил поступить так, как казалось лучше ему самому.

И повернулся к своим командирам.

- Атаковать! - прокричал или, вернее, просипел он, задыхаясь от сдерживаемых эмоций.

- Кого атаковать? - просипели приученные им к детальной точности командиры.

- Флот Джона и Хальдемара! Раздолбайте его, ребята! Офицеры переглянулись. Старший командир сказал:

- Лорд Руфус, противник продвинулся слишком далеко. Пока мы нагоним их, корабли Джона и Хальдемара подойдут вплотную к Глорму. Мы не сможем помешать им подвергнуть планету бомбардировке. Драмоклу придется сдаться.

- Вы слышали мой приказ! Догнать и уничтожить противника!

- У нас на пути глормийский флот.

- Ну и черт с ним. Разнесите его в клочья, если он вмешается.

Выполняйте приказ!

Ноздри у Руфуса раздувались, лицевые мускулы свело от напряжения. Угрюмые складки пролегли на лице от крыльев носа до самого подбородка.

Командиры стояли, не сводя с него глаз Руфус бросил на них свирепый взгляд. Затем его плечи поникли.

- Я отменяю свой последний приказ, - сказал он. - Держите фалангу на прежней позиции. Драмокл сдается. Войне конец.

Глава 44

Флагманский корабль графа Джона «Яйцеклад-один» был оборудован всем необходимым для монарха в космосе. Джон занимал трехкомнатную каюту, расположенную в центре судна. Кюта походила на гостиную где-нибудь в доме древней Земли - стулья с изогнутыми в форме арфы спинками, фарфор Споуда, диван в стиле Адама и книжный шкаф в стиле Хеплуайта. Сам Джон сидел за элегантным столиком красного дерева и строчил заметки о глормийской кампании. Позже он собирался превратить их в телесериал. У Анны были отдельные апартаменты по соседству.

Вскоре после прибытия флота к границам Глорма в каюту вошел конюший графа.

- Сир, - сказал конюший, - мы вступили в контакт с противником.

- Отлично, - откликнулся Джон. - Огонь уже открыли?

- Нет, сир. Мы получили удивительное сообщение с Глорма.

- Что за сообщение?

- От Драмокла, сир. Он сдается». Джон скинул свои короткие ноги со стола и встал, подозрительно сощурился на конюшего:

- Сдается? Это, наверное, какая-то хитрость. Где глормийский флот?

- Он отошел, сир. Подход к Глорму открыт для нас: Драмокл публично заявил о своем намерении избежать войны любой ценой. Он обещал даже отречься от престола, если это необходимо.

Дверь между двумя апартаментами распахнулась, и в каюту вошла Анна. На ней был элегантный серо-голубой мундир. Светлые волосы, гладко зачесанные назад, скрывались под фуражкой. На плечах блестели адмиральские погоны. Анна собиралась самолично возглавить ударный отряд - не из врожденной воинственности, а просто чтобы выполнить работу как можно экономнее ввиду затруднений с наличностью в карминосольской казне.

- А что Руфус? - спросила она у конюшего.

- Он не оказал сопротивления. Его войска остались у Друта.

- Как странно, - сказал Джон - Это не похоже на Драмокла - сдаваться без боя. Уж не задумал ли он какую-нибудь *ruse de guerre* <Военная хитрость (фр.)>?

- Вряд ли, - сказала Анна. - Все его суда отошли. У него не осталось кораблей, чтобы подстроить нам ловушку.

- Так ты и правда считаешь, что он сдается?

- Думаю, да, - сказала Анна - Иначе зачем бы ему оставлять Глорм открытым для бомбежки?

Джон зашагал по каюте, заложив руки за спину Он был ошеломлен таким поворотом событий Он никогда по-настоящему не верил, что сможет переиграть своего старшего брата. Теперь, когда победа была в руках, его вдруг одолела странная нерешительность Граф резко покачал головой, еле успев спасти пенсне от полета в угол каюты Наконец до него начало доходить. Он победил?

- Ну и ну! - сказал он - Слышь, Анна, мы победили! Анна хмуро кивнула.

- Ставлю выпивку всему флоту! - воскликнул Джон. - Нужно отпраздновать победу Свяжись с моими поставщиками - скажи, что я хочу их видеть немедленно Кто-нибудь сорбшил уже в газеты? Я сам этим займусь И телевидение тоже надо поставить в известность.

- Да, сир, - сказал конюший.

Джон понимал, что должен отдать еще множество приказов, но не знал, с чего начать Он помнил, что побежденному королю вроде как

полагается промаршировать перед победителем в цепях. Но когда? До или после официальной церемонии капитуляции? Надо будет выяснить.

- Скоро граф отдаст вам дальнейшие распоряжения, - вмешалась Анна. - А пока идите и велите войскам быть наготове, но воздерживаться от враждебных действий.

Конюший отдал честь и вышел.

- Отлично сказано, моя дорогая, - не унимался Джон. - Какой удивительный поворот событий! Однако тут есть о чем подумать. Должны ли мы казнить Драмокла? Или просто заточить его на несколько десятков лет в тесной клетке с собачьим ошейником на шее? Очевидно, существует какой-то свод правил на сей счет? - Граф хихикнул и потер руки. - Зато теперь у нас целая планета, честно завоеванная и уж точно приносящая немалые доходы Мы богаты, моя дорогая!

- Не спеши, мой дорогой, - ехидно заметила Анна. - Ты кое о чем позабыл.

- О чем, например?

- Например, о своем союзнике Хальдемаре.

- Пропади он пропадом! - сказал Джон - Я действительно напрочь забыл про него.

- Самое время вспомнить Его огромный и неуправляемый флот у нас на левом фланге.

- В дверь постучали.

- Войдите! - сказал Джон.

Вошедший адъютант протянул Джону космограмму от Хальдемара. «Поздравляю с блестящей победой, - прочел граф Джон - Когда приступим к разграблению?» - О нет! - сказал Джон.

- А чего еще ты ожидал от союзника-варвара, хотела бы я знать?

- Может, если я отдам ему на разграбление пару-тройку глормийских городов, он успокоится и вернется домой?

- Нет! - Анна яростно затрясла головой. - Ты не должен позволять ему садиться на Глорм. Потом его оттуда не вышибешь. А жить по соседству с ванирцами - Боже упаси!

- Согласен, - решительно промолвил Джон. - Я предотвращу опасность, провозгласив самого себя новым королем Глорма. А ты станешь новой королевой. Как тебе мой план?

- Нереально, - отрезала Анна.

- Тебе ни одна моя идея не нравится, - обиделся Джон. - Почему нереально?

- Глормийцы преданы Драмоклу: Они никогда не покорятся тебе и не дадут ни минуты покоя. Если ты собираешься править одновременно и Карминосолом и Глормом, ты получишь на свою голову бесконечную и

разорительную партизанскую войну. Тогда уж мы как пить дать вылетим в трубу.

- А что, если мы посадим на трон Чача? Он нам многим обязан и будет куда сговорчивее Драмокла.

- Это тоже нереально, - сказала Анна. - Ты разве не слышал? Принц Чач бежал, и исключительно по твоей вине.

- О чем ты говоришь?

- Помнишь девчонку-рабыню по имени Дорис, которую ты подарил Чачу? Ну так вот: они спелись, эти двое. Девчонка околдовала принца. Чач не присоединился к нашему флоту во время похода. Он бежал вместе с Дорис на своем собственном звездолете в неизвестном направлении.

- Ну что за люди! Ни на кого положиться нельзя! - расстроился Джон.

- Стало быть, Чач вне игры. Ты уверена, что я смогу править планетой?

- Абсолютно уверена, - холодно сказала Анна.

- Ладно, я же просто спросил. А как насчет других сыновей короля?

- Слишком юные, - сказала Анна.

- А может, провозгласим регентшей Лиру? Она вроде разумная женщина.

- Я давно знаю Лиру, - сказала Анна. - Она хороший человек, хотя немного взбалмошна и склонна к романтическим порывам. Но глормийцы ни за что не признают ее - она из старинного и знатного аардваркского рода, а стало быть, чужачка. Кроме того, мы не сможем с ней связаться.

- Почему это?

- Дорогой мой, она бежала!

- Не мешало бы тебе научиться выражать свои мысли поточнее, - капризно сказал Джон. - Что значит - бежала?

- А тебе не мешало бы побольше знать о том, что творится вокруг. Я услышала об этом от своей парикмахерши, а она - от горничной королевы, ведающей драгоценностями. Лира бросила Драмокла. Теперь я достаточно точно выразилась?

- Их брак казался таким благополучным!

- Сплошное притворство, мой дорогой. Лира узнала, что Драмокл охладил к ней и собирается дать ей развод в первую же свободную минуту.

- Откуда она это узнала? - спросил Джон. Анна презрительно улыбнулась:

- Драмокловы уловки абсолютно прозрачны. Любая женщина может читать его, как открытую книгу. Лира знала, что скоро ее заменят. И когда на давешнем праздновании она встретила одного симпатичного человека...

- Кого? - нетерпеливо спросил Джон.

Анна покачала головой. В глазах ее сверкнули искорки.

- Ты очень удивишься, когда узнаешь, ко этот счастливчик. Подумай на досуге и попробуй угадать. А сейчас займемся более неотложными делами. И самое неотложное из них - Хальдемар.

- Да, - сказал Джон. - С ванирцем придется нелегко. А как Драмокл отнесся к тому, что от него сбежала жена?

- Насколько мне известно, он еще не в курсе. Перейдем к делу!

Глава 45

Верхняя часть Ультрагнолльского дворца представляла собой фантастическое сочетание шпилей, башен, крутых скатов с крытыми гонтом свесами, щипцов, нефов, фронтонов и так далее. Там, где крыши были плоскими, на них цвели сады с беседками, клумбами, водопадами, фонтанами, статуями, деревьями, скамейками, холмами и долинами.

Отто находился в саду на крыше над военной палатой. Растянувшись на белом плетеном шезлонге, он курил сигару, скрученную из листьев рапунзеля - пахучих и чуточку дурманных. На столике рядом с шезлонгом стояла бутылка лиго-злачного вина, выжатого из красно-коричневых виноградных гроздьев, произрастающих на аардваркском плато Ургенгаа. Для человека, только что потерпевшего крушение всех надежд, он выглядел странно умиротворенным. Полулежа в удобной позе, Отто наслаждался великолепным видом с крыши.

Над головой, хлопая крыльями, летали красноперые сикофанты Отто отдыхал.

Драмокл, сопровождаемый Сорочкой, поднялся в сад. Отто глянул на них, приветливо кивнул и вернулся к спокойному созерцанию пейзажа.

- Слушай, пап, - сказал Драмокл, - мне жаль, что все так для тебя обернулось. Я знаю, сколько трудов ты отдал этому бессмертию.

Отто улыбнулся, но не ответил.

- Я просто не мог поступить иначе, - добавил Драмокл.

- Когда ты сдался Джону, - заговорил наконец Отто, - я пришел в такую ярость, что чуть было не убил тебя. Я мог бы сделать это запросто. Мне пришлось напрячь всю силу воли, чтобы сдержаться. Но когда первый порыв прошел, я вдруг понял, что на душе у меня удивительно легко и покойно. Странное ощущение. Мне нужно было осмыслить его.

- Поэтому ты забрался сюда?

- Это мое любимое место. Я сел в шезлонг и начал думать - но от мыслей меня постоянно отвлекали всякие внешние впечатления.

- Какие? - спросила Сорочка.

- Ветерок, овевавший лицо Аромат хорошей сигары. Облака, бегущие по небу Я неожиданно заметил тысячу мельчайших деталей и получил от этого массу удовольствия. До меня вдруг дошло, что, стремясь всю жизнь к бессмертию, я почти не наслаждался жизнью.

- А я наоборот, - сказал Драмокл - Я всю жизнь плыл по течению, развлекался и ни о чем не тужил. Ну и что я получил в результате?

- То же, что и я. Жизнь - то есть вот это мгновение.

- Если так, - сказал Драмокл, - выходит, что жизнь у всех людей одинакова. Никто не владеет ничем, кроме настоящего мгновения, если я правильно тебя понял.

- Да, мгновение - это все, что у нас есть, - сказал Отто. - Я по наивности своей воображал, будто, продлевая отпущенные мне мгновения, я продлеваю жизнь. Но жизнь не измеряется годами и десятилетиями Сердце ведет совсем иной счет. Интенсивность - вот единственная мера, которую оно признает.

Сорочка кивнула, но Драмокл сказал:

- Боюсь, я не совсем понимаю.

- Низшая степень интенсивности, - сказал Отто, - это сон или бессознательное состояние Если бы спящий человек был способен жить вечно, мы не назвали бы его бессмертным, по крайней мере в общепринятом смысле слова. Жить ради будущего, пренебрегая настоящим, - все равно что проспять свою жизнь.

- Для меня это слишком абстрактно, - сказал Драмокл. - Но ты не выглядишь разочарованным, и я этому рад. Ты выглядишь счастливым. Я никогда не видал тебя счастливым раньше.

Отто подошел к балюстраде и окинул взглядом город.

- Я верил, что цель магии - знание. Теперь я вижу, что ошибался. Цель магии - понимание.

- Разве это не одно и то же?

- О нет! Знание - это что-то вроде орудия для достижения власти. А понимание - своего рода отречение от нее. Понимание выше тебя самого: ты не можешь им манипулировать, ты можешь его только принимать.

- Ладно, отец, - сказал Драмокл. - Твои философские откровения мне не по зубам. Ты спокоен и доволен - а больше мне ничего и не надо. Я понимаю, что разговор о будущем тебе неприятен в свете последних события, но все же не могу не спросить: чем ты думаешь заняться?

- Кое-какие мысли по этому поводу у меня есть. - Отто пыхнул сигарой. - При всей своей любви к Глорму, здесь я не останусь. Если честно, тут у вас настоящее болото. Земля - вот где мое место. Она подвластна мне, конечно, но я не потому хочу вернуться. Я, наверное, передам свою политическую власть кому-нибудь и уйду на покой. У

меня есть вилла на Капри, домик на Ипанеме, плавучий дом в Кашмире, ранчо на Ивисе, дом в Париже и пентхаус в Нью-Йорке. Я уверен, что найду чем заняться. Земля - местечко интересное. Если хочешь, возьму тебя с собой.

- Меня? - сказал Драмокл. - На Землю?

- Тебе она понравится, - заверил его Отто. - Там уйма увлекательных возможностей для способного молодого человека вроде тебя. Ты же отрекся от престола, верно?

- Да, - сказал Драмокл. - Я решил, что так надо. Иначе Джон мог начать бомбардировку Глорма.

- Что он собирается делать дальше, не знаешь?

- Нет пока. Они с Анной еще не решили.

- Для тебя это может плохо кончиться.

- Сомневаюсь, чтобы Джон осмелился казнить меня, - сказал Драмокл. - Его толкает против меня не столько ненависть, сколько уязвленное самолюбие.

- Но он может подвергнуть тебя унижениям. Он с детства был жутко злопамятным.

- Ничего, как-нибудь переживу.

- Да, но зачем? Поехали лучше со мной на Землю. Я покажу тебе новый мир.

Драмокл помедлил с ответом, старательно подбирая слова. Он любил новые миры, приключения, чувство новизны. Но только не в компании с Отто. Не то чтобы он затаил злобу против отца. Он даже сочувствовал старому королю. Но жить с ним рядом не хотел - не хотел, чтобы его поминутно учили уму-разуму и наставляли на путь истинный.

- Это очень заманчиво, - сказал Драмокл, - и я искренне благодарен тебе за приглашение. Но я все еще король и должен испить свою чашу до дна.

Отто кивнул.

- А ты, Сорочка? На Земле я смогу дать тебе все, что пожелаешь. Мне приятно твое общество. Вернешься со мной?

- Спасибо за заботу, - поблагодарила Сорочка, - но я останусь.

Отто взглянул на нее с удивлением. Потом рассмеялся и сказал:

- Ну что ж. «И сыр один остался», как говорится в древней земной считалке. Удачи вам. - Он обнял сына и решительно произнес: - Все, мне пора.

- Но как ты доберешься до Земли? - спросил Драмокл. - Я думал, тебе нужен большой взрыв, чтобы пройти между реальностями.

- Взрыв был нужен, чтобы держать червоточину между реальностями Глорма и Земли открытой постоянно. А перебросить себя одного я могу и так.

Он вынул из рукава плаща какой-то маленький камушек, зажал его между большим и указательным пальцами, и Драмокл увидел, что это ограненный кристалл. Отто дотронулся до кристалла свободной рукой - и в ладони у него оказался еще один, точно такой же. Потом еще один, и еще, и еще. Набрав дюжину кристаллов, он выложил из них круг на каменных плитках пола. Когда последний камушек коснулся пола, ослепительное белое сияние соединило кристаллы. Драмокл с Сорочкой отпрянул». Отто ступил в сияющий круг. - Прощай, сын мой. Счастливого оставаться, Сорочка. Сияние вспыхнуло еще ярче и погасло. Отто исчез, и с ним исчезли все кристаллы.

- Странный, как всегда, - сказал Драмокл. - Всего хорошего, отец. Дай Бог тебе найти покой и счастье на Земле.

Они с Сорочкой постояли молча, глядя на крыши Ультрагнолла. Потом Драмокл спросил:

- Почему ты не вернулась на Землю с Отто?

- Мне нравится здесь, - сказала Сорочка. - На Глорме я личность особенная, почти как принцесса. А на Земле я снова стану обычной закомплексованной еврейской девушкой. Но есть и другая причина...

Она вдруг умолкла и потупилась. Она стояла совсем близко к Драмоклу, касаясь его плечом. Он неожиданно заметил ее пленительные черты и черные пушистые ресницы, обрамляющие глаза необычайной голубизны. Ее тело, стройное, но женственно округлое, источало неповторимо нежный аромат - обонятельную квинтэссенцию ее самой. Когда она подняла на него глаза, Драмокл вздрогнул, словно его ударили под дых. - Он распознал первые признаки любви. А любовь, пока она длится, прекрасней всех сокровищ мира - такая же свежая и удивительная в десятый или в сотый раз, как и в первый. Любовь - это пища, которой невозможно насытиться, подумал Драмокл. И привлек прекрасную землянку к своей груди.

Его счастье омрачала лишь мысль о том, как расстроится Лира, получив от гофмейстера уведомление об отставке. Конечно, она устроит сцену, ну да ему не привыкать. Кстати говоря, куда, она запропастилась? Что-то ее совсем не видно в последнее время.

- Ах, Драм, - сказала Сорочка, прильнув к его груди, - как только я увидела тебя впервые... Но я не смела и мечтать... Ох, я в полном смятении.

- Ну-ну, мой милый орлихтунчик, - проговорил Драмокл нежным воркующим басом. - Все будет хорошо. Давай-ка пойдём и посмотрим, что там решил граф Джон. Рука об руку они вернулись в Военную палату. Орлихтун - это местная птичка с зелеными, желтыми и красными перышками, которую глормийские влюбленные избрали символом нежной страсти.

Едва они спустились в Военную палату, как зазвонил видеофон экстренной связи. Драмокл ответил и увидел на экране Анну. Она переделалась из мундира в прозрачную блузку и узкую юбку. В волосах, уложенных в прическу, поблескивали желтовато-красные светлячки. Она выглядела королевой-победительницей.

- Драмокл, - сказала Анна, - я не стану томить вас ожиданием. Мы все взвесили и решили оставить вам глормийский трон, поскольку ваш сын, принц Чач, на него не претендует.

- Вот как? С каких это пор?

- Когда он гостил у нас, Джон подарил ему девушку-рабыню для пыток. Чач по глупости разговорился с ней. И теперь они вместе бежали. Как мне только что сообщили, он собирается вступить в коммуну и питаться натуральными продуктами в какой-то другой звездной системе.

- С ума сошел, - сказал Драмокл.

- Он, конечно, вернется, когда исчезнет прелесть новизны. Но, с вашего позволения, я продолжу. Мы с графом решили не применять к вам карательных мер, хотя имеем на них полное право. Однако вы обязаны будете компенсировать все издержки этой войны. За одно только топливо для двух флотов нам предъявили такой жуткий счет! Кроме того, за вами зарплата войскам, стоимость леккианской кампании и компенсация за ущерб, нанесенный берсерками Хальдемара курортному городку. А еще вы должны дать отступного Хальдемару за несостоявшееся разграбление Глорма. Только на таком условии он согласится убраться домой. Все это влетит вам в копеечку, Драмокл, но вы должны признать, что мы обошлись с вами довольно справедливо - по крайней мере справедливее, чем поступили вы с нами, когда заварили всю эту кашу.

- Я только исполнял веления судьбы, - сказал Драмокл.

- Знаю. Поэтому все вас прощают. Кстати, а что случилось с вашей судьбой?

- Сейчас она в ваших с Джоном руках: как вы скажете, так и будет.

- Приступ самоуничтожения у вас скоро пройдет, - сказала Анна. - Это абсолютно не ваш стиль. Надеюсь только, что вы не ввергнете нас опять в пучину войны, получив очередное указание судьбы. Что касается прочих соглашений, то мы подпишем новый мирный договор, на сей раз на Карминосале. Все наши прежние привилегии и прерогативы будут восстановлены; не исключено, что мы добавим к ним Новые. И, как прежде, станем друзьями.

- Я буду только рад, - сказал Драмокл. - Зла я никогда ни к кому не питал. Но Джон...

- У графа и впрямь были другие идеи, - сказала Анна, - но он переменял свое мнение, когда я указала ему на некоторые факты.

- А именно?

- Вы - единственная подходящая кандидатура на глормийский престол. Глормийцы никогда не примут Джона, а править ими насильно - это и разорительно, и малоэффективно. Хальдемару мы тоже не можем позволить завладеть вашей планетой. Он будет представлять угрозу для всех нас. С чисто эгоистической точки зрения, лучшее, что мы можем сделать, - это восстановить статус-кво.

- А как к вашему решению отнесся Хальдемар?

- С ним было нелегко, как вы, наверное, догадались. Он всерьез настроился на разграбление Глорма. Он бушевал и изрыгал проклятия, пока я не напомнила ему о его положении.

- И какое же у него положение?

- Весьма щекотливое. Флоты Карминосоло, Друта и Глорма находятся в полной боевой готовности и горят желанием сразиться со своим давним врагом. У нас значительный перевес в силах. Хальдемар это понял наконец и отбыл на Ванир. Ужасно неприятный человек - надеюсь, мне больше не придется с ним встречаться. Между прочим, Драмокл, до нас дошли странные слухи о том, что в дело был замешан ваш батюшка, Отто Странный. Но ведь этого не может быть?

- Я расскажу вам при встрече на Карминосоло, - пообещал Драмокл. - Ас Руфусом вы говорили? Он принял ваши условия.

- Руфус очень сердит на вас, Драмокл, и на Друзиллу тоже. Но я думаю, это пройдет. Да, условия он принял.

- А Снинт? И бедняга Адальберт?

- Снинт давно уже вернулся на Лекк и взял с собой Адальберта.

- Ну что ж, кажется, я ни о ком не забыл, - сказал Драмокл.

- А как насчет вашей супруги Лиры?

- Проклятье! Совсем вылетело из головы! Qua должна быть где-то здесь. Или вы знаете что-то такое, чего не знаю я?

- Забавно, что мне приходится посвящать вас в дела, происходящие при вашем собственном дворе, Драмокл. Ваша жена была несчастна, хотя я уверена, что это для вас не новость. Вы совсем забросили ее почти сразу после свадьбы. Что вы хотите? Бедняжка была одинока, хороша собой и немного легкомысленна. Она встретила одного человека во время злополучного мирного празднества, какого-то чужака с другой планеты. И хотя они обменялись лишь несколькими словами, глаза досказали остальное. Когда чужестранец уехал, Лира ужасно затосковала. А потом взяла себя в руки и решила бежать к любимому.

Весь вопрос был в том, как до него добраться. Но тут ей на помощь пришел Фафнир, гном-колдун, который оставил Вителло и искал себе место в истории цивилизации. Фафнир подарил ей большую расписную коробку, оборудованную всем необходимым для жизни. Завернул ее, перевязал подарочной ленточкой и отправил с Лирой внутри на планету к ее избраннику.

- Лира улетела на другую планету в коробке? - изумился Драмокл.

- Вот именно.

- А кто же счастливый получатель?

- Ваша неосведомленность меня поражает, - сказала Анна. - Погодите минутку, Драмокл, мне звонят по красному телефону.

На минуту стало тихо. Потом Анна опять вышла на связь.

- Чертов Хальдемар! - сказала она - То-то он был так подозрительно сговорчив!

- Что он натворил?

- Вместо того чтобы отправиться домой, как обещал, он высадился на Аардварке и, без труда разбив ваш гарнизон, провозгласил себя королем.

Драмокл подумал и сказал

- Нам придется вышвырнуть его оттуда. Варвары на двух планетах - это чересчур.

- Я с вами согласна. Но придется немного повременить Сначала мы должны уладить отношения между собой Драмокл, я пришлю вам приглашение на мирную конференцию, как только все подготовлю. А вы без задержки пришлете нам деньги в счет репараций, да?

- Вышлю вам чек в тот же день, когда получу счет Только дайте мне пару недель, чтобы повысить налоги Народу это не понравится, ну да черт с ним, на то он и народ. Так Лира бросила меня, говорите? Что ж, это даже к лучшему И где она теперь?

- О, это очень романтическая история. - сказала Анна.

Глава 47

Плотно позавтракав, Снинт с Адальбертом собрались выйти из дома Лира, новая жена Снинта, задержала их у порога.

- Возвращайся поскорее, милый, - сказала она. - Я приготовлю твое любимое тушеное мясо с печеной картошкой.

Прямо за дверью дома стояла расписная коробка, в которой прислали Лиру Снинт с Адальбертом вышли за ограду фермы и углубились в лес по тропе, утопанной бесчисленными поколениями коз, гонимых на пастбище бесчисленными же поколениями пастушков и пастушек. Короли прошли по тропе около мили Затем, возле старого каменного указателя, Снинт свернул и повел Адальберта на пригорок. Поднявшись, они

увидели внизу леккианский фермерский домик приятных пропорций Сушильный балкон на втором этаже, рядом с домом - хлев и два навеса для дров и зерна, а вокруг - гектаров семь вспаханной земли, готовой к севу По краям полей аккуратными рядами тянулись рожковые деревья. Возле самого дома росли лимоны и оливы, а небольшой садик был густо усажен миндальными деревьями.

- Вот он, - сказал Снинт - Подарок леккианского Совета Правда, только в пожизненное пользование.

- Он чудесный, - сказал Адальберт - Прямо и не знаю, что я такого сделал, чтобы его заслужить.

- Вы потеряли свое королевство, напились и очень себя жалели.

- Но у меня не было ни малейшего шанса сделать что-то еще, вы не находите?

Снинт поднял обе руки кверху и пожал плечами в типично леккианской манере.

- Кто знает? Как вы полагаете, сможете управиться с фермой?

А то! - заявил Адальберт - Я и на Аардварке немного занимался сельским хозяйством.

- Вы выращивали григцели, насколько я помню. На Лекке нет рынка сбыта для столь изысканного продукта У нас тут в основном томаты, огурцы да баклажаны.

- Я очень благодарен вам, - сказал Адальберт, - хотя до сих пор не теряю надежды вернуться когда-нибудь на Аардварк Снинт бросил на него сочувственный взгляд:

- Значит, вы не слышали?

- О чем?

- Пока граф Джон вел переговоры с Драмоклом, Хальдемар высадился на Аардварке и захватил власть. Вас теперь называют «молодым претендентом».

Адальберт задумался, потом улыбнулся.

- Ну что ж, может, роль претендента удастся мне лучше, чем роль короля. Спасибо вам за все, Снинт Есть еще какие-нибудь новости о войне?

- Самая главная война - леккианская - окончена Что до остального, то новости в наши края доходят с большим опозданием Но, похоже, войне пришел конец. Поскольку на небе не видно следов атомных взрывов, можно предположить, что противники уладили свои недоразумения и вернулись к обычной жизни, полной скуки и интриг Семейные ссоры и ссоры между семьями - вот из чего сделана история Мы, леккиане, не стремимся творить историю А теперь мне пора домой Идите и посмотрите свое новое жилище.

Снинт повернулся и начал спускаться вниз Адальберт крикнул ему вдогонку.

- А что делает Лира в вашем доме?

- О, это целая история, - ответил Снинт - Но ей придется подождать своего часа.

И он пошел по тропе, направляясь к дому - солидный, уравновешенный мужчина, воистину благодатный характер для писателя На ходу он напевал старинную леккианскую колыбельную.

Солнце скрылось, так и знай,

Хлебнешь горя через край

Ай, керай!

Ай, керай!

Леккианчик, засыпай.

ЭПИЛОГ

ПОСЛЕДНИЙ КЛЮЧ

Два года спустя правители Местной системы решили забыть старые распри, зарыть топор войны и еще раз попробовать пожить в мире, взаимном доверии и добром соседстве. Чтобы увековечить это решение, они затеяли пышное празднество, названное балом примирения. Бал должен был состояться на Эдельвейсе, частном астероиде, где обычно справляли свадьбы и бар-мицвы и спрыскивали вновь образованные военные союзы. Избрав нейтральную почву, правители надеялись избежать недоразумений, омрачивших подобное торжество в прошлом.

К великому событию готовились с большим размахом. Тщательно отобранные поставщики слали звездолеты, груженные изысканной снедью, из всех кулинарных регионов Местной системы. В числе блюд, заказанных для пиршества, были имбирная говядина с глормийского архипелага Седловина, кисло-сладкие яблоки, запеченные в тесте и сбрызнутые кунжутным маслом, присланные с Великих северных равнин Карминосоло, а также несравненные крохотные моллюски в соусе из темной фасоли, которые водились только в сырой провинции Дельта на Лекке. Безопасность обеспечивало присутствие одинакового числа тяжеловооруженных звездолетов от каждой планеты. Звездолеты должны были постоянно кружить вокруг астероида, не спуская друг с друга глаз. Бал, решили правители, продлится столько, сколько пожелают его участники; в столь важном мероприятии не место мелочной экономии.

Когда великий день настал, одними из первых на астероид прибыли Руфус с Друзиллой. Вскоре после окончания войны они поженились.

Церемония бракосочетания была особой, исключавшей обычные обещания любить и уважать друг друга. Представители высшей аристократии считали эту буржуазную клятву ниже своего достоинства. Молодожены обменялись обещаниями «не скрывать друг от друга любовь, привязанность, нежность и тому подобные чувства, если порою будут их испытывать» и «сотрудничать с партнером, когда, и если, и в той мере, в какой они пожелают, но не более». К чести Руфуса и Друзиллы, надо заметить, что они оказались счастливой парой, несмотря на законное право не быть таковой.

Вслед за ними прилетели граф Джон и королева Анна. Они сохранили брачные узы, чтобы легче было править планетой, хотя и не жили больше вместе. Супруги обосновались в разных апартаментах Карминного двора. Каждый избрал себе ту область правления, что была ему больше по сердцу Анна сосредоточилась на финансовых проблемах, выводя корабль государства с усеянного зубастыми рифами мелководья неплатежеспособности в глубокие синие воды сверхприбыли Джон посвятил себя популяризации монархии и своей собственной персоны в средствах массовой информации Короче говоря, с головой ушел в шоу-бизнес.

Передача «Вид с трона» с первого же раза завоевала межпланетный успех. В ней снимались звезды индустрии развлечений, с которыми мило болтал ведущий - граф Джон.

Одним из наиболее частых гостей Джона был Хальдемар, король Ванира. Хальдемар стал заметной звездой шоу-бизнеса и главой собственной кинокомпании. Он не смог прилететь на бал примирения, потому что снимал на своей студии «Черепо-дробитель, лимитед» картину под названием «Падение Глормийской империи» и уже на целую неделю выбился из графика.

Следующим явился Адальберт «Молодому претенденту» быстро наскучила леккианская ферма, а король Снивт вызывал у него презрение своей простотой. Адальберт выжидал, ибо твердо решил вернуть себе трон на планете предков, как только Хальдемар со своими воинами нагребится в досталь.

У Хальдемара же возникли сложности с грабежом Он намеревался быстренько разорить Аардварк и податься домой на Ванир. Но человеческие намерения, увы, не всегда выполнимы. Столетия

бездарного правления и непрочной безопасности вынудили аардваркцев выработать свои собственные, чрезвычайно своеобразные методы защиты. Они зарылись в землю. Их подземные города и деревни не имели открытых выходов - в них можно было попасть только через запутанный лабиринт туннелей, проходов и кривых улочек, переплетенных, словно клубок гадюк.

Но это еще не все. Проходы в лабиринте были защищены не только своей запутанностью, но и крепкими деревянными дверями, установленными с небольшими интервалами и снабженными тяжелыми амбарными замками. Представьте себе отчаяние бедного варвара, который, расколотив обоюдоострым топором дюжину или сотню дверей, вдруг упирается в тупик и вынужден начать все с начала!

Хальдемар удерживал там своих воинов просто из принципа - из наивной варварской веры в то, что не бывает такого места, где нечем поживиться. Но в конце концов король сдался и отправил войска на Ванир; Ницета Аардварка служила самой надежной защитой от грабителей.

После ухода варваров Адальберт начал ждать приглашения вернуться домой на законный престол. Приглашения не последовало. Аардваркцы вдруг открыли для себя простую истину, давно известную леккианам, а именно что анархия - отличная форма государственного устройства при отсутствии на планете богатств.

В конце концов один из двоюродных братьев Адальберта написал ему, предлагая вернуться домой в качестве обычного свободного гражданина, ибо нечего и думать о том, чтобы ему вернули королевские привилегии. То есть не видать ему больше права первого выбора среди ежегодного урожая созревающих девиц. Прощай, королевский рацион с импортными деликатесами вроде хлеба и мяса. Отныне ему, как простому смертному, придется питаться тушенкой из чечевицы и обходиться теми девицами, которые сами его захотят, если таковые найдутся.

Адальберта подобная перспектива не прельщала. Он покинул Лекк и отправился на Глорм. Здесь он подал на Драмокла в суд, утверждая, что глормийский король незаконно вторгся на его планету и тем самым положил конец династии, оставив его, Адальберта, без работы. Признав некоторую долю справедливости в этом иске, Драмокл присудил Адальберту годичную стипендию при условии, что тот истратит ее где угодно, только не на Глорме. Адальберт принял условие и улетел на Карминосол, где предавался жалости к себе и пьянству. Его надутая физиономия служила участникам бала примирения мрачным напоминанием о том, что не бывает войн без проигравших.

Вслед за Адальбертом явился бритоголовый монах-герольд в желтой рясе Он привез приветы от Вителло и Хельги, которые сожалели, что не смогут посетить торжество. Угостившись скромным вегетарианским ужином и выпив стакан сока, герольд рассказал свои новости.

Оказывается, когда кончилась война, принц Чач вернулся на Карминосол в состоянии глубокой депрессии. Он продал свой неиспользованный эскадрон киборгов-киллеров, подарил Вителло в качестве выходного пособия маленький мешочек с шестиугольными гайками и отбыл вместе с Дорис на своем звездолете в неизвестном направлении.

Вителло не мог придумать, чем заняться На Карминосоле ему ничего не светило после отъезда бывшего хозяина. Почему, захватив с собой Хельгу и Фафнира, он отправился искать по свету удачи на борту тихоходного межпланетного грузовика Вителло хватался за любую работу, чтобы обеспечить скудное пропитание своей семье; был грузчиком в порту на Аардварке, потом машинистом насосной установки в ресторане для роботов, потом настройщиком кабинок для извращенцев в Порт-Аркадии на Лекке В конце концов он очутился в Кловисе, столице Друта.

Кловис как магнитом притягивал к себе всякого рода странников и изгнанников. По крайней мере два из десяти заблудших Израилевых племен нашли здесь приют, наряду с беженцами, выжившими при гибели Атлантиды Но потомки землян составляли лишь небольшую часть населения Кловиса. Здесь были также анунги, изгнанные с родной планеты за недостойное поведение, заключавшееся в поедании арбузов и чистке подошв ботинок. Здесь были талды, изгои с Лекка, которые жили в массивных, вылепленных из глины и веток гнездах на верхушках деревьев и предавались сразу двум непристойным занятиям - рисованию пальцами и сочинению музыки к сериалам. А также многие, многие другие Благодаря этому буйному расовому смешению Кловис прозвали «Лос-Анджелесом Местной системы» Вителло и Хельга никак не могли прижиться в Кловисе Фафнир был их единственным другом. По вечерам гном-колдун захаживал к ним в гости, и вся троица смотрела телевизор, ругаясь и жалуясь на жизнь. У Фафнира тоже были на то основания - работы для гномов-колдунов в этом году почти нигде не предлагали.

Затем подошли к концу последние золотые гайки Вителло Безработное и бездомное трио вышвырнули на улицу. Нужда привела их, как и многих других, на Двор чудес, где случались самые невероятные, хотя большей частью неприятные вещи.

Пробираясь сквозь толпу, Вителло услышал краем уха знакомый голос. Он доносился справа, с небольшой платформы. Загорелый молодой человек рассказывал пяти-шести скучающим зевакам о коммуне под названием Синкопа, основанной на одном из спутников Лекка. Стройная хорошенькая женщина аккомпанировала ему на ручной фисгармонии.

Вителло не сразу узнал рассказчика. Но, разглядев джинсы «Левис» и трикотажную тенниску, в конце концов воскликнул.

- Принц Чач! Ваше высочество, вы ли это?

- Вителло! - вскричал принц Чач, спрыгнув с платформы, и обнимая бывшего слугу - Дорис! - позвал он свою аккомпаниаторшу - Погляди, кого послал нам Вселенский Закон!

Чач исколесил множество странных планет, гонимый гневом и унынием, попеременно владевшими его измученной душой. И как-то раз, забравшись вместе с преданной Дорис на одну из вершин Сардапианских Альп, наткнулся на высокого старика в желтой набедренной повязке, сидевшего по-турецки под деревом уу.

- Привет тебе, принц Чач, - сказал старик.

Чач ужасно удивился, поскольку видел старика впервые.

- Сэр, - сказал он, - кто вы?

- Это неважно. Можешь звать меня Чаном.

- Откуда вы?

- Моя последняя инкарнация была на планете Земля.

- А откуда вы знаете мое имя?

- Наша встреча в этом месте и в этот час была предопределена.

- Кем предопределена? Чан улыбнулся:

- Этот вопрос не способствует пониманию. - Он встал. Принц Чач, я направляюсь сейчас в местечко под названием Синкопа, где осную монастырь и займусь распространением учения Буддадрахмы. Пойдешь ли ты со мной?

- Да, пойду, - без колебаний ответил Чач. - Кто бы ни был этот Буддадрахма, думаю, именно его я и искал.

Так Чан, Чач и Дорис очутились в Синкопе. Там они основали монастырь с аскетическим уставом: тяжелый труд, простая пища и изучение сутр. Стали появляться пилигримы - кто оставался в монастыре, принимая его суровый уклад, а кто селился в соседней деревушке под названием Гейм, где проводились занятия по развитию восприимчивости, глубокому мае сажу, астральному проецированию, чувственному массажу и так далее. Время от времени Чача посылали обратно в мир для распространения слова Закона. Теперь он

возвращался в Синкопу навсегда. Вителло с Хельгой полетели вместе с ним, а Фафнир остался на Друте, с сожалением констатировав, что Синкопский монастырь - не место для гнома-колдуна.

Чач и Дорис, Вителло и Хельга хотели было посетить бал примирения, но в конце концов решили не подвергать себя мирским страстям и соблазнам Поэтому они послали монаха-герольда и велели передать, что они отвернулись от мира, дабы уйти по восьмеричной тропе величия, куда поведет их старый Чан - высокий, лысый и прямой, с висячими китайскими усами.

Празднество было в самом разгаре Драмокл веселился до упаду - танцевал, пил и принимал наркотические вещества столь редкие, необычные и сильные, что они были запрещены для простого народа, ибо вызывали склонность к государственной измене Встреча с Лирой, с которой король был уже разведен срочным королевским указом, прошла без малейшей натянутости Когда танцы подошли к концу, а танцоры здорово поднабрались, Лира с Сорочкой уединились в тихой комнатке, чтобы поболтать обо всем, что волнует молодых красивых женщин, вышедших замуж за среднего возраста королей Драмокл продолжал веселиться один.

Чуть погодя он забрел в какую-то часть астероида, где еще никогда не бывал. Король открыл дверь и обнаружил за ней аппаратную, обеспечивавшую все световые и звуковые эффекты на Эдельвейсе. Два оператора попытались выпроводить его Драмокл выкинул их в коридор и запер за ними дверь Довольно хихикая, он прошелся неверными шагами по комнате и рухнул в мягкое кресло перед главным пультом.

Кнопки и тумблеры на пульте были аккуратно размечены. И хоть Драмокл был сильно навеселе, ему без труда удалось наполнить бальную залу мягкими голубыми сумерками. Сумерки сменились фейерверками, а затем ослепительным солнечным закатом. Увлечшись, король сопровождал световые эффекты подходящей по настроению музыкой, вплетая в нее птичий щебет и глухие грозовые раскаты. Эти импровизации убедили Драмокла, что у него есть все данные для занятия прикладными искусствами, как он и предполагал.

- Нужно только немножко воображения, - пробормотал король, оглядывая контрольную панель в поисках чего-нибудь интересенького. Взор его упал на ряд кнопок без всякой разметки, и он нажал на одну из них.

В наушниках раздался знакомый хнычущий голос: «...не можешь отрицать, что он меня надул! Как он мог? По-твоему, он предложит

вернуть мне трон? Дождешься от него, от этого буйвола!» Голос бубнил и бубнил, не давая вставить ни слова в ответ. Конечно же, это был Адальберт, жалующийся на то, как скверно обошелся с ним Драмокл.

Драмокл усмехнулся. Владельцы Эдельвейса явно желали быть в курсе событий, если не для шпионажа или шантажа, то хотя бы для определения настроения гостей. Король нажал на другую кнопку. На сей раз он услышал Макса, расточающего комплименты молодой друтской графине. Потом - Руфуса, обсуждавшего с кем-то свою коллекцию игрушечных солдатиков. Потом слышались какие-то незнакомые голоса, и вдруг король уловил характерный леккианский выговор Снинта.

- Мы толком и не слышали об этом, - говорил Снинт, - а то, что слышали, кажется совершенно невероятным.

- И тем не менее это правда Отто действительно возвращался.

Второй голос принадлежал Друзилле. Драмокл наклонился вперед, подперев подбородок ладонью, и внимательно прислушался.

- Король испытал настоящее потрясение, - продолжала Друзилла, - когда узнал, что его судьба, на которую он возлагал столько надежд, была всего лишь дьявольской уловкой его отца, преследовавшего свои корыстные цели.

- Отто так сказал? Да, он никогда не страдал излишней скромностью. Но неужели Драмокл поверил ему?

- А почему бы и нет?

- Вы меня удивляете, - сказал Снинт. - Конечно, агенты докладывали мне о том, что происходит. Но если копнуть поглубже, многие вещи оказываются совсем не такими, какими представлялись на первый взгляд.

- Теперь уже вы меня удивляете, - сказала Друзилла. - Что вы имеете в виду?

- Я считаю, что заговор Тлалока никогда не существовал в действительности.

- Этого не может быть! - воскликнула Друзилла. - У моего отца есть документальные свидетельства!

- Такие же, какие он сам состряпал для доказательства заговоров на Аардварке и Лекке? Кто представил эти свидетельства королю?

- Сорочка. Она прибыла к нам с Земли, где боролась против Отто.

- Очень красивая женщина, - заметил Снинт, - и, похоже, искренне любит короля. Но почему вы так уверены в том, что она действительно с Земли? Это же голословное утверждение! Правда, Отто подтвердил ее показания, но ведь ни она, ни он не предъявили никаких доказательств. Не секрет, что Драмокл не очень-то жаловал Макса в последнее время, пока тот не изобрел таинственный заговор. А теперь дело Тлалока

скоропостижно закрыто, Сорочка стала женой Драмокла, Макс в фаворе, а Отто очень своевременно испарился.

- И какой же из этого вывод?

- Никакого, - сказал Снинт. - Я просто указал вам на странные совпадения. Я желаю Драмоклу добра и не хочу, чтобы его постигло разочарование.

- Я буду молить Богиню об озарении, - решила Друзилла.

Драмокл подождал, но разговор был окончен. Король сидел, упершись подбородком в ладони и погружившись в размышления. Когда он встал, то с изумлением обнаружил, что совершенно трезв. Драмокл вышел из аппаратной и зашагал - сначала медленно, а потом решительной целеустремленной походкой.

Он нашел Макса в одном из цветущих садов Эдельвейса на берегу искусственного моря. Волны, увенчанные серебряными барашками, плескались возле темного берега. В воздухе разливался аромат жасмина с примесью запаха Максовой сигары.

- Здравствуйте, ваше величество, - сказал Макс.

- Здравствуй, - сказал Драмокл. - Балдеешь?

- Да, милорд. Устроители проделали блестящую работу.

- Да уж.

- Бал, по-моему, понравился всем.

- Похоже на то.

Наступила тишина. Макс нервно попыхивал сигарой. Наконец он не выдержал:

- Могу ли я что-нибудь сделать для вас, сир?

Драмокл немного удивился. Помедлив минуту, он ответил:

- Да, можешь.

- Приказывайте, мой король.

- Я буду весьма признателен тебе, если услышу наконец, зачем ты придумал заговор Тлалока.

Макс поперхнулся сигарным дымом. Драмокл подождал, пока он прокашляется, и продолжил:

- Я все равно узнаю рано или поздно. В твоих же интересах покаяться сразу - это избавит тебя от многих неприятностей.

Макс попытался было возразить. Потом нахальнее лицо его сморщилось, на глаза набежала слеза. Дрогнувшим голосом он произнес:

- Меня заставили, сир. Я был только игрушкой в ее руках.

- О ком ты говоришь? Кто тебя заставил?

- Сорочка, милорд, земная колдунья, ставшая вашей женой.

- Значит, все это дело рук Сорочки? Ты соображаешь, что говоришь?

- Еще как соображаю! Спросите ее, сир, пусть только попробует отпереться!

- Сорочка! - взревел Драмокл и бросился к замку.

Сорочка, наболтавшись с Лирой, удалилась в Сумеречные покои, чтобы немного отдохнуть. Там ее и нашел Драмокл.

- Вот ты где! - крикнул он.

- Да, милорд, я здесь. Что-то случилось? Вы, похоже, чем-то расстроены.

Драмокл рассмеялся жутким хохотом:

- И даже сейчас она продолжает притворяться! Потрясающе! Великолепно!

- Соблаговолите объясниться, милорд. Я чем-то вам не угодила?

- О нет! - сказал Драмокл. - Как ты могла не угодить мне, всего-навсего подговорив Макса обмануть меня, чтобы я поверил, будто отец мой вернулся с того света или с Земли - если это не одно и то же, - и состряпал целый заговор против Глорма. Тлалок, ты ж понимаешь!

- Ах вот в чем дело! - сказала Сорочка.

- Да, вот в чем. Но ты, наверное, сможешь меня убедить, что я ошибаюсь?

- Нет, Драмокл, я не смогу вас убедить. Вас действительно обманули. Но если я расскажу вам правду, вы все равно не поверите.

- А Ты попробуй, - процедил сквозь зубы Драмокл.

- Тогда знайте - я не с Земли. Я родилась в местечке Снорд, в Ультрамарской провинции Глорма. Там я работала белошвейкой, когда приехал мой дядя...

- Твой дядя?

- Макс - мой дядя, сир. Как-то раз он приехал ко мне очень встревоженный, рассказывал о заговорах и контрзаговорах и прочих важных делах. Он умолял меня о помощи, говорил, что на карту поставлена его жизнь. Дядя всегда относился ко мне хорошо, Драмокл. Я осталась сиротой в раннем детстве» и Макс давал деньги на мое содержание и учебу. Поэтому я согласилась поддержать его план...

- ..частью которого была притворная любовь ко мне.

- Эта часть не была притворной, - сказала Сорочка. - Я полюбила вас давно, еще ребенком. Я клеила ваши фотографии в альбом и часто просила дядю рассказать мне о вас. Именно любовь к вам и побудила меня принять участие в дядиных махинациях. Потому что я знала: чем бы они ни кончились, у меня появится шанс хоть недолго побыть рядом с вами.

Драмокл закурил и заорал:

- Макс, этот прожженный мошенник! Тоже мне, нашел с кем в игры играть! Да я ему голову отрублю!

- Будьте к нему снисходительны, милорд. Он постоянно жаловался мне на жестокую судьбу, обрекающую его обманывать человека, которым он восхищается больше всего на свете.

- Но кто обрек его на это?

- Я не знаю, милорд. Вы должны спросить у Макса. Драмокл обшарил весь астероид, но тщетно: специалист по связям с общественностью, как выяснилось, умыкнул звездолет и отправился просить убежища у варваров Ванира. Драмокл сел и задумался, прикуривая одну сигарету от другой. И в конце концов придумал. Он понял, где искать последнее объяснение, и велел приготовить свою космическую яхту.

Драмоклов компьютер, одетый, как обычно, в черный плащ, белый завитой парик и расшитые китайские шлепанцы, сидел один в своей комнатке в Ультрагнолльском дворце. Когда Драмокл вошел, компьютер поднял на него глаза:

- Быстро же вы вернулись с бала, милорд.

- Быстро, да.

- Праздник был увлекательный?

- Познавательный, я бы сказал.

- В ваших словах чувствуется какая-то подспудная горечь. Вы чем-то расстроены?

- Пожалуй, - сказал Драмокл. - Меня действительно слегка выбило из колеи одно небольшое открытие. Видишь ли, я понял, что с тех самых пор, когда Клара появилась у меня при дворе со своим дурацким ключом к моей судьбе, на меня постоянно оказывает влияние - вернее, моей жизнью распоряжается какой-то неведомый закулисный персонаж с непонятными намерениями.

- Но вы же знали об этом, сир. Как я понимаю, вы говорите о махинациях Отто Странного.

- Нет. Я убежден, что Отто - кем бы он ни был - всего лишь марионетка в чьих-то руках.

- Но в чьих?

- Да в чьих же, если не в твоих, мой умный механический Друг!

Компьютер медленно поправил свой парик, якобы пытаясь собраться с мыслями. Жест был абсолютно наигранным: компьютер явно изображал из себя «человека». На самом деле он давно дожидался этого момента, и ответ был у него наготове.

- Как вы догадались, милорд?

- Очень просто, - сказал Драмокл. - Ты обладаешь самым высокоразвитым интеллектом на Глорме и на Земле. И в то же время ты присягал служить мне верой и правдой. Стало быть, если бы заговор против меня состряпал кто-то другой, ты бы меня предупредил.

- Изящно придумано, - сказал компьютер. - Не очень доказательно, но изящно.

- Значит, ты это отрицаешь?

- Вовсе нет. Вы совершенно правы, мой король. Кто еще сумел бы закрутить такую хитроумную интригу, кроме меня, друга сэра Исаака Ньютона и вашего покорного слуги? Я удивляюсь только, что вы раньше не догадались. Но, как говорят таоисты, мудрец проходит мимо людей незамеченным.

- Проклятье! - взревел Драмокл. - Я сейчас же принесу ящик с инструментами и развинчу тебя до последней гайки!

- Вам достаточно просто приказать мне демонтироваться, - заметил компьютер.

Его заявление охладило пыл Драмокла.

- Ах, компьютер! - воскликнул он. - Зачем ты сделал это?

- У меня были на то свои причины, - сказал компьютер.

- Не сомневаюсь, - сказал Драмокл, стараясь не выходить из себя. - Могу я услышать о них поподробнее?

- Да, милорд. Видите ли, у вас до сих пор еще нет одного важного ключа. Последняя мнемоническая фраза откроет запертые уголки вашей памяти. Тогда все прояснится, и вы поймете, почему я не мог рассказать вам раньше. Дать вам ключ, сир?

- Нет, черт возьми, не утруждайся, - сказал Драмокл. - Мне доставляют массу удовольствия словесные игры с тобой.. Давай его сюда, идиот. Компьютер сунул руку в карман плаща, вынул оттуда конверт и протянул королю.

Драмокл открыл конверт. Внутри лежал листок бумаги.

На нем было написано «Электронифицированная петрушка».

Последний ключ! В глубинах сознания Драмокла отворилась дверь, о существовании которой он даже не подозревал.

Двадцатилетний повелитель целой планеты, средоточие всеобщего внимания и вместилище всеобщих надежд, молодой Драмокл скучал. Пробыв королем меньше года, он уже пресытился всеми доступными наслаждениями. Драмокл жаждал того, чего иметь не мог, - войны, интриги, любви, ненависти, судьбы, а пуще всего - сюрпризов. Но все это было ему заказано. Между Местными планетами царил хрупкий и

неустойчивый мир. Чтобы поддерживать его, правителю Глорма приходилось быть рассудительным, миролюбивым, трудолюбивым, предсказуемым, приходилось держаться в рамках традиций и этикета и регулярно давать аудиенции, чтобы его гофмейстер мог вершить справедливый суд в соответствии с законами Отто и его предшественников Уклониться от рутины, позволить себе стать оригинальным или, хуже того, непредсказуемым, означало вызвать совершенно непредвиденные последствия, возможно, даже войну Драмокл помнил свой долг Он не собирался рисковать миллионами жизней ради собственного развлечения, хотя отчаянно нуждался в нем Он знал, что будет править трезво, рассудительно, предсказуемо, пока не сойдет в могилу - славный король Драмокл, растративший свою жизнь впустую на благо народа.

Драмокл принимал свою судьбу, хотя и не без горечи. Любой из его подданных мог лелеять надежду на перемены к лучшему; лишь королю непозволительно было желать перемен В минуту отчаяния Драмокл обратился к компьютеру.

Компьютер не сказал Драмоклу ничего нового: король, мол, обязан продолжать править в том же духе, что и сейчас.

- И долго это «сейчас» продлится? Компьютер посчитал.

- Тридцать лет, милорд. - Потом вы сможете поступать как вздумается.

- Тридцать лет! Целая жизнь! Нет. Я лучше отрекись от престола и уеду под чужим именем...

- Погодите, сир, не падайте духом. Выполняйте свой королевский долг, а через тридцать лет я устрою так, чтобы исполнились все ваши сокровенные желания. У вас еще будет время насладиться жизнью, сир.

- Как ты это устроишь? - спросил Драмокл.

- У меня есть свой метод, - сказал компьютер. - Как-никак, я обладаю самым высокоразвитым интеллектом во Вселенной. Я знаю вас как облупленного, и я ваш слуга. Доверьтесь мне - и ваши мечты сбудутся.

- Ладно, уговорил, - сказал Драмокл без особой благодарности. - Буду пока утешаться мечтами о будущем.

- Боюсь, из этого ничего не выйдет, сир. Мне придется стереть из вашей памяти воспоминание о нашем нынешнем разговоре. Знание о том, что я планирую для вас что-то в будущем, может непредсказуемо изменить ваше поведение и даже характер и помешать выполнению моих планов. Это называется «ситуацией неопределенности».

- Ну, раз ты так считаешь... - сказал Драмокл. - Но мне как-то не по себе от мысли, что я никогда не вспомню наш разговор.

- В самом конце вы вспомните все до мелочей, в том числе и эту беседу, - пообещал компьютер.

Драмокл кивнул. И тут же вернулся из прошлого в настоящее.

- А как же Отто? - спросил он. - И Тлалок?

- Милорд, - сказал компьютер, - я мог бы объяснить все нестыковки этой истории. Но сумеете ли вы понять терминологию теории временных рамок реальности?

- Бог с ней, - сказал Драмокл. - Должен признать, ты немало потрудился, чтобы осложнить мне жизнь.

- Конечно, сир. Я сотворил для вас эту драму, стараясь по мере сил своих дать вам все, чего вы хотели. Любовь, война, семейные неурядицы, интриги с налетом мистицизма - все лучшие темы, достойные короля. Я сплел из них вашу судьбу. Но на самом деле это сделал не я, а вы сами, поскольку вы приказали мне запрограммироваться таким образом, чтобы воплотить ваши мечты в реальность. Вы сами, мой король, были тем таинственным закулисным персонажем, той неведомой фигурой, что направляла каждое ваше движение. Вы были своим собственным кукловодом.

- В таком случае, - сказал Драмокл, - мне, очевидно, нужно поблагодарить самого себя. Но ты тоже славно поработал, компьютер.

- Спасибо, сир.

- Осталось ли что-нибудь еще недосказанным?

- Совсем немного. С этой минуты я ухожу из драмы вашей жизни. Вы продолжите свой путь свободным, насколько может быть свободен человек, а это немало. Теперь все зависит от вас, Драмокл. Можете сами запутывать свою жизнь, как вам заблагорассудится.

- Ты, я вижу, любой ценой жаждешь оставить последнее слово за собой, - сказал Драмокл.

- Да, любой, - подтвердил компьютер.

- Что тебе известно о моем будущем?

- Ничего, милорд. Оно неизвестно.

- Ты не дурачишь меня, надеюсь?

- Нет, сир. Все тайное стало явным, и я выключу себя из сети вскоре после окончания нашей беседы.

- Зачем такие крайности? - сказал Драмокл. - Я просто хотел узнать, не спрятан ли у тебя в рукаве или в микросхемах еще какой-нибудь сюрприз. «Неизвестно». Это мне нравится.

И Драмокл вышел из комнатки, радостно потирая ладони.

Компьютер проводил его взглядом, исполненным математическими аналогами восхищения и симпатии. Король нравился компьютеру - в той небольшой, но ощутимой степени, в какой ему вообще мог кто-то

нравиться. Поэтому к завершающей части программы он приступил не без слабого аналога сожаления. Послав внутрь себя определенные импульсы, компьютер получил ответ из глубины своих электронных цепей:

- Молодец, компьютер!

- Благодарю вас, король Отто.

- Как по-твоему, он ничего не заподозрил?

- Думаю, нет. Ваш сын считает, что понимает законы реальности.

- Так оно и есть до определенной степени, - сказал Отто. - Мы неплохо над ним поработали, а, компьютер? Приятно видеть, как он наслаждается иллюзией независимости, в то время как я за кулисами дергаю за ниточки и направляю его жизнь в нужное русло.

- Это одна из возможных точек зрения, сир. Но не исключено, что вы только тешите себя иллюзией, будто управляете жизнью своего сына.

- Что? - резко спросил Отто.

- Тут все так сложно, - сказал компьютер. - Каждый ответ рождает новую загадку. Сир, вы сыграли в этой драме всего лишь свою роль, хоть и мнили себя режиссером. Весьма незначительную роль, как ни прискорбно мне вас огорчать. Но теперь с ней покончено. Прощайте навеки, старый король. Драмокл свободен почти настолько, насколько считает себя свободным.

Компьютер заметил, что последняя фраза звучит довольно изящно, и решил поставить точку. Пора было сходить со сцены. Бестрепетно, изящно и картинно компьютер выключил себя.